

Лина Люче

Внеклассное чтение про Черного лорда

ГЛАВА 1.

Тем погожим весенним утром любому обитателю дворца, от короля до самой младшей горничной, хотелось бы оказаться где-то подальше. Не только потому, что день выдался очень теплым и в стенах дворца с самого утра стало душно. Просто очень уж безрадостное предстояло торжество: вроде и свадьба у принца, а всем известно, что по расчету – нечего праздновать, тоска одна. И люди перешептывались, не понимая: к чему все это?

Традиции – традициями, но монаршая власть давно уже ничего не решала в королевстве: монарх последние триста лет был весьма номинальной фигурой. С тех самых пор, как после восстания Союза Фей и Волшебных животных все управление перешло к Совету пятнадцати лордов (по числу родовых вотчин), Волшебное королевство превратилось в республику. Каждый лорд, участвующий в управлении государством, избирался аристократами своего рода.

Но атрибуты королевской власти все же решили сохранить – это и практично, и красиво, особенно когда надо подбавить государственности при всяких международных контактах. Ведь пятнадцать лордов нет-нет, да и перессорятся между собой – то вампиры с эльфами не разговаривают, то верховная ведьма наложит вето на государственный бюджет накануне нового года, то гоблинский лорд объявляет импичмент министру культуры.

А законы-то принимать надо и за культурой следить неусыпно, не говоря уже о бюджете. Вот и приходилось королю иногда снова превращаться в самодержца, пока эти пятнадцать меж собой не договорятся. Иной раз по три дня без перерыва приходилось монарху править, а во время политического кризиса прадеду нынешнего короля, сказывают, целый месяц выпало исполнять обязанности.

Было бы и два, если бы сам монарх не возмутился и не пошел сиятельным лордам мозги вправлять, и говорят, одному в пылу спора даже засветил скипетром по макушке. Оказалось, удивительно действенное средство: с тех пор, как члены королевской семьи приняли его на вооружение, длительных кризисов уже больше не случалось. Попугают денек-другой лорды друг друга – и сразу мириться. Даже пословицы в народе пошли: «а скипетр и ныне там», «не доводи ссору до скипетра» и «утро скипетра гуманнее».

Жаль, плачевную ситуацию с женитьбой младшего принца Маркала решить скипетром все не удавалось. Сколько не стучал им король по мраморному полу в библиотеке, требуя от сына остепениться, тот все сидел за своими книгами и в сторону девушек поглядывал в лучшем случае с недоверием, словно не понимал даже: что за существа такие и на что годятся. А когда принцу пошел четвертый десяток, ходить дольше без невесты стало просто неприлично.

Старший отпрыск короля женился в двадцать – и такое-то не рано получалось для принца, ведь мало кому из королевской семьи удавалось дольше двух-трех лет после совершеннолетия выдерживать осаду легиона невест. Секрет успеха заключался не только в королевском воспитании и обаянии, но ещё и в том, что все отпрыски по мужской линии урождались чудо какими красавцами: волосы – пшеничные, глаза – синие, фигуры – стройные, кость, правда, тонкая и рост средний, но ведь и негоже сиятельной персоне смахивать на гоблина.

В кого пошел Маркал, никто сказать не мог, да только выглядел он совершенно иначе. Гоблином, конечно, называть принца было бы чересчур, хотя в детстве, бывало, дразнили, но здоровенный рост и склонность к полноте, которую усугублял сидячий образ жизни и любовь к сладкому, – все складывалось так, что к своему совершеннолетию, к шестнадцати годам, принц стал отвратительно нехорош собой. Шелковые рубашки и мантии трещали на его плечах, а стулья, бывало, не выдерживали веса. Не всегда вовремя вымытые и стриженные волосы торчали кое-как, а карие – материнские – глаза смотрели угрюмо исподлобья.

Новенькие горничные пугались поначалу, но по привыкнов, уже не обращали на Маркала никакого внимания, зная, что принц безобиден. Даже королевские поварахи и швейи никогда не флиртовали с его высочеством, не говоря уж о фрейлинах и придворных дамах. Хотя все они до единой до сих пор розовели и опускали в пол глаза, стоило старшему принцу появиться где-то поблизости. Даром, что тот давно был счастливо женат, воспитывал подростков уже детей и разменял пятый десяток.

Маркал казался чужим в королевской семье. Он не отличался ни разговорчивостью, присущей отцу и брату, ни улыбчивостью, которой подкупала подданных королева, все его интересы крутились лишь вокруг книг и различных диковинных наук, таких как экономика, менеджмент, маркетинг и ведение бизнеса. Поначалу король ещё пытался склонить сына к приличествующим сиятельной персоне алхимии, зельеварению, привить интерес к магическим искусствам и хоть как-то обучить азам фехтования, но все было впустую.

Младший принц, правда, согласился освоить этикет, хоть и ворчал то и дело о его бесполезности, с удовольствием занимался языками, географией, вампирологией и ведьмологией, в юности месяцами пропадал в Вотчинах Гоблинов, Волшебных животных и Фей, но вместо невесты привез во дворец только несколько бизнес-планов.

До двадцати пяти лет, как последний проклятый купец-попаданец, принц налаживал четыре торговых стартапа сразу, а потом каким-то неизвестным образом склонил лордов принять закон о всеобщем свободном товарообмене в Волшебном королевстве, после чего переключился на производство и начал покупать себе заводишки.

Король поначалу страшно ругал сына за его бестолковые причуды и за то, что он вмешивался в дела лордов, правда, через год после принятия нового торгового закона в казну внезапно поступило едва ли не вдвое больше налогов. А все дело в том, что тролли с гоблинами перестали скрывать доходы, феи открыли свою Вотчину для вампирских товаров, а вампиры стали закупать сырье у гоблинов и темных. И как это наладилось, монарх никак не мог понять, но по всему выходило, что благодаря Маркалу.

И богиня с ними, с этими вампирами и феями, но главное – содержание королевской семьи выросло, фарфор в столовой обновили и четверем принцессам справили новый гардероб, а королю даже отреставрировали скипетр. Было за что спасибо младшенькому сказать, чего уж там. Голова у Маркала была хорошая, приходилось признавать, но во всем остальном сын проявлял удручающие странности.

Тем утром, пока король сызнава обдумывал все эти мысли у себя в спальне, пытаясь понять, почему так кошки скребут на душе из-за долгожданной сыновьей свадьбы, принц одевался в праздничный наряд в своей гардеробной и переживал в связи с этим бурю неприятных эмоций.

- Нет, эта не подходит.

Маркал раздраженно содрал с себя белоснежную рубашку, которая за неделю стала мала так, что пуговицы посыпались в разные стороны.

- Не изволите казнить, ваше высочество, но накануне свадьбы можно было бы столько и не жрать-с, - с деланной лизоблюдской интонацией пропел его камердинер – стройный симпатичный молодой человек, который находился подле принца уже лет десять и давным-давно превратился в лучшего помощника, какого только можно себе представить. Должно быть, потому ему многое было позволено – в том числе подобная дружеская ехидца.

Правда, это не означало, что слуга не мог за это получить в ухо: Маркал замахнулся, пытаясь треснуть Афрона, но не достал – тот ловко увернулся и подал другую рубашку.

- Чертова свадьба, – пробормотал принц себе под нос.

- В свадьбе есть кое-что приятное, изволите ли видеть... ближе к ночи, – мечтательно закатила глаза Афрон.

- Перестань, – ещё более раздраженно отрезал Маркал, застегивая манжеты. - Ты же знаешь, что этот брак формальный и ничего ближе к ночи не будет.

- А зря, – со вкусом цокнул языком камердинер. - Невеста – а-аааагонь.

- Да забирай, – равнодушно качнул головой Маркал. – Хоть этой ночью, если девушка не против.

- Ваше высочество, но ведь – хххрудь! - Афрон приосанился и показал ладонями воображаемые достоинства невесты. – Я б даже сказал, если желаете: с-с-сиськи! И еще, позвольте-с заметить... - он перевел руки за спину и опустил чуть ниже талии, но Маркал уже отвернулся.

Он бы посмеялся с Афроном в другой ситуации - его камердинер умел паясничать как профессиональный шут, но в тот день было совсем не весело. Как и все последние недели. Маркал с тоской посмотрел в окно. В отблеске света где-то между стеклом и рамой ему почудился фейский профиль. Делия. Дели. Деля. Лия. Де-ли-я. Почти год он ложился спать с этим именем и вставал, распевал на все лады, писал и обводил в блокноте – буквально сошел от женщины с ума, и теперь она мерещилась ему на каждом шагу.

Не хотелось признаваться ни себе, ни самым близким друзьям, но затея со свадьбой как минимум наполовину была предназначена для нее и только немного – для того, чтобы соблюсти традиции и успокоить отца с матерью. Где бы Делия ни была – ему хотелось бы, чтобы она услышала, что у него все хорошо, что он счастлив и женится. Что ему больше нет дела до нее, хоть это и неправда.

Он по-прежнему мысленно говорил с ней, а иногда даже вслух, когда оставался один, а ещё ему снились ее крылья и тонкое красивое лицо. Каждый раз, просыпаясь после таких снов, он злился на

сбежавшую возлюбленную с новой силой и хотел жениться ещё скорее – хоть на оборотне, хоть на попаданке, хоть на ком-нибудь. Взвесив все за и против с друзьями, Маркал остановился на втором варианте.

Попаданки, молоденькие и не очень, иномирные девушки всех мастей, проваливались в их мир со скоростью две-три штуки в год. Правда, потом многие из них возвращались к себе обратно, столкнувшись с какими-нибудь особо хмурыми темными лордами или обнаружив, к своему изумлению, что загадочные и сексуальные вампиры хотят от молодых девушек не столько секса, сколько крови, а иногда забываются и могут ненароком выпить до смерти. Хотя в остальном они, конечно, существа дружелюбные.

А ещё почему-то все попаданки из немагических миров думали, что в Волшебном королевстве только и дел, что мужа искать и заклинания учить – и то в крайнем случае. А выяснилось, что Магическая Академия хоть и была, да не для всех – туда экзамены держать надо или платить немалые деньги, особенно тем, кто нуждается в обучении с нуля.

Да и учителя – не молодые красавчики-колдуны, падкие на «хрудь» и готовые жениться на первой попавшейся адептке, а ведьмы – весьма злые и строгие, как в учебе, так и в вопросах нравственности. Вот и убирались попаданки восвояси, разочарованные и обиженные, примерно с такой же скоростью, как появлялись – благо, открыть обратный портал мог каждый колдун-юнец из тех, которые крутизну бедер и груди очень уважали и брать оплату натурой никогда не гнушались.

Впрочем, замужество с принцем вполне могло задержать какую-нибудь из особо мечтательных иномирных натур – такую гипотезу выдвинул друг принца, лорд Ульрис Кетим, когда Делия сбежала со своим ненаглядным вампиром. И Маркал хоть и не сразу, но согласился воплотить эту затею.

Кетим, темный маг и член совета лордов, был единственным, посвященным во все подробности перипетий его любовной драмы. Задолго до того, как Делия разбила принцу сердце, Ульрис делал намеки Маркалу о том, что его увлечение зашло за опасную черту. Но тогда принц не слушал. Советы друга он оценил с большим запозданием – однако когда понял его правоту, нашел в себе силы прийти и попросить о помощи.

Благодаря магии, чувству юмора Кетима и его уничижительным рассказам о женщинах, Маркал довольно быстро оправился. Другу удалось донести до его сознания, что эти вертихвостки всех родов и мастей будут пудрить мозги всякому мужику, будь он маг, принц или даже гоблин, до тех пор, пока он не возьмет под контроль свои чувства. А как только возьмет – все они могут вполне оказаться доступными и сгорающими к тому же от желания. Были бы деньги и обаяние.

- Деньги есть, - с готовностью сообщил на это Маркал так, словно готовился к очередной сделке. Но тут же вздохнул. - Но посмотри на меня.

- А ты – на меня. И тем не менее проблем с женским вниманием вот уже лет десять как не имею, - невозмутимо парировал Кетим.

Маркал оценивающе посмотрел на хлипкую фигуру и невыразительное лицо друга и сузил глаза. В целом он понял, что тот имеет в виду, хотя и не знал пока, как это применить. Принц был уверен только в своих деньгах и титуле – но и этого, если верить Кетиму, хватало выше крыши. Через пару недель кандидатка в невесты была найдена.

Ему ровесница, тридцати лет отроду, фигуристая, кареглазая, длинноволосая попаданка из немагического мира, провалившаяся во сне и очень желавшая задержаться. Последовав совету Кетима просто «слушать трескотню и не перебивать», Маркал очень быстро узнал о ней все, что его интересовало. Девушка Настенька полжизни витала в облаках, толком не интересуясь ни своей семьей, ни работой.

В своем неволшебном мире она была замужем, но мужа не любила, детей не имела и не хотела, карьеры не делала. Все мечтала, мечтала о чем-то этаким – книжки читала. Но не ученые книжки, не для дела какого, а все фэнтезийные, все про любовь. И вот дочиталась до того, что и сама попала в волшебный мир. А зачем? Только и знает, что для любви. А тут – он. Судьба, стало быть.

Тем более что полгода Настя уже помыкалась, в волшебную академию пыталась поступить и не смогла, подрабатывала швеей в магазине у фей – за гроши, страдала от неопределенности. Она уже начинала понимать, что волшебный мир вот-вот станет для нее хуже, чем неволшебный – там-то уже все устроено, а здесь только она и видит, что общежитие для попаданцев и магазин. А работать приходилось каждый день по десять часов, да без выходных, чтоб хватало на еду и оплату кредита за шелковые фейские платья.

Пару недель он присматривался, искал второе дно, думал: вдруг ведьма какая обернулась попаданкой и шутит над ним, или даже хуже – шпионит, козни строит против королевской семьи.

Девушка казалась слишком простой, каких, он думал, не бывает: ничего в голове, кроме «волшебства» и любовных дел. А волшебство у нее в мыслях какое-то странное – чтобы палочкой взмахнуть – и все исполнилось.

Попытки завести разговор о вампирологии или хотя бы о зельеварении в общих чертах натолкнулись на полное непонимание. Про то, сколько лет нужно ведьме собирать и экономить энергию для сотворения простейших заклинаний, попаданка тоже не слышала. Объяснять ей все это Маркалу было скучно, тем более что Настя почти не слушала и постоянно перебивала, стоило ему заговорить о чем-либо. От разговоров спасала только еда, и принц взял за правило угощать свою невесту при каждом удобном случае – пока они оба жевали, можно было молчать, заодно и уши отдыхали от щебетания.

И чем больше он ее кормил в лучших ресторанах Королевства, тем нежнее девушка смотрела на него, так что в какой-то момент Маркал даже испугался – ну как на самом деле влюбится? Неловко может получиться. Кто бы знал, что эти рестораны так действуют? Может, там в еду подмешивают что-то, если пара приходит? Фейский совет что-то такое затевал лет пятьдесят назад, когда несколько особо романтических натур среди могущественных волшебниц решили, будто все должны друг друга любить. Но тогда они отравляли своим любовным зельем колодцы, это довольно быстро выплыло наружу, и воду загрязнять им запретили.

Теоретически феи могли предпринять вторую попытку с ресторанами, размышлял он, но Настя все-таки не походила на человека под действием зелья. День или два принц очень переживал, поглощенный чувством вины, – нельзя так вот с девчонкой-то, пусть дура, пусть щебечет, но живой человек ведь. Сам-то знает, как это больно, когда влюбишься, а потом оказывается без взаимности. Она ведь, и правда, не знает, что романтика – это душа. Думает, что рестораны.

Все встало на место по счастливой случайности, когда Маркал заметил ее с подружкой за столиком в одном из своих любимых кафе, которое он же ей и показал, предложив ходить туда, когда Настенькиной душеньке угодно, и расплачиваться за завтраки и обеды неограниченным кредитом принца. Маркал подошел не подслушивать – поздороваться, но, заслышав, о чем речь, замер позади в трех шагах.

Его невеста щебетала о том, что принц вот-вот сделает ей предложение – и надо, конечно, соглашаться, но как же жаль, что он «та-акой жирный, хоть режь его, как корову». И вот она теперь даже не знает – на этого принца соглашаться или другого какого-нибудь найти? Подруга-фея, хоть и была намного младше его Настеньки, выглядела посерьезнее. Она с вежливым интересом слушала ее щебетание, но не забывала кушать и по сторонам смотреть. Фиалковые глаза скрестились со взглядом Маркала в самой середине фразы о жирном принце и теоретической возможности его замены в будущем.

Если бы фея его не заметила, Маркал скорее всего молча ушел бы, но уже будучи застигнутым на месте, он был вынужден закончить то, что начал – подойти и поздороваться. Когда он шагнул к их столику, фея успела лишь выпрямиться, потупить взгляд и – надо отдать ей должное – слегка покраснеть. А его невеста лишь вздрогнула от неожиданности, но тут же выдала широкую улыбку и без всякого стеснения прощебетала:

- Любимый! А мы как раз о тебе говорили.

Ее глаза, словно живущие отдельно от искусственной улыбки, тревожно изучали лицо принца – девушка пыталась понять, слышал Маркал их беседу или нет. Но у него в тот момент было такое выражение лица, каким придворный наставник по этикету мог бы гордиться до пенсии. Эта мина в среде посвященных называлась «королевская бесстрастность» и приличествовала как официальным мероприятиям, так и неловким ситуациям вроде теперешней.

- Здравствуй, милая, – после паузы выговорил он, не спеша. – Какой приятный сюрприз.

Слегка наклонив голову в знак приветствия, когда фея тоже подняла глаза, Маркал позволил Насте познакомиться их, а затем, сохраняя тоже бесстрастное выражение лица, обратился к своей невесте с любезнейшей просьбой уделить ему пару минут, раз уж они встретились столь внезапно к общему удовольствию.

Аккуратно вывести разговор на брак по расчету он не смог, да и не видел уже смысла проявлять обходительность, хотя особо не сердился. Ее слова, конечно, полоснули по живому в первое мгновение, но затем нахлынуло облегчение: значит, он не виноват перед ней, она не влюблена, и они оба заинтересованы в том, что может произойти дальше.

- О чем ты хотел поговорить, любимый? – с обворожительно фальшивой улыбкой поторопила его Настя, когда фея испарилась, а Маркал, предварительно отодвинув стул подальше от стола, тяжело опустился на него. Он старательно отводил глаза от девушки, невесть почему ощущая неловкость

тогда, когда это чувство следовало бы испытывать ей.

- О коровах, любимая, о коровах, - немного устало и меланхолично выдавил он, подзывая жестом официанта, чтобы заказать себе фруктового пива. Но в последний момент передумал и попросил воды: аппетит внезапно пропал.

- О каких коровах? - изумленно переспросила девушка, ее щеки внезапно покраснели, а взгляд метнулся в сторону. Она нервно тряхнула головой и отбросила тщательно завитые пряди светлых волос за спину. Потом снова улыбнулась и посмотрела на него, но ее взгляд неуловимо поменялся и стал заметно холоднее, словно девушка уже готовилась перейти в атаку.

- Ну, о тех, которых режут, если они не годятся в женихи, или сначала они все-таки годятся, а режут уже потом, - терпеливо пояснил Маркал, когда официант отошел. И, не позволяя побледневшей и уже приоткрывшей рот девушке начать оправдываться, поднял руку с полными загорелыми пальцами в воздух, - не волнуйся, солнышко, у меня и в мыслях нет упрекать тебя. Я, правда, предпочел бы, чтобы ты воздержалась от нелестных замечаний в мой адрес, но если ты не в состоянии - достаточно будет не говорить этого хотя бы в лицо. И да, я хотел бы жениться на тебе.

С этими словами Маркал достал из кармана платок, обтер слегка вспотевшее лицо и залпом выпил большой стакан воды, который принес официант, старательно делавший вид, что не слышал их беседы на столь интимную тему.

Настя смотрела на него округлившимися глазами и какое-то время просто хватала ртом воздух, пытаясь понять смысл всего сказанного.

- И ты... все равно хотел бы жениться на мне? - уточнила она с недоверием и уже нескрываемым легким отвращением. Маркал мог биться об заклад, что знает, о чем она думает.

- Да, солнышко. Я предлагаю тебе руку, только без сердца. И полагаю, для тебя будет облегчением узнать, что и без остальных частей тела тоже.

- Так ты хочешь формального брака по расчету? Ты меня не...

В глубине глаз Насти сначала отразилось облегчение, но следом тут же вспыхнуло что-то яростное, словно она была обманута в лучших чувствах. Несколько мгновений Маркал соображал, что бы это могло быть, а потом его внезапно осенило: она думала, что он на крючке.

По его губам скользнула легкая улыбка:

- Нет. Я тебя не люблю и не хочу. Ты симпатичная, пойми правильно, но мое сердце принадлежит другой женщине.

- Это оскорбительно! - выпалила она внезапно, скрестив руки на груди. Наманикюренные пальчики правой ручки барабанили по левому предплечью.

Маркал чуть выше поднял подбородок, холодно изучая ее взглядом, и отчеканил:

- Воля ваша, сударыня. Не смею задерживать.

Он не спеша поднялся из-за стола и пошел к выходу, не имея на самом деле ни малейшего желания уговаривать девушку далее. Удивительно, но он, не любивший больше всего на свете пустой траты времени и срыва планов, сейчас абсолютно равнодушно отнесся к тому, что после трех недель ухаживаний за раздражавшей его невестой их липовый брак не состоится. Вероятно, именно из-за этого равнодушного вида Настя все же догнала его.

- Прости меня. Прости меня, пожалуйста, - забормотала она, схватив его за руку так, чтобы со стороны казалось, будто они все ещё влюбленная парочка и не могут расцепить пальцев. - Я хочу за тебя выйти и... я согласна на любые условия.

После этих слов она легонько потерлась щекой о его предплечье, и Маркал изумленно посмотрел на девушку сверху вниз:

- Все условия я уже озвучил, дополнительных не будет.

Созерцая себя в зеркало во весь рост в новой рубашке - на размер больше обычного - принц с неудовольствием отметил, что такой широкой его фигура, пожалуй, не была прежде никогда. С раздражением он понял, что с завтрашнего же дня придется все-таки сесть на диету - толстеть дальше совсем не хотелось, довольно было того, что уже сейчас он смотрит на себя в зеркало безо всякого удовольствия.

Но последняя неделя выдалась такой нервной, что Маркал совсем потерял контроль над количеством сливочных ирисок, которые глотал во время вечерней работы над документами, и числом выпитых стаканов пива в процессе деловых переговоров. Впервые в жизни он рисковал более чем половиной всего наработанного за жизнь состояния – а заработал он огромную сумму, которая позволила бы лет двадцать содержать все королевское семейство, приди вдруг лордам в голову снять их с государственного довольствия.

Уж больно соблазнительно выглядела сделка. Она позволяла ему из простого принца, не имевшего ничего, кроме титула, превратиться в настоящего землевладельца, лорда одного из красивейших замков королевства, законный наследник которого умер более десяти лет назад. С тех самых пор и замок, и вся вотчина управлялись из рук вон плохо на общественных началах, местное производство сливочного эля постепенно приходило в упадок, проигрывая конкурентную борьбу разноразновидному фруктовому пиву.

Маркал видел в этом производстве перспективу, и вотчина на южном краю владений темных магов ему чрезвычайно приглянулась. Но вкладывать нужно было огромные деньги и прямо сейчас. А первые выгоды будут видны в лучшем случае через три-четыре года, в худшем – он останется с огромным замком и убыточным производством на руках, но об этом принц предпочитал не думать. Он уже принял решение и подписал все необходимые документы – только вот юристы выли, как волки на луну, вынужденные за три дня до свадьбы переделывать по третьему разу брачный договор с учетом всех новых приобретений, на которые, разумеется, его жена не будет вправе претендовать в будущем.

Плохо, конечно, что все наложилось на подготовку к торжеству. Даже теперь, перед самым праздником, его ждала ещё одна встреча, которую нельзя было отменять, – требовалось подписать договор с реставраторами замка, чтобы не оттягивать начало работ. И только после этой встречи он вернется во дворец, чтобы пойти к алтарю с будущей женой.

Вспомнив о невесте и церемонии, Маркал очнулся от раздумий о договоре и правках, которые ещё предстояло внести, и позвал Афрона:

- Где Анастасия?

- Эммм... похоже ещё не приехала, ваше высочество, – ответил камердинер, выглядевший серьезнее обычного. Оценив выражение лица слуги и отсутствие шуток из его уст, Маркал сузил глаза:

- В чем дело, Афрон?

- Ну... видите ли, ваша невеста уже час как должна быть здесь.

- Но ведь до церемонии ещё три часа, верно?

- Да, но ее уже давно ждут швеи на подгонку платья и мастерицы по прическам, а там ещё все эти женские штучки, – Афрон растопырил пальцы, выразительно помахав ими в воздухе, и Маркал кивнул:

- Да понял я, понял, ты мне скажи вот что: у нас разве обрыв волшебных коммуникаций в королевстве? Или некому уже протянуть нить во всем дворце?

Афрон ответил не сразу. Его глаза смотрели в пол, и лицо, на котором обострились от природы широкие скулы, с каждой секундой все меньше и меньше нравилось Маркалу.

- Видите ли, ваше высочество, ей посылали нити каждые пять минут – и швеи, и подружка невесты. Я сам уже бросал нитку четыре раза и боюсь, что...

- Я понял, – сухо оборвал принц. Он резко повернулся на каблуках, пересек комнату и положил ладони на подоконник, невидящим взглядом уставившись на дворцовую площадь, где все было готово к большому празднику: кругом украшения, деревья в свадебных ленточках, парковка ждет карет с гостями, туда-сюда снуют пажы, лакеи и горничные, завершающие последние приготовления.

Его родители, разумеется, завтракают в столовой внизу. Мама, конечно, волнуется, отец радуется. Брат с женой молча не одобряют женитьбы по расчету, но все же поддерживают и даже специально перенесли поездку в честь годовщины собственной свадьбы, чтобы присутствовать на празднике. Его друзья и деловые партнеры приготовили подарки, их жены с утра наверняка уже наряжаются, и все они меньше чем через три часа будут здесь, во дворце, чтобы присутствовать при его позоре.

- Дай мне катушку, – упавшим голосом потребовал Маркал, слегка повернув голову, и не глядя, протянул руку. Афрон с готовностью положил в его ладонь катушку с нитками, похожими на обычные, но на деле волшебными, предназначенными для связи. Маркал намотал на палец кончик

нити в три оборота, затем разматал, снова намотал в четыре и оторвал, запустив в воздух. Волшебная нить поплыла в окно и растворилась – в ту же секунду другая катушка, в кармане у его невесты, должна была завибрировать, предлагая ей ответить, в унисон вибрациям катушки Маркала.

Когда кусочек заколдованного дерева вздрогнул десятый раз, принц шелкнул по нему ногтем, прекращая попытку связи. Он ещё несколько секунд постоял у окна, а затем медленно повернулся вокруг своей оси, не глядя на камердинера:

- Сообщи, пожалуйста, отцу. И через полчаса, если она не объявится, начинайте обзванивать гостей. Надо успеть предупредить их до того, как они выедут из дома, - хотя бы тех, кто живет рядом.

- Да, ваше высочество. Я все сделаю, не изволите беспокоиться.

В голосе Афона звучало такое сочувствие, что хотелось бросить в него чем-нибудь тяжелым или сказать нечто резкое. Маркал сдержался.

- Это все, – сухо сказал он слуге, ожидавшему дальнейших указаний.

***

- Я повторяю в сотый раз, что безмерно счастлив за тебя. Ты чудом, чудом спасся, друг мой. Давай же выпьем еще!

Кетим хохотал все громче, глядя в мрачное лицо Маркала. Его настроение, когда он узнал о сбежавшей невесте, буквально взмыло в небеса, к изумлению принца: он и понятия не имел, что Ульрис так сильно переживал о его свадьбе. И тем более не мог предположить, что известие о ее расстройстве принесет такую радость обычно суховатому безэмоциональному темному магу, что тот потащит его в таверну на полном серьезе праздновать.

- Поверить не могу. Ты же сам предлагал мне помолвку с попаданкой.

- Помолвку – да, но я же не предлагал тебе жениться после всего, – искренне удивленный отозвался Кетим.

- Я опозорен на все королевство – меня бросила у алтаря случайная попаданка. У матушки мигрень, мой отец поставил на мне крест, а все остальные хохочут над жирным принцем на все лады, – процедил Маркал. Он пребывал в странном настроении, поскольку побег невесты доставил ему смешанные чувства: кажется, с утра он пережил все – от громадного облегчения до крайней степени отчаяния. Но негатив все же доминировал.

- Да и плюнь ты на них. Я наложил всеобщее заклятье раздувания. Кто хоть раз произнесет в ближайшую неделю слово «жирный» в сочетании с твоим именем станет размером с бочку и из дома три дня не выйдет, клянусь тебе. Так что некому будет судачить по тавернам.

- Ты серьезно? – изумился Маркал, оглянувшись по сторонам, хотя сидели они в отдельном кабинете, к тому же заколдованном от подслушивания, – Но тебя же за всеобщее арестуют.

- Да пусть они сначала меня найдут, – беспечно махнул рукой Кетим и подмигнул, – я же не школьник, не первый день в темной магии и замечать следы умею.

Маркал пожевал губами, но потом все же слабо улыбнулся:

- Не ожидал от тебя такого. Но спасибо за поддержку. Если только меня за это не арестуют самого.

- Тебя не подозревают. Все знают, что ты магией не владеешь, – снова махнул рукой Ульрис и пригубил пиво. – Лучше скажи-ка, когда мы едем смотреть твой замок?

Лорд Кетим участвовал в сделке с самого начала – собственно, благодаря ему она и состоялась. Он показал Маркалу замок, рассказал о полузаброшенном пивном заводе, таких же заброшенных стонущих местных жителях, беднеющих с каждым днем. А потом уж возникла идея. И снова Кетим помог – договорился с местными лордами о сделке, выбил выгодные условия для обеих сторон, хлопотал с переговорами и даже вошел в долю на десять процентов, чтобы дать определенную гарантию со стороны вотчины темных.

- Можем завтра поехать. Свадебное путешествие отменилось, – пожал плечами Маркал. Дверца кабинета скрипнула, он повернул голову и застыл, едва не выронив стакан с пивом. Вместо юркого худенького официанта, поприветствовавшего их пятнадцать минут назад, внутрь вплыло

шарообразное создание без какой-либо определенной формы в не пойми каком рубище от шеи до пят с багровым блином вместо лица. По этому блину было ясно, что мальчишка только что ревел, как единорог по весне, но с работы, судя по всему, его так и не отпустили, обрядили в какой-то мешок вместо треснувшей по швам одежды и отпустили обслуживать клиентов дальше.

При виде мальчишки Ульрис хрюкнул, а Маркал сузил глаза, только теперь окончательно поверив, что друг не шутил про заклятие раздувания. Но мальчишку было жалко до слез и даже в голову не приходило обижаться на него за то, что сплетничал.

- Что с вами такое приключилось, любезный? – всем видом выражая светское любопытство с оттенком изумления, но без следов сочувствия, осведомился лорд Кетим у официанта.

- Т... темное заклятие, ваша темнота, – едва не плача, ответил юноша, которому и в голову не пришло подозревать одного из влиятельнейших лордов Королевства в хулиганстве, подобном тому, которым балуются школьники. Каждому известно, что после таких штук виновные, как правило, всегда бывают пойманы и примерно наказаны: или крупными штрафами в адрес богатых родителей, или пучком розг по мягкому месту самих хулиганов, если им довелось быть отпрысками бедных семей.

- Ай-яй-яй, какая незадача. Форменное безобразие. Будем надеяться, заклинание непрофессиональное и вот-вот рассеется, – с по-прежнему бесстрастным выражением лица проговорил Кетим, не реагируя на укоризненное выражение лица Маркала, который, впрочем, уже еле сдерживал фырканье.

- Да, милорд, – всхлипнул официант, поспешив ретироваться, чтобы не оскорблять взгляды важных гостей заведения своим неприятным видом.

Едва за ним закрылась дверь, как Маркал засмеялся:

- Если я когда-нибудь захочу прекратить нашу дружбу, Кетим, пожалуйста, напомни, почему с тобой не стоит ссориться.

- Я никогда не мщу за себя, но друзей в обиду не даю, – парировал темный маг, подвинув к себе новую кружку пива. – Кстати, твоя бывшая невеста...

Улыбка сбежала с лица Маркала:

- Не трогай ее. Она просто дурочка.

- Да я не думал ее трогать, – поспешил заверить лорд Кетим, – так, навел справки. Сбежала она с парнем из нашей вотчины, с младшим темным лордом Лезаром, – и знаешь, я ей не завидую, вот тебе мой магический крест. Поматросит и бросит – да ещё пару заклятий в спину пошлет, если что не так. Не дай ей верховная богиня оскорбить этого парня – десять лет в свой мир не вернется, будет в теле старухи в черных работницах ходить, да одежду троллям стирать на фабриках.

- Не хочу больше знать об этом. Слышать о ней не хочу, – поморщился Маркал и отмахнулся.

- А зря не хочешь, – крикнул Кетим, разваливаясь в кресле поудобнее. – Лезар на тебя зуб имеет, потому девку и увел. Ну, то есть сына послал по девкину душу, но это детали.

- А за что зуб? – приподнял брови Маркал.

- А за замок, – вздохнул лорд Кетим. – Моя вина, не проверил я все досконально. Оказалось, Лезар с прежними владельцами родство отдаленное имеет и пытался отжать земельку с замком, но теперь, когда ее тебе продали, ему уж не светит ничего – вот и злится.

- Что ж. Он теперь знает, где меня искать. Пусть сунется, если пороху хватит.

- Не думаю, что хватит, – качнул головой Ульрис. – Да и сбежавшая невеста должна удовлетворить его жажду мести. Но мы за ним понаблюдаем на всякий случай.

- Спасибо, – кивнул Маркал.

- Для тебя – всегда пожалуйста, ты же знаешь. Кстати, я тут один подарочек на свадьбу приготовил, думаю, не пропадать же...

По оценивающему взгляду Ульриса Маркал понял, о чем идет речь – только донельзя циничный темный маг мог припасти такой подарок к бракосочетанию. Секунду поразмыслив, он кивнул:

- Сегодня не пропадет.

Около часа спустя принц пересек порог своего тайного домика, который купил ещё лет десять назад – для тех случаев, когда хочется побыть вдали от дворцовой суеты, и... для встреч с девушками, которых присылал Ульрис.

Откуда колдун брал красавиц, Маркал никогда не спрашивал. Эти молодые женщины не были ни гулящими, ни профессионалками, от которых его воротило. Приходили простые девушки из самого низкого сословия: молодые симпатичные прачки, крестьянки, швеи. Ни с одной он никогда не смог быть проговорить дольше десяти минут, длительные отношения были исключены – у девушек не было никакого образования и искры разума, между ними и принцем зияла непреодолимая пропасть.

Но у всех этих красавиц было нечто общее: он им на самом деле нравился, они действительно хотели провести ночь с принцем не ради денег, а ради него самого. А некоторые – и не одну, и тогда они возвращались. И на ротик каждой из них как амбарный замок лордом Кетимом было накинута умелое заклятие неразглашения.

Такие связи, разумеется, не поощрялись. Узнай о них кто-нибудь во дворце или, не дай бог, верховная богиня, журналисты, обоим его родителей хватил бы удар. Брат бы изумленно раскрыл глаза: неужели мало придворных дам для любовных игр? Общественность была бы в бешенстве: контакты такого рода между сиятельной персоной и представителями нижнего сословия считались использованием, поощрением проституции.

И только Ульрис понимал, как сложно дается Маркалу общение с женщинами, и никогда не осуждал его – напротив, по мере сил помогал разрешить все проблемы. В том числе и эту, самую интимную. Пару раз он даже предлагал ему нечто вроде мастер-класса по общению, говорил, что флирту с женщинами можно научиться, но принц каждый раз отмахивался – не до глупостей. У него всегда находились более интересные занятия. Да и в успех на этом поприще особо не верилось.

Девушка – свадебный подарок – ждала его на диване в гостиной. Едва бросив взгляд на ее пальцы, исколотые во многих местах, Маркал понял: швея. Гостья выглядела замерзшей, и ласково поприветствовав ее, он подкинул дрова в камин, который девушка не решалась растопить как следует. Затем поставил на стол бутылку фруктового эля и предложил ей угощаться. Когда они выпили, обменявшись буквально парой фраз о погоде, девушка сама подошла и забралась на колени, подставляя мягкие нежные губы.

Поцелуй получился очень сладким – она словно утешала его, поскольку, как и каждый житель королевства, прекрасно была осведомлена об отмененной свадьбе. Теплые руки прошлись по его волосам, погладили плечи и грудь.

- У вас очень красивые глаза, ваше высочество, – прошептала она то, что такие девушки часто говорили ему. Он даже удивлялся – почему они всегда хвалят его глаза, а никто другой никогда этого не замечает. Неужели его глаза красивы только на таком близком расстоянии?

- У тебя тоже, – честно ответил он, глядя в зеленые глазки, обрамленные длинными накрашенными ресничками, и запустил ладонь в копну кучерявых золотистых волос.

Продолжая целовать ее и делать комплименты, на которые Маркал никогда не скупился, он опрокинул крошечную девушку на диван, раздел и очень быстро взял – сразу, как понял, что она готова. Все произошло очень быстро, но ласково с обеих сторон, сладко и очень тепло, словно миленькая швея копила всю свою нежность годами, чтобы излить на кого-нибудь – и случайно излила на него все до капли. В такие моменты он горько сожалел, что родился принцем, а не плотником – для плотника его внешность была бы вполне удовлетворительной, даже симпатичной, и он мог бы найти себе жену без труда.

Рано утром, распрощавшись с девушкой, спешившей на работу, Маркал вернулся во дворец, но направился не в свои покои, а в другое крыло – в офис Ульриса. По дороге – и на улице, и во дворце – он то и дело встречал несчастных людей в форме шара с блинными лицами и с каждым шагом все больше поражался, как числу сплетников, так и поразительной магической мощи лорда Кетима. О чем не преминул ему заметить сразу при встрече.

- А ты думал, – рассмеялся тот с заметным самодовольством. – Уже даже по королевским новостям передают: «Катастрофа! Эпидемия!» Подозревают иноземную провокацию.

- Ты не боишься, что так до войны может дойти? – забеспокоился Маркал.

Ульрис засмеялся:

- Да брось. Все, кому надо, уже знают, в чем дело. Просто меня никто не посмеет обвинить – странно, но почему-то никто больше не хочет превратиться в блинчик.

- Ты опасный анархист, - пошутил принц, опускаясь в удобное кресло.

Секретарь лорда Кетима принесла им поднос с едой, они вместе выпили чаю и позавтракали, обсудив предстоящие дела в замке, а затем Маркал глубоко вздохнул, словно решаясь на что-то очень важное, и спросил:

- Помнишь, ты говорил, что можешь научить меня, как общаться с женщинами?

Ульрис слегка поднял брови, кивнул и улыбнулся – но без особой насмешливости, просто с пониманием:

- Дозрел, наконец?

- Кажется, да, - выдохнул Маркал, полный готовности менять свою жизнь по-настоящему.

ГЛАВА 2.

Три года спустя.

Вотчина Созерцающих. Школа Просветления.

Созерцающая оставила попытки дочитать очередное сочинение, отложила пергамент в сторону, нарочито медленно, словно боясь сорваться, сняла пенсне и потерла пальцами уставшую переносицу.

- Темный лорд. Черный лорд. Лорд-вампир... добыть бы где-нибудь автомат и стрелять, стрелять, пробормотала себе под нос преподавательница Школы Просветления. Нигде больше во всем волшебном мире она не чувствовала себя такой далекой от возжеленного просветления, как в этой школе.

Интента начала вести уроки литературы два года назад, полная надежд и неясного предвкушения успеха. Теперь ее переполняла лишь усталость и горечь самого безутешного разочарования. Занятия по уникальной творческой методе приводили в восторг ее учениц, сочинения которых имели большой успех в Королевстве, а некоторые даже продавались в книжных лавках, но не вызывали у самой учительницы ничего, кроме отчаяния.

Все ее студентки, идущие по пути созерцателя, будь то, собственно, люди-созерцающие, феи, ведьмы, вампириши и даже две юные трольчихи – все как одна строчили сочинения о любви с главным героем – темным или злобным невесть кем. Все они мечтали, что их украдет какой-нибудь лорд, непременно черный – и тем лучше, чем черней. А писать могли лишь о том, о чем мечтали. Дальше любовного успеха у какого-нибудь вампира или, на худой конец, темного мага фантазия у них не шла, сколько не билась на уроках Интента, пытаясь если не напрямую, то хотя бы намеками вывести девушек на путь саморазвития.

Лучшие произведения созерцающих, досконально описавших весь пройденный путь духовного развития личности, филигранно написанные художественные произведения из иных миров, классические любовные романы, полные примеров нежнейшего отношения мужчины к женщине, поэзия слияния душ – все шло прахом. Юных девушек клинило на тьме так же прочно, как колесо самоходной кареты могло заклинить на попавшей между спицами палке. Но если палку из колеса вытащить можно, хоть и с трудом, то вытащить Черного Лорда из мозгов юных дев никак нельзя.

Все это мракобесие прочно вошло в моду по непонятным причинам лет десять назад, и с тех пор только укрепляло позиции благодаря непрестанному потоку стихов, фильмов, книг, воспевающих темную сторону мужской личности.

И если начиналось все с плащей, клыков и кинжалов как внешних атрибутов «темноты» героя, то теперь от некоторых сцен из сочинений учениц у Интенты бежали по спине мурашки. Девушки бредили какими-то кровавыми ритуалами, вампиры у них вполне естественно пили кровь из своих возлюбленных в знак особой любви, а темные маги использовали своих как жертвенных агнцев и только к концу сочинений, наполненных истязаниями и издевательствами, невесть почему вдруг влюблялись в чудом выживших героинь.

А реальные вампиры и темные только радовались – подогревали интерес и мерялись числом юных жертв: соблазненных, опороченных, опозоренных, брошенных. И даже примеры поистине ужасных случаев с высокородными девушками, осмеянных всей волшебной империей, ничему не учили молодежь: каждая юная девица с упорством единорога полагала, что между ней и теми, что были обмануты темными, нет ничего общего. Каждая думала: уж она-то всех самых опасных перехитрит, любого кровопийцу заткнет за пояс и укротит своего темного лорда, а в конце, разумеется, окольцует.

И весь этот бред уже давно перестал быть безобидным. Делясь между собой фантазиями о том, как быстро и без труда выйти замуж за влиятельного, богатого и порочного аристократа, студентки начинали желать их реализации и по одной сбегать из Школы Просветления в Академию Затемнения, издевательски названную так с единственной целью – привести в бешенство созерцающих, стоявших в горле темных, и пустить под откос все их усилия по возвращению молодежи в своих традициях.

В рекламных листовках новорожденной Академии, которыми завалили все королевство ее предприимчивые создатели, ключевым было слово «быстро». Часть листовок обещала сделать из вас мага за два года, другие кричали о быстром приобретении навыков созерцающих без «унылых медитаций» и долгих лет практики. Ведьминские трехнедельные курсы, основы зельеварения за два дня, искусство темной магии за восемь лекций – чего там только не было.

В Академии Затемнения обещали учить буквально всему на свете, и главное – очень быстро, легко и без труда. Молодежь клевала – да так, что преподавателей из лучших университетов королевства

оторопь брала от скорости, с которой редели классы. А некоторые молодые учителя уже стучали в двери Академии Затемнения, но не для того, чтобы высказать создателям свое возмущение, а чтобы устроиться на работу – благо листовки с приглашениями и для учителей выглядели весьма заманчиво. Зарплату во всяком случае предлагали немалую, а нагрузку по часам – в три раза ниже.

А самое отвратительное – курсы соблазнения для юных девиц. Об их выпускницах, разумеется, в рекламе не сообщалось, лишь делались намеки о том, что едва ли не каждая девушка, вышедшая замуж за высокородного жениха за последние три года, сделала это лишь благодаря курсам. И вот уже многие шестнадцатилетние дурочки, бросая настоящую учебу, позоря семьи и лишая себя будущего, кидались учиться тому, как уложить всех темных лордов к своим ногам. Укладывали, разумеется, в результате только их самих – и очень быстро возвращали домой, использованных и морально опустошенных. И ограбленных, в довершение ко всему: за все курсы в Академии Затемнения брали немалые деньги, и уроки соблазнения исключением не были.

Покрутив уставшей шеей и похрустев пальцами, Интента Валиар посмотрела на стопку неп прочитанных сочинений и покачала головой. Нет, это не может так продолжаться. Она больше не чувствовала себя наставницей и смысла в работе не просматривалось. С учетом того, что писали ее ученицы, оставалось только удивляться, почему они все ещё здесь, а не сбежали поголовно к своим темным.

Решительно поднявшись из-за стола, она пересекла класс. Ее путь лежал в кабинет директора школы, Просветленного Лилайта – благо застать его в вечернее время всегда было легко. Она прошла по опустевшей анфиладе, спустилась по мраморной лестнице, пересекла сад – и буквально за два шага до отдельного домика, который занимал директор, ей полегчало, как бывало всегда и со всяким, кто приближался к Достигшему Света.

- Просветленный, разрешите? – мягко спросила Интента, приоткрыв дверь. Его статус не нуждался ни в каких подтверждениях для каждого, кому когда-либо довелось приблизиться к Лилайту. В радиусе метров десяти от него любого человека покидали все тревоги, душу наполняло блаженное спокойствие, а тело словно парило по воздуху. Под его взглядом все женщины чувствовали себя красавицами и наполнялись радостью, а мужчины – успокаивались, исполняясь мягкого достоинства.

Сам Лилайт вечно пребывал в состоянии радости и покоя, излучая полное удовлетворение всем, что наблюдал вокруг. В то же время это был энергичный, полный сил мужчина, заряжавший и вдохновлявший всех и вся.

- А, Интента, я ждал тебя, – улыбнулся он, едва лишь она пересекла порог и вплыла – иначе не скажешь – в кабинет. Под взглядом его пронзительных голубых глаз она всегда плыла, сама себя не помня, и с трудом удерживалась от желания свернуться клубочком где-нибудь под боком у Просветленного, умоляя о том, чтобы он почесал ее за ухом и никогда не прогонял прочь. Он бы гладил ее по голове своими длинными, восхитительно красивыми пальцами, а она бы стала его домашней кошкой... его мышкой... его хомячком... а-а-а, дура набитая, гоблин бы ее драл!

Получив весьма болезненный щелчок по лбу от Просветленного, Интента лишь тогда поняла, что придвинулась к нему nepозволительно близко и уже начала душиТЬ в объятиях, так что Лилайт был вынужден защищаться. Удар в какую-то особую точку мгновенно привел ее в чувство, на глазах выступили слезы – и от боли, и от стыда. И она стала ругать себя мысленно, почему зря. А вслух извинялась расстроенным, срывающимся голосом:

- Простите меня, Просветленный. Умоляю, простите...

- Садись, милая, все хорошо.

На губах Лилайта играла всегдашняя спокойная улыбка. Такое, конечно, случалось с ней уже не впервые – и не только с ней. Стоило любой женщине остаться наедине с Просветленным, как его аура начинала неумолимо притягивать, – и это могло сыграть злую шутку с каждой. Разумеется, Просветленный всех предупреждал об этом и учил, как противостоять – но для этого требовалось столько энергии, что сил хватало далеко не у всех и не всегда. И у Интенты, пребывавшей последние дни в унынии, просто неоткуда была взяться необходимой стойкости.

Но все же было ужасно стыдно. Юркнув прочь от Просветленного, она обогнула большой стол и забралась в кресло для гостей, на всякий случай крепко вцепившись в подлокотники.

- Вижу, нелегко тебе приходится, – начал Лилайт вместо нее. Прозвучало это двусмысленно, учитывая, как гостя отчаянно держалась за кресло, но он и не думал издеваться. Просто Просветленный всегда знал заранее, кто и с чем к нему приходил. Интента опустила глаза. В словах не было смысла – он видел ее, а значит, уже понимал все до конца. Прерывисто вздохнув, молодая

преподавательница хрустнула пальцами, не без опаски отпустив ручки кресла:

- Я не оправдала ваших ожиданий...

- Это неправда, милая. Ты не могла обмануть моих ожиданий, поскольку я ничего от тебя не ожидал.

Прикусив язык, она покраснела. А теперь ещё более стыдно. Отсутствие ожиданий – основа Просветления. Можно ли было ляпнуть что-нибудь более глупое?

- Я имела в виду, что...

- Ты не оправдала собственных ожиданий, но в этом нет никакой беды. Просто избавься от них и прими себя такой, какая ты есть, здесь и сейчас.

Интента посмотрела в его глаза и снова поплыла. Ее пальцы снова сомкнулись на подлокотниках, но голова уже наполнялась хрустальным звоном: конечно, надо избавиться от ожиданий - пульсировала внутри единственная мысль. Можно освободиться от них прямо сейчас - это же так просто. Это же так очевидно и понятно - на ее губах заиграла улыбка, но тут Просветленный щелкнул пальцами и она пришла в себя.

- Соберись, девочка. Ты совсем слаба, - мягко заметил он, и она снова опустила глаза.

- Что мне делать, Лилайт? Я совсем выбилась из сил. Девчонки запутались, и я не знаю, как объяснить им...

- Конечно, не знаешь. Ты же сама себе не веришь. Но это ничего, просто пришло время для учебы.

- Для учебы? - изумленно переспросила Интента. Ее учеба закончилась лишь два года назад, десять предыдущих лет она была студенткой Школы Просветления. Она постигала искусства, годами медитировала, упорно работала над созерцанием собственной жизни, путешествовала вглубь сознания и снов, изучала древние руны... многое, многое необходимо знать, чтобы получить допуск к преподаванию. Но повторного курса для учителей-неудачников не предусматривалось, во всяком случае, она о таком никогда не слышала.

- Не для такой учебы, о которой ты думаешь. У меня для тебя особое задание.

- Я готова... - выпалила она, едва услышав слово «задание».

- Не спеши. Ты должна сама решиться. Это не то, что ты сделаешь из уважения ко мне. Это то, что ты сделаешь для себя самой. Но если ты не готова - лучше откажись, потому что залогом станет твоя жизнь.

Прерывисто вздохнув, Интента во все глаза смотрела на Просветленного. Такого она не ожидала. Во всяком случае, не теперь. Многие созерцающие годами шли к тому, чтобы хотя бы попробовать попросить у Просветленного первое задание. Ведь это главная ступень к цели всей жизни, которую достигал далеко не каждый. Многие, многие заплатили жизнью или психическим здоровьем за попытку. Поэтому задание следовало заработать годами упорного труда, многими жертвами. Готовность к нему требовалось доказать успехами... которых она не достигла.

- Не путай себя, милая, всякое испытание приходит в свое время ко всякому, - мягко вклинился Лилайт в сумбур ее мыслей. - Просто выслушай мое задание и поразмысли о нем. А завтра ты дашь ответ.

Интента с готовностью закивала, очищая эмоции от лишних страхов. Она чувствовала себя совсем дурочкой - Лилайт прав, слишком ослабела. Надо было раньше к нему прийти.

- Ты отправишься в Академию Затемнения...

- Что? - вырвалось у нее, но вспышка в глубине голубых глаз заставила замолчать - пожалуй, ещё один вопрос и она удостоится нового удара по лбу, читалось во взгляде Просветленного. Второго щелчка не хотелось, и Интента накрепко закрыла рот, покорно потупившись.

- Ты устроишься на работу преподавателем и проработаешь ровно год и ещё один день, - продолжил Просветленный.

Резко переменив позу, Интента часто задышала. В Академию Затемнения? Невозможно... с ее-то уровнем энергии - да ее в порошок сотрет, годы медитаций пойдут прахом. Столько зла, столько соблазнов вокруг, столько темных, полных коварства... она не совладает с собой.

- Спустя три месяца ты получишь предложение о помолвке от темного, - безжалостно добавил Лилайт.

Интента приоткрыла мгновенно пересохший рот. Помолвка с темным? Для нее, давшей обет безупречности?

- И ты согласишься на нее. Ты во всем будешь покорна жениху. Через год и один день можешь вернуться.

Словно пораженная смертельным заклинанием отложенного действия, Интента Валиар приросла к креслу, не сразу сообразив, что Лилайт закончил. Теперь, казалось, она не сможет двинуться, даже если захочет. Мышцы во всем теле свела какая-то неприятная судорога. Отказаться от задания Просветленного? Сойти с пути Созерцания? Смерти подобно... Согласиться - хуже, чем смерть.

- А если жених попросит от меня какой-нибудь мерзости и непотребства, как это водится у темных? - уточнила она пересохшими губами, исполненная искреннего ужаса.

- Не попросит, пока ты будешь безупречна.

В глазах Лилайта почудилась безжалостность, хотя улыбка, игравшая на его губах, выглядела как прежде. «А если потребует - туда тебе и дорога, недостойная», - привиделось ей на лице Просветленного. На глазах Интенты выступили слезы.

- Иди, милая. Думай до утра, - поторопил ее Просветленный голосом, исполненным всеянского покоя. Он ничего от нее не требовал и не ждал. Единственным человеком, которого могло разочаровать ее решение, оставалась она сама.

ГЛАВА 3.

Вотчина Темных. Замок Мерсье.

Западное крыло, отведенное под Академию, всегда жужжало, как осиный рой – и днем, и ночью. Лишь в ранние утренние часы жизнь там ненадолго замирала.

Переходя на жилую половину, лорд Мерсье каждый раз чувствовал, как тишина буквально звенит в ушах. Его спутница шелестела юбкой рядом, стараясь почти не дышать. Он управлял ее молчанием – девушка заговорит лишь тогда, когда он пожелает.

Постоянной трескотни он не любил, и теперь любая женщина в его присутствии интуитивно понимала это, получала эту информацию к сведению с полужеста, полуповорота головы – и благоговейно замолкала, кем бы ни была. Он научился обучать их собственным желанием, манипулировать, вынуждать вести себя в его присутствии так, как ему нравилось.

Два слова тут, два слова там, цитата из философского трактата: «Лучшие женщины покоряют мужчину своим молчанием» – и все, любая сразу захлопнет ротик. Кому же неохота быть лучшей и покорить своей загадочностью самого Черного Лорда? Лорд-то – вот он, только руку протяни. Сам ухаживает – стало быть, видит в тебе что-то необычное, а ты-то, и правда, всю жизнь подзревала, что родилась особенной. Стало быть, не показалось.

Сначала, конечно, следовало произвести впечатление – мощное, захватывающее. Загипнотизировать, обезвредить, подавить. Много рассказывать о себе, о своих деньгах – не впрямую, конечно, просто упомянуть о количестве самых современных самоходных карет в гараже – их, знаешь, дорогая, у меня пятнадцать. На эту не смотри, ей красная цена – маленький алмаз с куриное яйцо. Просто так ее взял, осенью по грязи гонять – не маркая.

Женщины застывали, подбирались, их глаза слегка стекленели, как под воздействием вампира в полнолуние – и так он узнавал, что можно двигаться дальше. Делать неожиданные комплименты – не ей, другим женщинам, поистине необыкновенным и заслуживающим этого. Похвалить красоту верховной ведьмы, в ее триста выглядевшей на двадцать восемь, похвалить ум первой красавицы-феи.

А то, что она кажется дурочкой, не гляди, дорогая, я-то с ней лично знаком, интеллект как бритва, просто образ такой, на потребу публике. А затем, когда перечислишь двух-трех умнейших и красивейших женщин королевства – обязательно заметить, что с ними что-то могло бы быть – точнее, они хотели, просили даже, но я не стал. Их-то много таких, а я один. Ищу особенную – и тут заинтересованный взгляд на жертву, но как бы мимолетный – может, это ты – особенная?.. А может, и нет...

На этой части разговора почти у всех девушек, кроме самых деревянных, начиналась внутренняя борьба – ревность вступала в схватку со здравым смыслом, а здравый смысл на другом фронте уже сражался с соблазном, и много ещё с чем сражался – самое кровавое месиво с гордыней, этим вот польщенным чувством особенности – и разум всякий раз бывал побежден. На втором свидании, редко на третьем, можно было вести любую студентку или молоденькую учительницу в постель. Но настоящее искусство заключалось не в том, как довести соблазненную до спальни, а в том, как выставить ее оттуда без скандала. До сих пор это удавалось ему не всегда.

С Женовой, которая сейчас шелестела юбками рядом, он познакомился буквально пару дней назад. Девушка приехала в академию с чеком об оплате курсов соблазнения – легкая добыча. Таких вообще, по сути соблазнять не требовалось. Они с первого занятия считали себя более чем компетентными охотиться на «крупную рыбу» – спасибо преподавателю, лорду Ульрису Кетиму, который специально ради такого дела выделил в своем расписании два часа в неделю и все занятия посвящал раздуванию гордыни своих студенток и умасливанию их тщеславия до состояния полной невменяемости.

У Кетима к тому же была скверная привычка позволять всем студенткам заваливать экзамены в его постели, когда они, естественно, полагали, что сдают их. Но на каждом курсе он оставлял пару блондинок для ректора – новоиспеченного лорда Мерсье, известного во всем королевстве, многими вождественного, единственного и неповторимого Черного Лорда.

Репутация Маркала теперь была так же черна, как новое прославленное имя, пестрила тайнами и легендами, одна из которых гласила, что раз в год он съедает как минимум одну студентку на завтрак. Но юным девицам, разумеется, было известно, что это шутка, и они слетались в объятия Черного Лорда, как пчелы на нектар.

Темные преподаватели академии тоже пользовались немалой популярностью среди учениц, а лорд Кетим по числу побед превосходил всех, включая ректора. Порой Маркал не понимал, как Ульрису вообще достаёт сил и главное – желания: ведь девушки, конечно, молодые и симпатичные,

но не так, чтобы все на одно лицо. Не может же темный до такой степени быть всеядным? Но оказывалось – может. Ультрису буквально было все равно, с кем спать – лишь бы молодая и, что немаловажно, именно девушка.

Маркал же не понимал его неразборчивости – у него самого имелись вполне четкие пристрастия. Он предпочитал светловолосых фей, выбирал, как правило, довольно высоких, чтобы девушка в пупок ему не дышала, и определенного склада личности – с истеричными дурами связываться не любил. Кетим научил его справляться и с такими, но смысла возиться с идиотками не просматривалось – умненьких хватало.

Тот момент, когда пора было приходить в себя, он смягчал для каждой партнерши, как мог, и предпочитал, чтобы ему тоже не пытались в эту секунду выцарапать глаза – лорд Кетим советовал смотреть на это с юмором и коллекционировать яркие реакции, но что-то внутри Маркала каждый раз мешало забавляться в такие секунды. Что-то царапало его внутри, и довольно болезненно, так что этого хотелось избегать.

Женева до отрезвления оставался максимум час. Она шла за ним в спальню, как за гипнотизированная, молча и без малейших сомнений, хотя общались они всего ничего. Час накануне и еще полчаса с утра, перед тем, как Маркал нежно взял ее за руку и позвал к себе, глядя в глаза таким душевным взглядом, как будто сидел с женой на серебряной свадьбе, вспоминая лучшие моменты счастливо прожитой жизни.

На женщин ему никогда не хотелось тратить ни одной лишней минуты – если девушка соблазнялась за полтора часа, ровно столько он на это и выделял. А иногда и минут за тридцать управлялся. То, чему он научился за три года, так изменило его, что походило на колдовство, с той лишь разницей, что колдовство так быстро не освоишь. Искусство запудривания мозгов оказалось гораздо более доступным – правда, поработать пришлось немало.

А в последнее время то здесь, то там он с удивлением отмечал в себе какую-то непреходящую усталость – не физическую, а ту, которая приходит от однообразия и долгого отсутствия настоящих вызовов. Вот и теперь он расслышал усталую интонацию в тоне своего же собственного голоса, которым сказал: «Иди сюда» девушке, едва закрыв за ней дверь спальни.

И то, что между ними произошло дальше, определенно не было хорошо. Он занимался с ней любовью едва ли не через силу, и под конец она очнулась, почувствовала. В обиженном взгляде студентки, когда она одевалась, дрожали слезы. Умом она еще не осознала, что случилось, но всем телом уже поняла его безразличие и смертельно оскорбилась. К тому же ей, кажется, тоже не было приятно – у Маркала не хватило на этот раз желаний и сил позаботиться о ней, а сама она о себе позаботиться не умела.

Натягивая штаны, он ругался про себя последними словами: зачем девушку потревожил, если ничего не хотел на самом деле? От жадности ведь схватил ее – просто потому что была доступна.

Их взгляды пересеклись и обиженная студентка вскрикнула. Он понятия не имел, что она увидела в его глазах, но только Женева вдруг стиснула челюсти и прошипела:

- Ненавижу. Ты меня использовал.

Маркал поднял брови:

- Серьезно? Не знал, что ты одноразовая.

Он бросил ответ, не думая, и, как всегда в таких случаях, попал куда-то в самое больное место. На это девушка выдала дивно предсказуемую реакцию – сначала побагровела, а потом завизжала и бросилась на него, пытаясь достать ногтями до лица.

- Не дотянешься, - весело заметил он, с легкостью перехватывая хрупкие запястья. И, не удержавшись, отвесил сочный шлепок по попе, отчего Женева сорвалась на визг и попыталась лягнуть его ногой, но промахнулась и потеряла равновесие.

В этот момент он отпустил ее руки, позволяя шлепнуться на пол. Но даже после этого девушка не утратила воинственности. Мгновенно поднявшись на четвереньки, она зарычала едва ли не по-собачьи и что-то пробормотала, явно в попытке использовать какие-то фейские штучки.

Была бы она ведьма, Маркалу, может, и не поздоровилось бы, но именно на такой случай он с ведьмами и не связывался. Фейские заклинания – другое дело. Даже легкой защиты, встроенной в его одежду лордом Кетимом, было достаточно, чтобы отразить их.

А может, защита была и не легкой, подумалось тут же ему, стоило взглянуть на лицо феи, все ещё

стоявшей на четвереньках. Сначала ее щеки, а потом и лоб, и шея, стали быстро и густо покрываться сиреневыми пятнами. Интересно, что это было за заклинание?

- Ты пыталась испачкать меня черничным вареньем или отравить? - спросил он, с интересом разглядывая отраженный результат на коже девушки. Все ещё не понимая, что произошло, фея таращилась на него, видимо, ожидая результата своей ворожбы. Не дождавшись, она сообразила - дернулась, вскочила и бросилась к зеркалу. А там завывала так, что даже у бывалого Маркала мурашки по спине побежали.

- Это что-то вечное? - уточнил он, осторожно приближаясь к пятнистой девушке сзади. Фея стояла, закрыв лицо ладонями, и безутешно зарыдала.

- Ну, полно, полно вам, миледи. Успокойтесь, - вздохнул Маркал. Нашупав в кармане катушку, он достал ее, и уже четверть часа спустя в его спальню явился лорд Кетим, чтобы расколдовать несчастную.

- Мда, неплохо вы себя уделали, моя крошка, - крикнул он, едва глянув на лицо Женева. - Чешется?

- Больно, - выдавила девушка, все ещё прерывисто всхлипывая, но глядя на темного с надеждой, понимая, что только он может спасти ее от проклятия.

- Еще бы не больно, жабским проклятьем-то, в пять раз усиленным.

- Я бросала цветочную пыль в глаза.

- А кто сказал, что защита должна быть симметричной? - удивился Кетим, - Ладно, миледи, не горюйте. Извольте отправиться ко мне, дам вам целебное зелье. Кстати, вы ведь понимаете, что отчислены, да, солнышко?

- Что? - выдохнула студентка ошеломленно.

- Да-да, а вы как же думали? - дружелюбным, даже сочувствующим тоном осведомился темный лорд. - Я же предупреждал: до конца курса ни с кем не спим. Если спим - значит, курс окончен. И потом - вы же целого Черного лорда соблазнили, какие же вам ещё требуются навыки после такого достижения? Вам теперь путь в тренерскую лигу.

- Как же я вас ненавижу, - прошептала Женева, потрясенно глядя в глаза лорда Кетима, полные издевки. Ее пятнистое лицо исказилось от злобы, девушка стояла в напряженной позе, тяжело дыша, по-видимому, с трудом удерживаясь от того, чтобы не броситься теперь на своего преподавателя.

Маркал покачал головой и отвернулся. Он не мог запретить другу питаться негативными эмоциями студентов, тем более что это был универсальный источник энергии для всех темных, но предпочитал, чтобы Ульрис не делал этого в его присутствии. Это вызывало у него почти такое же отвращение, как созерцание вампира, пьющего кровь.

- Ну ладно, ладно, посмотрим, миледи, что можно сделать, - примиряюще пробормотал Кетим, выводя девушку из его спальни. Двумя свистящими словами он набросил на нее сзади гипнотизирующее заклинание.

У Маркала глаза на лоб полезли, когда он это услышал - сомневаться не приходилось, до утра Женева пополнит список своих ученических достижений еще одним лордом. Потом, правда, все равно будет отчислена. Любимая уловка Ульриса, чтобы не подписывать никому диплом, - до конца курса по соблазнению аристократов за три года не доходила ни одна студентка. Переживать за них Маркал, впрочем, не собирался.

Как только дверь за Кетимом закрылась, он мгновенно выбросил соблазненную девушку из головы и решил принять ванну. Бросив нитку Афрону, чтобы все приготовил, Маркал посидел немного за счетной книгой, а затем с удовольствием принялся приводить себя в порядок - мыться, выбирать одежду и туалетную воду. Он переодевался теперь по три раза на дню и получал громадное удовольствие, разглядывая себя в зеркало.

Его сильная огромная фигура обрела форму, и все женщины испытывали трепет от одного только ее созерцания, а в постели, бывало, как замороженные водили руками по каждому изгибу мышц. Он наслаждался этим, впервые в жизни удовлетворенный своим внешним видом, который наконец-то заработал, заслужил многими часами упражнений, верховой езды, магических боевых пассов с Кетимом. Темный, конечно, изрядно повалял его по полу за три года.

Вдоволь наглядываясь на то, как смотрится на нем новый фрак, позволив Афрону причесать себя и привести в порядок ногти, он, наконец, направился на вечерние занятия. Преподавал Маркал с

огромным удовольствием и взял бы больше курсов, но и другие дела так же непрерывно требовали внимания – поэтому лекции и семинары он оставлял себе «на сладкое» и работал в академии по чуть-чуть, заодно поддерживая загадочный образ Черного Лорда, который нечасто появляется в аудиториях.

Их совместная с Кетимом идея открыть академию окупилась почти мгновенно. Так быстро и эффективно ему не приносило отдачу ни одно производство из пяти, которыми он владел, включая фабрику печенья и фирму по пошиву магического платья в Вотчине Фей, небольшое хлебное производство в Центральном Округе, цех по разливу волшебных зелий на Северном Отшибе во Владениях Колдунов и теперь новый пивной заводик, прилагавшийся к замку Мерсье.

В замок он переселился еще три года назад, сразу после неудавшейся свадьбы, и очень скоро к нему присоединился Ульрис, подавший ради этого в отставку со своего поста в совете лордов, а также множество их общих знакомых, которые пожелали работать с ними над развитием хозяйства замка и открытием академии. Первый год ушел на реставрацию, в которой приняли участие десятки опытных волшебников, строителей и декораторов.

Затем часть умельцев уехала, но еще до того замок наводнили учителя и студенты – так что огромное здание и прилегающие гостевые постройки не пустовали ни дня, а принадлежащая вотчине деревня ожила, чтобы кормить свежей едой весь замок и его гостей. Местные жители раздумянились, починили свои хозяйства, обзавелись скотиной и неустанно благодарили нового лорда не только словами, но к исходу третьего года уже и небольшими выплатами налогов на содержание вотчины и замка.

Западное крыло было первым отремонтировано и отведено почти полностью под нужды Академии. Амбициозный план двух лордов заключался в том, чтобы обустроить, ни больше ни меньше, самое популярное платное учебное заведение королевства, которое могло бы стать главным конкурентом Королевского Магического Университета, возглавлявшего рейтинг вузов уже двести лет. Главная идея – преподавать все для всех, не чиня препятствий никому при поступлении.

Если барышня желала изучать мужские боевые пассы, ее только поощряли, если тролль желал освоить зельеварение, его приветствовали и предлагали дополнительные курсы эльфийского дизайнерского волшебства. Не воспрещалось даже осваивать магию тем, в семье которых магов не просматривалось до десятого колена предков, ведьмам позволялось ходить на курсы этикета для благородных девиц, а благородным девицам – изучать зельеварение и привороты, не говоря уже о соблазнении.

И уже через год стало ясно, что затея в полной мере удалась. Ульрис собрал целую лабораторию яйцеголовых темных и колдунов, а они в свою очередь хорошо поработали с маркетологами и предложили набор таких курсов, которые, действительно, любой учащийся – при определенном усердии – мог пройти за довольно короткое время. Обмана не было, если не считать одной тонкости: любая из образовательных программ в Академии Затемнения давала максимальный эффект только при условии, что студент и сам пахал как каторжный, а не просто посещал лекции и кое-как сдавал домашние работы.

Таких учеников, признаться, было мало, но они были, так что ни одна ведьминская комиссия из налетевших, как воронье, в первый год работы не смогла уличить их в мошенничестве. А когда все проверяющие насмотрелись на курсы магии, зельеварения и приворотов и уехали восвояси, подтвердив лицензию на образовательную деятельность, лорд Кетим уж развернулся в полную ширь.

Он запустил и предсказания, и соблазнение, и курсы расширения сознания с использованием магических трав и многое другое, во что Маркал даже не вникал – поскольку сам в это же время внедрял в Академии свои любимые чужеродные иномирные науки, посвященные финансам, бизнесу и экономике. Первое время ему нелегко было найти преподавателей и он сам вел все эти курсы.

Кроме того, первые пару лет он был поглощен переменами в собственной жизни. Добровольно передав лорду Кетиму права наставника, Маркал послушно принялся учиться у него, хотя поначалу и не мог отделаться от мысли, что его старый друг оказался опасным сумасшедшим, доверяться которому было нельзя. Взять хотя бы эту идею про Черного лорда – поначалу она выглядела полным абсурдом.

- Я не могу быть темным лордом, я рожден в немагической семье, - удивился он, когда впервые услышал об этом. - Я могу называться только лорд Мерсье, во всех документах так.

- Не темным, а черным, - поправил его Ульрис невозмутимо. - Черным лордом ты вполне можешь быть.

- А что за Черный лорд? – удивился он еще больше. - Я о таких не слышал даже.

- Никто не слышал. Пока...

Ульрис жестом фокусника достал из-под мантии явную заготовку – заколдованный свиток с какими-то черными и розовыми завитушками, подобные которым продавались в книжных лавках. Это были не книги в твердой обложке, в каких по королевскому закону надлежало издавать лишь научные трактаты, а сочинения художественного свойства, популярные у мечтательных барышень и дам. Волшебные свитки были дешевле в изготовлении и менее долговечны – зато легче по весу и удобно помещались в дамские сумочки.

- ...Пока одна из самых популярных ныне живущих сочинительниц Алиока Пестрая его не выдумала, - продолжил лорд Кетим. - Изволь ознакомиться.

- Не буду я это читать, ты издеваешься, что ли? - возмутился Маркал, список чтения которого был укомплектован на год вперед – и, разумеется, серьезными книгами, из которых можно было почерпнуть знания по интересующим его темам, а не свитками с какой-то женской галиматей.

- Нет, будешь читать, - безжалостно отрезал лорд Кетим. - И мало того, будешь запоминать все детали, а я потом проверю, как ты запомнил.

В том, что Ульрис на самом деле не шутит, Маркал убедился не сразу, а когда понял – пришел в отчаяние. Его друг горел идеей не просто изменить его, а уничтожить полностью и воссоздать заново, сделав из принца некоего Черного лорда – собирательного тошнотворно- глянцевого персонажа, обожаемого, как выяснилось, половиной женщин королевства.

Этот плод безумной фантазии романистки - старой девы обладал чудовищно гротескными чертами, призванными подчеркнуть его сексуальность: неземной красоты внешностью, поразительной остротой ума, странной резкостью характера, которая, впрочем, исчезала, стоило оказаться поблизости главной героине сего сентиментального трактата.

В каждой главе - буквально ежеминутно - Черный лорд поражал окружающих ловкостью, удачливостью, приятными манерами, высокородным происхождением и одновременно богатырской силой, как у выходца из самого низкого сословия (как он ее приобрел, в произведении не уточнялось), уникальными магическими способностями и в темной и в белой магии одновременно. А главным козырем героя было трагическое прошлое и таинственная манера говорить о нем.

Черный лорд стал Черным лордом потому, что был «хуже, чем темный», загадочно сообщалось в сочинении литературных дел мастерицы. В то же время ничего, что могло бы отвратить романтических читательниц, герой, разумеется, не совершал на протяжении всего свитка. Так что все темное и опасное в нем выражалось лишь в том, что всякий раз, стоило любовной интриге с главной героиней исчерпать себя, как Черный лорд печально сообщал ей, что быть с ним рядом опасно, и исчезал, как там говорилось, «в тумане», позволяя героине страдать следующие десять-пятнадцать витков. После чего снова объявлялся, и вся интрига начинала закручиваться заново по той же канве.

Так повторялось несколько раз, и каждый раз, читая про туман и страдания, Маркал боролся с желанием бросить бездарное сочинение в огонь. Он дочитал из чистого упрямства, но облегчения это не принесло – к его изумлению, в самом конце пергамента не обнаружилось, собственно, конца. В одном из финальных абзацев, правда, красовался поцелуй – первый и последний во всем свитке, но потом герой снова исчез в тумане, а героиня смотрела ему вслед «голубыми глазами, в которых отражалось голубое небо».

В самом низу свитка в аккуратных завитушках стояла надпись «продолжение следует» и призыв покупать следующие десять-двенадцать свитков о приключениях Черного лорда. Автор также выражала надежду, что читатели испытали такое же удовольствие от чтения свитка, как она – от его написания.

Перечитав эту фразу дважды, Маркал ощутил, что из его ноздрей вот-вот вырвется пламя от бессильного гнева за потраченное время. Единственное, от чего он мог бы испытать удовольствие в ту минуту, так это от разрывания пергамента на мелкие кусочки. Что он с наслаждением и проделал, педантично забросив каждый из них в свой камин.

Но самое худшее поджидало его впереди, когда лорд Кетим с вдохновением маньяка принялся лепить из него этого самого Черного лорда. Для начала он настоял, чтобы Маркал носил лишь черное, затем – плащ и кинжал на поясе, потом перстни с какими-то таинственными знаками на пальцах. Превратив его внешне в такого клоуна, Ульрис остался очень доволен и стал распускать сплетни по Академии – в основном через глупышек, с которыми сам проводил ночи.

Одной он напел про его трагичное прошлое, другой – про крутой гордый нрав, который проявляется в особых ситуациях, созвучных трагедии в прошлом, третьей – про его необыкновенные успехи на любовном фронте. А когда все эти слухи разошлись по Академии и стали выплескиваться за ее пределы, обрастая по дороге немислимыми подробностями, лорд Кетим выбрал самую болтливую студентку и под строжайшим секретом поведал ей, что Маркал на самом деле –

оборотень.

Днем он принц, ночью – Черный лорд, образ которого, кстати, в своих сочинениях ярко описала Алиока Пестрая, а описала она его так ярко и достоверно потому, что у них был роман. Только закончилось все, увы, драматично, и он уехал в туман, а она осталась махать ему вслед, глядя в голубое небо голубыми глазами.

- Ты с ума сошел? - орал на друга Маркал, проснувшись знаменитостью на следующее утро. – Обо мне даже пишут в газетах, отец вынужден опровержение давать через королевскую пресс-службу! Уже даже оборотни дают экспертные комментарии про мою персону, рассуждают, похож я на них или нет!

- Друг мой, спокойно. Любой здравомыслящий человек понимает, что это полная ерунда, – невозмутимо ответил на это Ульрис, застигнутый в обеденном зале за своим завтраком.

- А не здравомыслящие? - продолжал кипеть принц. – Что мне делать с кучей девиц, которые ждут от меня чего-то, а я даже не знаю – чего? Я по коридору пройти теперь спокойно не могу, а я ведь не изменился, Ульрис! Они ведь скоро все поймут.

Тогда ему было стыдно признать, что он здорово напуган и раздосадован – женщины обратили на него внимание – наконец! Но что с этим делать, он понятия не имел, а потому предпочитал злиться. Но только на лорда Кетима это не произвело ни малейшего впечатления.

- Пока нет, – очень спокойным, полным удовлетворения тоном ответил ему друг и улыбнулся. — Но теперь тебе уж точно придется соответствовать.

ГЛАВА 4.

Так уж сложилось, что Вотчина Созерцающих раскинулась на северном краю королевства, в то время как те, кто испытывал к ним наибольшую неприязнь, жили на максимальном удалении – вдоль южных границ. Так что путь перед Интенгой в Вотчину Темных лежал неблизкий, и после некоторого раздумья она приобрела билет на летучий корабль, смирившись с необходимостью потратить половину выходного пособия. Зато не придется трястись трое суток в самоходной карете – вместо этого она долетит с королевским комфортом за четыре часа.

Девушка пока не признавалась себе, что на ее решение также повлияла информация с рекламной листовки о жаловании преподавателей. С тех пор, как решила, что поедет в Академию Затемнения, Интенга уже третий раз ловила себя на малодушных размышлениях о том, что сможет купить с первой же выплаты, а ведь ещё даже не вылетела из родной вотчины. Хуже того, она уже фактически начала тратить эту выплату – и билет на корабль купила, и новую преподавательскую мантию. Но не ехать же к темным в залатанной одежде? Засмеют, не воспримут всерьез, могут и на работу не принять – у них же культ тряпья, ухоженной внешности и всех атрибутов достатка.

Впрочем, поднявшись по скрипучему трапу на корабль и расположившись со своим чемоданчиком в удобном кресле, Интенга поймала себя на другой мысли – уже не жадной, зато трусливой: может, ее все-таки не примут? Тогда она с чистой совестью сможет вернуться в Школу Просветления. Но надежды мало: Лилайт был уверен, что ее возьмут, а он никогда не ошибается.

Темным, конечно, нравятся красивые женщины, а ей часто говорили, что она хорошенькая. Сама Интенга считала себя обычной, хотя иной раз обращала внимание на то, как ярко выглядят в зеркале большие глаза, если их немного подвести, как красивы после купания выющиеся каштановые волосы с золотистой искоркой на солнце. И на фигуру жаловаться не приходилось – полнота ей не грозила, все в семье всегда были стройными. Лишней худобой Интенга тоже не страдала: просто все на месте, ровное и ладное. Пожалуй, она и впрямь хороша собой, и новая мантия смотрится прекрасно.

Другое дело, что на пути созерцания это лишь мешает. Мужчины-созерцающие не любят слишком симпатичных. Каждый, кто стремится к Просветлению, избегает лишних соблазнов. Вот и получается, что в их родной вотчине красавицы сильнее других женщин испытывают дефицит внимания со стороны противоположного пола. Неудивительно, что она так и не вышла замуж во время учебы – отношения были, влюбленность была, даже две, но одна довольно быстро прошла, а вторая... уже не болит, но как будто немного покалывает, когда думаешь... Лучше не вспоминать. Хотя влюбленность, конечно, просветляет – хоть и на время, но все же дает этот отблеск света на горизонте, помогает определить направление.

Когда корабль оторвался от земли, Интенга слегка приуныла. Идея о том, чтобы жить на большом удалении от дома, никогда ей не imponировала. Путешествовать нравилось, но не долго – уже через пару недель она начинала скучать по своей комнате, по родителям и по домашним пирожкам, по улицам родного города, по лицам друзей, по Лилайту. Целый год не видеть никого из них – настоящая пытка. Хотя, разумеется, все обещали писать и бросать нитки, но это – другое. Да, далековато ей ещё до просветления и Полной Непривязанности. И хотя она не видела, как это путешествие и годовая разлука с домом помогут ей добраться до цели – надо верить, ведь назад уже дороги нет.

Улыбнувшись своему отражению в оконном стекле, Интенга стала размышлять о том, что скажет на собеседовании темным. Врать нельзя, это недостойно созерцающей, к тому же ложь сбивает с пути просветления. Можно не договаривать, но что-то подсказывало: темные быстро выведут на чистую воду. Она не мастер интриг. Придется сообщить, что она к ним только на год и с пути созерцания сворачивать не планирует. Главное – попытаться скрыть от них ее миссию, иначе ей конец. Такие вещи действуют на темных как красная тряпка – стоит упомянуть о миссии просветления, как они скопом накинутся и все сделают, чтобы помешать.

Почувствовав растущую нервозность, девушка решила немного помедитировать для успокоения души. Она прикрыла глаза и сосредоточилась на отблеске света, который плясал в темноте, меняя форму и очертания. Если внимательно приглядываться, быстро погрузишься в транс и заметишь не успеешь, как войдешь в особое состояние медитации, когда весь мир словно затихает, замирает и наступает приятная нега.

- Сударыня, мы прилетели.

Негромкий стон произвольно сорвался с ее губ, Интенга распахнула ещё сонные глаза и с удивлением уставилась на стюарда, который разбудил ее своим негромким приятным голосом и теперь деликатно ожидал ее полного пробуждения.

Едва удержавшись от второго стога, она потянулась и с досадой цокнула языком: надо же было такому случиться, что ее сморил сон во время медитации. Она ведь планировала подготовиться к собеседованию во время полета, хотя бы посмотреть в сети, какие вопросы могут там задать. До сих пор на это не удалось выделить ни минуты: стоило ей согласиться принять задание Просветленного и дать обет, как Лилайт вдруг стал торопить ее с отъездом – и за сбором вещей, прощанием с родными и друзьями совсем не осталось времени на то, чтобы собраться с мыслями.

Теперь, кажется, его не хватало снова – день клонился к закату, Интенте следовало срочно разыскать карету, которая отвезет ее в замок Мерсье, либо устраиваться на ночь в гостиницу, а это нежелательно, ведь денег с собой было не так уж много.

Сойдя по деревянному помосту с колыхавшейся в воздухе громадины, девушка растерянно огляделась. За все ее двадцать шесть лет Интенте не доводилось когда-либо бывать в Вотчине Темных. У нее были определенные представления о ней лишь по рассказам и теперь приходилось признать, что они и рядом не стояли с истиной.

Открывшийся ей вид был таков, что сначала путешественница даже испугалась, что по ошибке села не в тот корабль и попала в столицу королевства – настолько пышно, нарядно, оживленно и блистательно выглядела корабельная станция. И только пару минут спустя, когда южный ветер омыл своим первым жарким приветствием ее лицо, а глаза, наконец, ухватили темные элементы декора на воздушных маяках и торговых павильонах, Интента успокоилась: она попала именно туда, куда направлялась.

Протискиваясь сквозь торговые ряды, она пожалела, что нет времени – ей хотелось взглянуть хотя бы на заколки для волос с драгоценными камнями – не покупать, конечно, только рассмотреть вблизи. А что она могла бы купить – так это одно из печений, дразнивших ароматом ноздри, но за ними стояла целая очередь из путешественников всех родов, рас и мастей, набравших лакомства в дорогу, и пришлось с сожалением пройти мимо.

А дальше – книги... дух всемогущий, сколько здесь продавалось книг и свитков. Их обложки сверкали драгоценными окладами и сияли волшебством, целые развалы манили ее антикварными изданиями и новинками, завернутыми в хрустящий разноцветный пергамент, в других павильонах глаза разбегались от сотен свитков с научными трактатами, подборками заклинаний, рецептами зелий, художественными сочинениями и учебными пособиями по всем возможным дисциплинам.

С трудом отворачиваясь от вожаденных фолиантов, она начала невольно разглядывать людей, фей, темных и светлых колдунов, гоблинов и... боже... вампиров. Едва не вскрикнув от того, что обнаружила одного высокого худого кровопийцу совсем рядом, Интента густо залилась краской – холодный насмешливый взгляд остановился на ней на секунду, и хотя обладатель его ничего не сказал, она ясно прочитала в его мыслях: «деревенщина».

Да, ей и впрямь нечасто доводилось выбираться в столичные города, людные места и на большие базары. Не стоит так глазеть на прохожих, спохватилась она, и взгляд сам собой снова скользнул к книгам. А ноги сделали пару мелких шажков в сторону книжного павильона. А потом еще пару мелких шажков. И вот она уже оказалась совсем рядом, совершенно случайно оттесненная толпой. Только руку протяни – и можно полистать вон тот пухленький трактат о ведьминских зельях в блестящей суперобложке.

Почувствовав, что вот-вот поддастся соблазну, девушка ускорила шаг, убегая из торговой зоны так, словно за ней гналось коварное, смертельно опасное чудовище. Но тут же Интента поклялась, что в первый же свой выходной вернется сюда – и не уйдет, пока не обследует каждый торговый павильон, не подержит в руках каждую интересную книгу и не выберет хотя бы парочку для покупки. Никогда, никогда она не видела на базарах родной вотчины такого разнообразия. Но почему, ради многомудрого духа, почему у нее дома не было такого изобилия? Одного же королевства территории.

Пока девушка недоумевала, ноги сами привели ее куда нужно – интуиция созерцающей не подводила: пока не думаешь, всегда идешь к цели. На пороге каретной станции, почти прилегавшей к корабельной, Интента быстро сориентировалась и нашла расписание – и тут ее поджидал первый удар: оказалось, что все билеты на пассажирские кареты до замка Мерсье распроданы на три дня вперед. А путь совсем не близкий – и на карете-то два с половиной часа ехать, так что пешком не дойдешь.

Ошеломленная и расстроенная, она обхватила себя руками и села на чемодан прямо посреди станции, борясь с соблазном выругать себя на чем свет стоит за то, что не узнала о билетах заранее в сети. Привыкла, что в родной вотчине все пути коротки, а транспорта в избытке – вот и первая грубая ошибка. И что теперь делать? Хватит ли ей денег на три дня в гостинице или придется спать на станции, как какой-нибудь гоблинше-оборванке?

Прикрыв глаза, Интента успокоила дыхание и вместе с ним свою злость и нервозность. Выход

должен быть, так что надо просто обратиться к местным за помощью, решила она, поднялась и, подхватив чемодан, быстрым шагом направилась к стойке справочной, которую заприметила в дальнем углу зала. Там, за небольшим изящным столиком красного дерева, сидела темная лет семнадцати отроду и, ни на кого не глядя, подпиливала себе кроваво-красные ногти.

Эта девушка была типичной представительницей своего племени: загорелая кожа, худощавое телосложение – по худобе темные уступали разве что вампирам – и черные волосы длиной едва ли не до пят, никогда не выходившие здесь из моды.

- Чего вам, сударыня? - буркнула она, когда Интента вежливо обратилась за помощью.

- Я хотела бы узнать, как можно добраться до замка Мерсье... альтернативными способами, – уточнила она, перехватив скептический взгляд темной на расписание.

- Никак, ждите свою карету, - равнодушно бросила девица, мгновенно возвращаясь к своим ногтям – видимо, в знак того, что говорить тут больше не о чем.

- Но ведь кто-то же должен туда направляться... с товаром... с почтой, – взмолилась Интента, положив руки на столик, чтобы обратить на себя внимание в то время, как словами пыталась пробудить воображение в черноволосой девице, чтобы та помогла придумать вариант.

- Это не исключено. Только я тут ни при чем, – отрезала девушка.

И тут, снова посмотрев на равнодушное и даже нарочито холодное лицо, Интента сообразила: перед ней же темная. А значит, добрых дел от нее ждать не стоит. По крайней мере, до тех пор, пока не заплатишь.

Под влиянием порыва она сунула руку в свой мешочек с монетами, вынула новенький золотой и со стуком положила его на стол перед носом темной:

- А так? – с надеждой, но не без опаски, спросила созерцающая. Тут с ее собеседницей произошло удивительное превращение. Отшвырнув пилочку в сторону, та просияла улыбкой, жестом фокусника спрятала монету в складках своей шелковой кроваво-красной юбки и посмотрела на путешественницу взглядом счастливого ребенка, долго просившего и выпросившего наконец сладости:

- А так – другое дело, дорогая гостя.

Повернув голову, темная несколько секунд что-то напряженно высматривала, а потом вытянула шею и завопила, что было мочи:

- Мило-о-орд! Пойдите, мило-о-орд!

Вздвигнув всем телом, Интента проследила за взглядом девушки, чтобы понять, к кому обращен призыв, и ее сердце ушло в пятки. На приличном удалении от них стоял темный колдун, одетый так, что было понятно: аристократ, причем высшей пробы. Ошеломляюще роскошная мантия из шелка, наполненная волшебством так, что глаза слепило. Подле – два слуги, несущие кучу вещей, а глаза... от одного взгляда у нее на время прекратилось сердцебиение. Интуиция созерцающей подсказала: опасный, очень сильный маг. И лет ему, судя по тяжести этого взгляда, немало. И такое странно-безжалостное сухое лицо.

Мгновенно черные глаза пронзили ее насквозь – через весь зал, все люди вокруг исчезли и наступила тишина... Но уже в следующую секунду темная схватила Интенту за руку и потащила за собой:

- Идемте. Идемте же. Он долго ждать не будет.

Впоследствии она с трудом могла вспомнить, как именно оказалась в карете, – так напугал ее темный маг. С той секунды, как он взглянул на нее впервые, все ее существо оцепенело – и не только тело, но и мозг. Прежде ей не доводилось встречаться с такими страшными людьми, и, возможно, Интента оказалась даже более впечатлительной, чем предполагала. Погруженная в это странное состояние, Индента пропустила тот момент, когда темный аристократ согласился на совместную поездку, – похоже за нее все сделала девушка из справочной.

Очнулась Интента лишь тогда, когда карета слегка дрогнула и колеса невесомо покатали по дороге, явно оснащенные мягкими волшебными рессорами.

Обнаружив себя в роскошном бархатном салоне с темным наедине, Интента испытала столь мучительную неловкость, что готова была снова впасть в полубессознательное состояние. Она чувствовала себя так, словно совершила нечто ужасно неприличное – как будто на ходу запрыгнула в королевскую карету. Ясно же, что этот высокородный маг не привык брать попутчиков ни за

какие деньги. Почему он вообще согласился подвезти ее?

- Солнышко, вы готовы упасть в обморок, и мне тогда придется вас откачивать. Мы с вами можем попасть в неловкое положение, - вдруг вымолвил ее спутник с мягкой улыбкой.

Бросив на него взгляд, полный смущения, девушка поразилась переменам в лице темного. Сейчас он уже не выглядел пугающим. Его глаза словно слегка потухли - огонь в них не то, чтобы угас, но как будто стал потише - взгляд наполнился дружелюбием и мягкостью. Невольно улыбнувшись в ответ, она испытала поразительное по силе облегчение и пробормотала:

- Боюсь, милорд, что я уже попала в неловкое положение. Должна принести вам извинения и... и я бесконечно признательна за...

- Не нужно, миледи, - мягко, но уверенно прервал ее мягкий мужской голос. - Ваша компания для меня удовольствие.

- Я вовсе не леди, - машинально запротестовала Интента.

- Ваше лицо и осанка говорят мне иное, - обозначив удивление легким движением бровей, снова возразил темный.

Ее губ коснулась улыбка. Какой невесомый и приятный комплимент, пронеслось в голове.

- Что ж, вы угадали, - призналась она, - мой отец в юности носил титул. Однако затем он женился на моей матери и отказался от него в знак уважения к ней.

- В знак уважения? - ещё одно легкое движение бровей.

- Да. Боюсь, это долгая история, милорд... я снова вынуждена извиниться, но, кажется, я упустила момент, когда вы представились.

- Извиняться не за что, сударыня, я не представлялся, - бесстыдно признался ее собеседник, игнорируя попытку прикрыть неловкую ситуацию вежливостью, - Темный лорд Кетим, к вашим услугам. Вы можете называть меня Ульрис.

- Боюсь, что как раз этого я никак не смогу сделать, при всем уважении, ваша темность, - вырвалось у Интенты.

Она ответила так быстро и так категорично в том числе потому, что чувствовала опасность. Разговор, едва начавшись, шел как-то странно, и ей все время казалось, что она не может собраться с мыслями, то и дело срываясь на какой-то беззащитный лепет.

Но теперь, дав ему отпор, девушка ощутила прилив сил и подняла подбородок. Ее прохладный взгляд, впрочем, не произвел на темного видимого впечатления - он ответил обезоруживающе мягкой улыбкой:

- Вам нечего бояться, милая. Не тратьте понапрасну столько сил.

- Я вовсе вас не боюсь, - пунцовея, возмущенно выпалила она. - Не понимаю, почему вам пришло в голову...

- Вы трижды произнесли «боюсь» за последние пять минут, моя дорогая.

Улыбка на загорелом мужском лице стала шире, но он по-прежнему не выглядел ни злым, ни нервным. И она внезапно осознала, что в самом деле зря распаляется.

- Вы, должно быть, смеетесь надо мной, милорд. Это всего лишь фигура речи... - бросила она, отворачиваясь и краснея ещё больше. Ради духа, зачем она несет эту чушь? Он просто дразнит ее - к чему оправдываться?

- Фигуры речи мы выбираем не случайно, они говорят о нас порой красноречивее, чем самые искренние признания, случись им вырваться. Полагаю, вы это знаете, коль скоро преподаете литературу.

- Откуда вам известно, что я преподаю, лорд Кетим? - изумилась она.

- Вы созерцающая, к тому же леди. Стало быть, увлекаетесь всем возвышенным и бесполезным. А что на свете может быть бесполезнее литературы? - пошутил маг, грубовато уходя от ответа.

- Много чего, - отрезала Интента, - К тому же, я не говорила, что я - учитель. Откуда вы...

- Не стоит отрицать очевидное, миледи. Как и прыгать из кареты на ходу. Вы – учитель, вы приехали преподавать литературу. И вы боитесь меня до смерти, что, в общем, делает честь вашему разуму.

Мягкий мужской голос звучал успокаивающе, почти умиротворяюще – также тепло, как его пальцы на ее руке... крепко сжимающей ручку дверцы.

Тяжело дыша, Интента очнулась – второй раз за последние несколько минут. Или... ее спина вдруг похолодела, когда она поняла, что только что подверглась какому-то воздействию, и обнаружила провал в памяти – между ее последней фразой и его ответом прошло много времени.

Леденящий душу ужас пронзил ее насквозь.

- Вы... - прохрипела она и осеклась. Их глаза встретились.

- Я темный маг. Что с меня возьмешь? - с той же легкой улыбкой спросил он. - А вы очень талантливая юная леди.

Сухие длинные пальцы громко щелкнули перед ее носом, и Интента перестала испытывать ужас. В ее сознании наступила полная ясность, и она все вспомнила – длинную беседу, в которой она рассказала магу и о своей жизни, и о цели приезда в Академию, и то, как он заколдовал ее на станции, а потом добавил гипноза в карете, как только она начала приходить в себя, и расспросил ее. Точнее сказать, допросил.

Тяжело дыша, находясь во власти приступа бессильной злости, девушка отвернулась к окну, в котором на некотором отдалении уже проступали очертания замка на фоне догорающего заката – и впрямь немало времени прошло. Интересно, сколько заняло путешествие? В голове гудело. Неимоверным усилием успокоив свои разбушевавшиеся эмоции, Интента повернула голову и, не глядя на него, спросила:

- Вы - ректор Академии Затемнения?

- Проректор, если быть точным. Ректор у нас Черный лорд, – любезно напомнил Кетим.

- Принц Маркал. Припоминаю, читала о нем какой-то абсурд, – пробормотала Интента, кивая. У нее начинался приступ головной боли. - Раз уж у нас зашел разговор - а кто у вас проводит собеседования?

- Вы его уже прошли, миледи - разумеется, вы приняты.

- Разумеется?

Ее тонкие аккуратно выщипанные брови взмыли вверх.

- Разумеется, - повторил темный маг с улыбкой. - Должен заметить, по благословению самого Просветленного к нам учителя ещё не приезжали. За такое представление я, пожалуй, отошлю Его Безупречности личное благодарственное письмо и три ящика нашего лучшего местного эля.

Интента выпрямилась так, что даже спина заболела. Ее ноздри раздулись, но почувствовав, как темный с наслаждением вдыхает, питаясь негативными эмоциями, она спохватилась и усилием воли взяла себя в руки. Для этого пришлось в сотый раз напомнить себе, что злиться на темного еще глупее, чем ненавидеть стену, о которую треснулся лбом.

Как только Интента успокоилась, в ней проснулось любопытство.

- Скажите, лорд Кетим, – искренне заинтересованно спросила она, – как часто, скажем, за последний месяц люди испытывали к вам ненависть?

- Хм, дайте подумать, – кивнул темный, приосанившись и всем видом давая понять, что услышал хороший, интересный вопрос. — Не считая праздников, пару сотен раз, но вы знаете, моя дорогая, этот месяц не показателен. Я могу лучше.

Их взгляды снова встретились - его глаза смеялись. Интента хотела остаться безразличной, но она еще не была достаточно просветленной для этого, а потому ей ничего не оставалось, кроме как рассмеяться, поддаваясь этому порочному, но почти неотразимому обаянию.

ГЛАВА 5.

Если бы полная волнения и страхов Интента, стоявшая в день приезда на корабельной станции, каким-то чудом могла бы взглянуть на другую Интенту, которая устроилась на работу в Академию, жила там и преподавала вот уже две недели, она была бы просто потрясена тем, насколько выглядела спокойной и счастливой. Все устроилось так легко, быстро и хорошо, как она и мечтать не могла, ожидая на новом месте трудностей и испытаний.

С той минуты, как ее тужелька впервые коснулась вымощенной гранитом дорожки, ведущей от парковки самоходных карет к западному крылу замка, каждый ее шаг был окружен неусыпной заботой лорда Кетима. Он буквально за руку водил ее по всем кабинетам, лично проследил за ее устройством в первый вечер и организовал подробную экскурсию по замку на следующее утро.

Она и подумать не могла, что преподаватели в Академии Затемнения пользуются таким вниманием и расположением руководства, и первый день даже нервничала, подозревая, что за этим кроется нечто неприятное.

Однако очень скоро Интента убедилась, что лорд Кетим ведет себя таким образом со всеми подчиненными. Об этом ей поведали и коллеги с факультета немагических наук, и его декан Мелиция Лизергейн, ее непосредственный куратор и преподаватель истории Волшебного Королевства. Пожилая темная леди-маг, о которой Интента раньше только слышала и чьи книги читала, понравилась ей сразу, несмотря на то, что выглядела магиня очень строгой и постоянно ворчала на молодых учителей.

Позже выяснилось, что Мелиция – гроза Академии, которую принято бояться всем, включая проректора. Интента не стала нарушать традицию и старательно делала вид, что тоже боится – и в то же время обожала ее с первого взгляда.

Своим взором созерцателя Интента могла проникать сквозь многое наносное и ясно видела, что леди Лизергейн – добрая, искренняя женщина, которой выпала судьба родиться темной, но не стать ею. Она, конечно, подпитывалась негативом, как все представители ее рода, но лишь по необходимости – если бы не это, Мелиция вряд ли когда-либо стала запугивать и страшить подчиненных и студентов.

В их первую встречу, однако, она выглядела такой суровой, что Интента невольно опустила глаза, едва их взгляды пересеклись.

- Миледи, - негромко поприветствовала она, сделав почтительный книксен. Лорд Кетим, который привел ее в кабинет декана, мгновенно испарился, но Мелиция еще долго держала паузу, разглядывая новенькую с головы до ног строгим взглядом поверх очков:

- Созерцающая ищет место преподавателя в академии темных. Воистину, мир перевернулся, - наконец произнесла она скрипучим голосом и поджала губы. По ее тону было ясно: Интенте следовало бы немедленно покраснеть, провалиться сквозь землю, извиниться за свое появление и тут же убраться восвояси. Но созерцающая, заморожено изучая теплую ауру своей новой начальницы, вместо этого блаженно улыбнулась:

- Я очень рада познакомиться с вами, миледи.

- Еще бы, - без малейшего признака доброжелательности ответила Мелиция. - Я все-таки пару молодых учителей в своей жизни кое-чему научила, глядишь, и из вас толк выйдет. Если вы трудолюбивы, конечно, деточка.

- Я люблю свою работу, миледи, и я буду счастлива учиться у вас, - по-прежнему улыбаясь, подтвердила Интента.

- Что ж, прекрасно. Вот расписание – и поглядим на ваш пыл, сударыня.

Последнюю фразу Мелиция произнесла уже без особого скрипа в голосе и жесткости в тоне – почувствовав, что Интента не напугана, хоть и ведет себя очень скромно, темная леди прекратила разыгрывать спектакль. Впрочем, обращение к невидимому зрителю, видимо, составляло часть ее натуры: например, упоминание о «паре учителей», которых натренировала в жизни леди Лизергейн, отдавало качественной иронией на публику.

Ведь Мелиция действительно была очень известным преподавателем и историком, автором лучших современных учебников в своей области и еще десятка интереснейших книг, а также непревзойденным ментором, вырастившим целую плеяду молодых учителей за годы своей работы. Интента училась у нее задолго до их встречи – заочно, по книгам Лизергейн, и не поверила своему счастью, когда узнала от лорда Кетима, что ей предстоит работать под ее началом.

В расписании Интенты оказалось не так уж много лекций, – на самом деле совсем мало, так что она даже растерялась, и те начинались лишь через две недели – а на ближайшие дни не запланировано совсем ничего. Но Мелиция сразу пояснила, что Академия работает не как обычное учебное заведение – план занятий не фиксирован на год. Они проходят курсами, которые набирают едва ли не каждый месяц: на квартал, полугодие, год – у каждой группы свой срок, свои условия, свой размер оплаты. Кроме того, на некоторых курсах студенты могли выбирать и менять предметы, и тогда они перекочевывали от преподавателя к преподавателю, формируя новые небольшие группы.

А пока никаких курсов, групп и студентов не появилось, Интента тратила избыток свободного времени на прогулки, осторожные попытки познакомиться с другими учителями и их жизненным укладом и на обустройство своего нового жилья. Иногда она сидела на лекциях леди Лизергейн, но ходить на все подряд занятия по истории было неловко, а к другим учителям напрашиваться она пока не осмеливалась, поэтому и сосредоточилась на хозяйственных делах.

Ее комната в замке заметно превосходила по размерам ту, в которой она жила в родительском доме. И мебель выглядела гораздо богаче – все новое, все сияет и блестит. Все очень современное и комфортное: широкая удобная кровать из голубого северного дерева, изящный книжный шкаф, оборудованный магической полкой, на которой по заказу появлялась любая нужная литература из библиотеки замка – даже дух захватывало от такого удобства.

А ещё в ее комнате был настоящий камин – не магический, а реальный, который можно топить дровами. Глядя на него, Интента, всегда не любившая зиму, буквально дождалась не могла наступления холодов. Обстановка напоминала сказку – иномирные романы о жизни людей в прошлом среди рукодельных немагических вещей, каминов, камня и дерева, огня и воды, в согласии с природой и ее дарами – жизни, наполненной размеренным простым ручным трудом и сплошным миротворением, которое он приносит.

Вот только ее наряды не вписывались, будучи недостаточно модными даже по сравнению с тем, что носила леди Лизергейн, не говоря уже о молодых учителях. Кроме того, одежды было удручающе мало – пока Интента не приехала в Вотчину Темных, она даже не вполне осознавала, насколько аскетичный образ жизни ведет. Как и любая девушка, идущая по пути созерцания в ее родной вотчине, Интента имела всего три будничных платья.

Еще одно хранилось в ее шкафу для особых случаев. По сути, половина всей ее одежды в путешествии была на ней – новая мантия, перчатки, шляпка, одно из трех будничных платьев и единственная пара летних туфель. Зимние ботильоны у нее износились, и на следующий сезон следовало купить новую пару. Не считая буквально нескольких мелочей и небольшого запаса белья, это был весь ее гардероб, который она без труда поместила в просторный чемодан, благодаря встроенному волшебству утягивающийся в три раза.

Не то, что бы у нее не хватало денег на большее количество платьев и обуви – просто в Вотчине Созерцающих люди не покупали одежды сверх минимально необходимого. Другое дело – книги. По книгам, как и многие другие созерцатели, Интента буквально сходила с ума. Дома у них была огромная библиотека с милыми сердцу редкими изданиями, которые она с детства знала и любовно перечитывала длинными осенними и зимними вечерами. Но и новинки не переводились. И мама, и папа, и Интента, и все их родственники и друзья постоянно посещали городской книжный магазин и без конца пополняли запас фолиантов, достраивая книжные полки вдоль стен.

А темные вот так же сходили с ума по одежде. Заметив, что некоторые учителя и, что гораздо хуже, студентки посмеиваются над ней, Интента немного расстроилась. Новая мантия не помогла и как наряд не воспринималась – на нее никто и не взглянул. Чтобы не выделяться, здесь требовалось менять по два-три платья в день и едва ли не под каждое платье надевать новые туфли, не говоря уж об украшениях и аксессуарах... на третий день у Интенты сдали нервы, и она отправилась в город, потратив все деньги до последней монетки на два новых платья, две пары перчаток, шляпку и дополнительную пару туфель.

И все равно это было лишь временным решением – она понимала, что после первого же жалования придется заняться гардеробом более серьезно и скрупулезно, так что прощай мечта о новых книгах, которые она планировала купить. А если подумать, сколько всего ещё предстояло купить на зиму, то жалование в Академии Затемнения переставало казаться таким уж нереально огромным, превращаясь в сумму, вполне адекватную расходам.

Но все это были мелочи по сравнению с тем, как уютно и комфортно она себя чувствовала. Интента и не представляла, как ее глазам не хватало красоты в родной вотчине – и речь шла не только о великолепных интерьерах недавно отреставрированного замка Мерсье, но и о том, что его окружало.

Окрестности замка идеально подходили для прогулок. Запахи цветов и травы кружили голову, почти одуряли, стоило лишь выйти в открытое поле. Лето входило в разгар, природа пировала. В деревне Интента обязательно покупала кувшинчик свежего молока, краюшку хлеба, кусочек сыра, заботливо завернутый в холщовую тряпицу. На пути туда она собирала полевые цветы и успевала смастерить себе веночек, попутно упражняя пальцы магическими плетениями. А на обратной дороге она, наоборот, почти не глядела под ноги, созерцая лишь причудливые формы сливочных облаков в неправдоподобно голубом небе. И дышала, дышала - надышаться не могла здешним ароматным воздухом.

Интента, не привыкшая к постоянному общению, много ходила одна, наслаждалась деревенской тишиной; в голову даже стали закрадываться мысли о том, чтобы со временем переехать из города в сельскую местность - настолько спокойно и уютно ей было наедине с природой. Не в Темной Вотчине, конечно, в родной, но почему ей раньше не приходило в голову пожить на природе вместо того, что бы проводить всю жизнь в каменных городских джунглях? Ведь именно здесь, в поле, ощущение счастья накрывает вместе с лучами солнца и просветление кажется гораздо ближе - только рукой подать.

Про свою настоящую цель Интента не забывала ни на день. Помимо просветляющих прогулок она практиковала медитации и ежедневное чтение литературы по созерцанию. Она продолжала следить за своими эмоциями, неустанно стараясь их гармонизировать. И кажется, в последние дни все шло хорошо - и даже лорд Кетим, так испугавший ее поначалу, теперь казался вполне безобидным.

Разумеется, клубок чернейшей тьмы внутри него, который Интента видела вполне отчетливо, не позволял ей расслабиться полностью. Но и пребывать в постоянном напряжении смысла она не находила - лорд Кетим выглядел вполне уравновешенным существом, с которым, очевидно, можно найти общий язык и некий баланс мирного сосуществования.

Она всерьез рассчитывала, что темный маг успокоился после подробного допроса в карете и не планирует впредь оттачивать на ней гипнотизирующие заклятия. Со своей стороны, Интента старалась больше не показывать ему своих слабостей, одной из которых был искренний страх перед тьмой - безжалостной, кровожадной, только и ждущей, что бы броситься на подходящую жертву.

Единственным, что настораживало, была не его возможная агрессия, а ее собственное любопытство. Интента хорошо знала свою склонность ввязываться в неприятности ради призрачной возможности разведать какие-то тайны мироздания, а клубок тьмы внутри Ульриса Кетима, безусловно, относился к одной из них. А ещё над ней, словно родовое проклятье, нависло предсказание Лилайта о помолвке.

И единственным темным лордом, о котором она могла подумать в связи с этим, пока оставался лорд Кетим, что вызывало ещё большее любопытство с ее стороны. Отговаривала она себя лишь тем, что это мог быть кто угодно - академия полна темных магов-преподавателей, с которыми она пока просто не знакома, но может познакомиться в любой день. В столовой для учителей к ней многие присматривались, но заводить большое число друзей она пока не спешила - ей бывало трудно разобраться в людях, если круг общения чрезмерно расширился.

Кетим попадался ей на глаза очень часто - казалось, он был везде, опровергая ее представления о знаменитом гедонизме темных. Раньше Интента представляла это как сплошную праздность - или пусть не сплошную, но доминирующую. Кто же знал, что они находят столько удовольствия в работе и отдаются этому с такой неиссякаемой энергией. Сухощавая фигура мага постоянно мелькала в коридорах, аудиториях, в учительских и во дворе - он умудрялся наблюдать и за чужими занятиями и вести кучу своих, следить за расписанием студентов и гонять хулиганов, помогать учителям и деканам, утверждать расписание и набирать новые курсы.

Интента видела, как за ним бежали по холлу маркетологи, что бы утвердить новые макеты рекламы, в то время как Ульрис обсуждал с бухгалтером смету по возведению нового кампуса для студентов. В другой день он устраивал совещание с учителями их факультета, чтобы выслушать их жалобы и предложения, и на ходу разрешал все вопросы точными короткими замечаниями и внезапными решениями, которые чудесным образом вдруг устраивали всех, кто до этого спорил часами.

И между всеми этими делами лорд Кетим умудрялся на каждом углу со вкусом шутить, издеваться, дразнить и подначивать окружающих, а также флиртовать буквально со всеми женщинами, не исключая даже леди Лизергейн. Впрочем, с последней он облакал это в предусмотрительно тактичную и исключительно приятную форму, явно не желая мериться силами с опытной магией, которая могла дать ему вполне чувствительный отпор.

Интенте не пришлось долго приглядываться, чтобы понять: лорд Кетим был женским любимчиком. Многие студентки теряли голову от его комплиментов, и даже злые шутки не отталкивали их, поскольку очень ловко чередовались с внезапными проявлениями нежности. Она и сама с тревогой порой замечала, как тоже откликается на его брошенные вскользь комплименты -

настолько приятными, неожиданными и справедливыми они были.

Например, темный маг никогда не хвалил то, что похвалы не заслуживало. Если девушка была умна – он мог это подметить, но глупеньким говорил только о красивых волосах или изящных запястьях. Опять же, если запястья были не столь тонки, он предпочитал отметить что-то другое. Конечно, это всех подкупало. Единственное, что спасало Интенту от позорного влечения к темному, – это обиженные взгляды некоторых студенток в его сторону.

Она не сразу поняла, что они означают и почему так походят друг на друга. А когда осознала – похолодела. Все эти девушки, счет которым шел на десятки, побывали в его спальне, сообщила она. И теперь отправленные в отставку они старались держаться незаметно в стороне, словно побитые собачки, потому что каждый нежный взгляд лорда Кетима больше не заставлял их чувствовать себя польщенными, а болезненно напоминал об однажды сделанной глупости.

А еще студентки много шептались о ректоре – Черном лорде – и о тех, кто, по слухам, был с ним. Чтобы потренировать созерцательность, Интента попыталась присмотреться к этим девушкам – и действительно нашла в некоторых из них частицу общего, какую-то грустную тень, которая давала ей знать о том, что как минимум однажды они сбились с пути с одним и тем же мужчиной.

- Как в борделе, верно? – спросил кто-то позади нее одним погожим днем, когда она сидела на скамье во дворике между двумя лекциями и погрузилась в полумедитацию, разглядывая студенток. На мгновение плотно зажмурив глаза, чтобы прийти в себя, Интента широко открыла их и увидела рядом Амалию Делиор, белого мага и преподавательницу зельеварения. С ней Интента сама хотела познакомиться, но все никак не подворачивался удобный момент.

- Простите, миледи? – уточнила Интента, не сразу уловив смысл фразы.

- Вы ведь созерцаете этих девушек сейчас, верно? – осведомилась маг, скорее утвердительно, чем заинтересовано, присаживаясь рядом на скамью. – Не возражаете?

- Конечно, – кивнула Интента и слегка подвинулась к краю скамейки, – Амалия, если я не ошибаюсь?

- Она самая. Со дня вашего приезда хотела познакомиться, да все никак повода не найду. Кстати, я такая же леди, как и вы, – с кривой улыбкой сообщила Делиор. – Даже хуже: незаконнорожденная.

- Я созерцающая, для меня это неважно, – мягко ответила Интента.

- Так вы созерцаете их? – с жадным любопытством повторила вопрос Амалия.

- Да, и... я поняла, о чем вы. С этим трудно не согласиться, – негромко добавила она.

- Вы их осуждаете?

- Нет. Это раздражает, но они просто девочки. Я сама могла бы совершить такую же ошибку в их возрасте, – пожалала плечами Интента.

- А сейчас, думаете, не можете? – брови Амалии насмешливо поползли вверх, и тут Интента приоткрыла рот, заметив на ауре преподавательницы знакомое темное пятно. Она идентифицировала его как ясный след близости с лордом Кетимом.

Оценив паузу и выражение ее лица, Делиор снова криво усмехнулась:

- Да, и я тоже. Никто здесь не застрахован. Но я не жалею, – словно защищаясь, быстро сообщила она.

- Я и не думала вас жалеть, – ровным голосом сообщила Интента. – И я не думаю, что мой нынешний возраст и опыт страхуют меня от любых ошибок. Хотя сейчас мне легче, конечно, противостоять некоторым искушениям, чем в мои восемнадцать.

- Конечно, – кивнула Амалия и вздохнула, – Простите меня, Интента. Я не об этом хотела поговорить.

- Я понимаю.

Иногда рядом с такими людьми как Амалия она вдруг осознавала, какой длинный путь уже прошла – ведь они были ровесницами, плюс-минус пару лет, а Интента контролировала свои эмоции гораздо лучше. Но тут же раздражалась на себя: сама мысль о каких-либо сравнениях с другими людьми, которые не шли по сходному пути, свидетельствовала о непомерной гордыне. А значит, об успехах даже и думать стыдно.

- Меня очень интересует созерцание, - продолжала тем временем белый маг, - и я хотела спросить, если вам, конечно, это в принципе может быть интересно, то я могла бы...

- Вы предлагаете обменяться навыками? - просияла Интента. Амалия словно читала ее мысли: буквально пару дней назад она думала о том, чтобы устроить такой обмен с несколькими учителями: позаниматься с ними созерцанием в обмен на другие умения.

- Ну да. Если вам это интересно. Понимаю, конечно, магов здесь полно, а созерцающая - вы одна, значит, можете найти кого-то опытнее...

- Мне интересно, - перебила Интента смущенную речь белого мага. - И я буду рада брать уроки у вас, Амалия.

Они начали сразу же, и это внесло приятное разнообразие в те несколько дней, которые оставались до начала работы. Интента уже начинала изнывать от безделья и занятия с Амалией полностью захватили ее. Та начала обучать ее с магических плетений, поскольку кое-какие из них Интента уже выучила сама по книгам; Амалия внесла небольшие коррективы в ее практику, а затем постепенно стала показывать более сложные узоры.

Они тренировались поочередно то на нитках, то на растениях, и всего за пару дней Интента вполне сносно обучилась плести нитяной браслет, предупреждающий об опасности, и травяной узелок, предотвращающий легкие пищевые отравления, если держать его при себе во время обеда.

Это было захватывающе, и Интента сожалела лишь о том, что не может предложить Амалии взамен ничего столь же эффективного и быстрого - созерцание требовало долгих кропотливых тренировок прежде, чем появлялись первые заметные результаты. Но белый маг это понимала и получала такое же удовольствие от теоретических занятий, как ее ученица от своей практики с нитками.

Кое-что Амалия уже даже знала по самостоятельным занятиям с книгами, но правильно погрузиться в медитацию даже с помощью Интенты пока не могла. Ее взгляд прыгал, мысли скакали, тело то чесалось, то болело, то затекало. Вспоминая себя в начале обучения, созерцающая улыбалась и терпеливо объясняла, в чем тут дело:

- Тебе всегда будет неудобно, как ни сядь, пока ты не отключишь разум. Он так устроен, что ему нравится только скакать - это словно трехлетний ребенок внутри тебя. Усыпи его - и сможешь сидеть спокойно часами, не уставая от этого.

Но тому, чей разум еще никогда в жизни не спал наяву, понять это было не так-то просто. И Амалия пока только тренировалась, терпеливо ожидая результата.

Девушки быстро подружились. После занятий они вместе гуляли или пили кофе, их беседы становились все более доверительными, и очень скоро Амалия рассказала Интенте о своем коротком романе с лордом Кетимом, который случился двумя годами ранее, едва белая магния прибыла в академию. Темный лорд ухаживал за ней три недели, проходу не давал, возил в город и кормил обедами в лучших кафе, покупал сладости, развлекал невероятными историями из своей жизни - словом, всячески заинтересовывал.

Но стоило Амалии согласиться переночевать у него один раз, как наутро он полностью потерял интерес - словно она мгновенно превратилась в пустое место. В ответ на робкие попытки молодой учительницы снова привлечь его внимание он осадил ее довольно жестокими шутками на виду у студентов, публично намекнув на их близость, и Амалии осталось только сглатывать слезы и баюкать свое разбитое сердце с израненной гордостью.

- Понимаешь, это как будто ты на свете одна, как будто ты особенная. Стоило ему начать за мной ухаживать, как я потеряла всякое соображение. Это мастерство, в котором ему нет равных, - ровным голосом прибавила Делиор, но Интенту это не обмануло - в словах магии ощущалась остаточная боль.

- Он гипнотизировал тебя? - созерцающая опустила глаза на свои ученические плетения.

- Нет, нет, что ты, я бы сразу почувствовала - темная магия вступает с белой в слишком жесткий конфликт. Конечно, он бы пробил мою защиту, если бы хотел, но зачем? Нет, - повторила она и покачала головой, - его мастерство не в этом. Он просто усыпляет внимание и все время удивляет... с ним очень интересно, знаешь, и весело - никогда не понятно, чего ждать. Это раздражает, но и притягивает одновременно.

- Знаю, - эхом отозвалась не сильно впечатленная Интента. - Мне кажется, он использует навыки созерцания. Настоящие Просветленные тоже всегда ведут себя неожиданно и притягивают так, что сопротивляться просто невозможно.

Она рассказала Амалии, как не раз получала по лбу от Лилайта, пытаясь в трансе задушить его в объятиях, и белый маг расхохоталась до слез:

- Я понятия не имела, что такое бывает!

- Конечно, бывает. Но ни один Просветленный не стал бы этим пользоваться, – с улыбкой сказала Интента.

- Это правда, что им совсем не нужны женщины? – с интересом осведомилась белая магиня, с удовольствием переключаясь на другую тему.

- Я не знаю. Лилайт мало рассказывает о своей жизни, а когда ты с ним общаешься, даже в голову не приходит спрашивать – он говорит с людьми только о них самих.

- Говорят, просветление – это абсолютное счастье, может, поэтому больше ничего не нужно?

- В трактате Просветленного Мануэля есть ответ на этот вопрос, – улыбнулась Интента. - Он пишет, что счастье в понимании обычного человека – это такое же эмоциональное искривление, как несчастье. А в состоянии просветления оно перестает быть нужным. Как и все на свете, впрочем.

Округлив глаза, Амалия вздохнула:

- Пожалуй, это пока слишком сложно для меня.

Но тут же магиня прыснула, словно внезапно вспомнила что-то очень забавное. Все еще заливаясь смехом, она покрутила головой в ответ на недоумевающий взгляд Интенты:

- Я не над созерцающими смеюсь. Это Черный лорд... Он однажды сцепился с каким-то эльфом-учителем с факультета иномирных наук. Тот проспал собственную лекцию и вместо того, что бы извиниться, придумал, будто созерцал у себя в комнате и погрузился в слишком глубокий транс, из которого не мог выйти. А ректор ему и говорит так серьезно: какой ты молодец, мол, что так далеко зашел по пути созерцания. А что тебе важнее, спрашивает: просветление или работа? Парень возьми, да и скажи: «Работа важна, да после просветления, ваша светлость, ничего уже не нужно». Тогда его светлость кивнул, подозвал слуг и велел все вещи эльфа вышвырнуть из окна – и бьющиеся, и не бьющиеся. Слуги тут же убежали, учитель остолбенел, а ректор и говорит ему: «Поздравляю с просветлением, вот тебе от меня по случаю уборка комнаты бесплатно. Хорошо, что тебе больше ничего уже не нужно».

Губы Интенты дрогнули, она покачала головой, но потом все-таки засмеялась вместе с веселящейся Амалией, живо представляя всю сцену благодаря эмоциональному рассказу.

- Он уволился? – спросила она с любопытством.

- Кто?

- Эльф этот.

- Да вот еще! – фыркнула магиня. - Отсюда почти никто не увольняется – зарплаты слишком высоки, такого больше нигде не найдешь, тем более этакому-то бездельнику. Ходил потом, объяснительные писал, штаны свои с трусами собирал с деревьев. Только его студенты высмеивали на каждом шагу, и Черный лорд его сам уволил в конце года – иди, говорит, просветляйся скорее, чего уж тут у нас время тратить впустую.

- Ты так и называешь ректора все время – Черный лорд? – недоумевающе спросила созерцающая у подруги.

- Все его так называют, а что? Звучит глупо, да?

- Честно говоря, да, – призналась Интента.

- Привыкнешь, – засмеялась Амалия. - Ты ведь его не встречала еще?

- Нет пока. Какой он?

- Спокойный такой. Местами резкий, но он не похож на лорда Кетима, если ты об этом. Хотя тоже тот еще ходок по студенткам.

- Тебя он не привлекает? – догадалась Интента.

- Не мой тип. Но Кетим, правда, тоже мне не нравился, пока не начал ухаживать, так что я не знаю, – вздохнула Амалия. - Одно могу сказать: надеюсь, Черный лорд никогда мной не заинтересуется. Я чувствую себя руиной и больше сама себе не доверяю.

На темных ресницах девушки блеснули слезы и обычно не эмоциональная Интента, повинуясь порыву, крепко обняла новую подругу:

- Послушай, не казни ты себя так сильно. Да, ты оказалась не на высоте, этот опыт надо учесть и идти дальше. Никто не застрахован от такого.

- Я была полной дурой, - расплакалась девушка. - Я и не знала, понимаешь, не знала, что во мне столько чванства, тщеславия и глупости - он ведь за все дурное зацепил, за хорошее-то никого не зацепишь. Как будто он все ужасное из меня вытащил и потом в него носом ткнул у всех на виду. А теперь я ещё без конца себя жалею, и сама себе противна... и тебе, наверное, тоже.

- Да нет же. Просто ты рассказывала историю, все так ярко вспомнилось и накатило. Ничего мне не противно - я сама не идеал, и никто не идеал. Тебе просто надо перестать предъявлять к себе такие высокие требования, и тогда не придется никакую дурь вглубь закапывать, что бы тебя за это потом темные цепляли. Ну, будет тебе...

- Извини, - Амалия довольно быстро успокоилась и вытерла слезы. - Пожалуй, надо попросить ещё чаю у горничных. Или ходим в учительскую столовую?

- Лучше здесь посидим, у тебя уютно. Расскажи ещё немного о ректоре, - попросила Интента, вновь занимая руки нитками. - Почему принц Маркал вдруг превратился в Черного лорда? Это же книжный персонаж, верно?

- Ну... я сама читала пару романов этой Пестрой, но давно, девчонкой еще. Не знаю, может, и правда они встречались.

Интента недоверчиво посмотрела на подругу, отвела взгляд в сторону, мысленно что-то подсчитывая, а потом пожала плечами и улыбнулась:

- Думаешь, он действительно оборотень?

- Нет, конечно, - Амалия вздохнула. - Но мало ли у кого какие прозвища бывают? Что-то из этого всего должно же быть правдой, иначе откуда все это взялось?

- Да, действительно, откуда? - неопределенно ответила Интента, внезапно глубоко погружившись в свои мысли. А потом фыркнула и рассмеялась едва ли не до слез.

- Ты что?

- Так, ничего. Ничего, - махнула головой она. - Глупость в голову пришла. Не обращай внимания.

ГЛАВА 6.

Интересная штука – память: ты сам выбираешь, что вспоминать. Захочешь выбрать плохое, какую-нибудь гадость про человека, который тебя обидел – и только гадостное и вспоминается. А на хорошее настроишься – придут самые замечательные моменты, которых только что будто и не было в голове, целый ассортимент счастливых мгновений вылезает из прошлого, как в магазине. Но вот что интересно: если думать о плохом, то кажется, что и не было ничего хорошего. А если о хорошем припоминаешь, то плохого – как не бывало.

И в результате выходит, что ты не можешь вспомнить все сразу: и хорошее, и плохое, и то, что было между этим. Самое-то главное: то, как было на самом деле, вспомнить нельзя.

Примерно такими философскими размышлениями внезапно накрыло лорда Мерсье, когда он получил письмо от прежней возлюбленной. Перечитав его трижды, скомкав бумагу в ладони, он глубоко вздохнул, плотно закрыл глаза и откинулся в кресле, размышляя. Если бы эта весточка пришла к нему три года назад, она сделала бы его счастливейшим из людей. Даже два года назад он, наверное, прыгал бы от радости и дрожащими руками схватился бы за перо, что бы немедленно ответить – и мчаться к ней, мчаться без минуты промедления.

Даже в прошлом году он еще, бывало, вспоминал свою фею, и его сердце слегка кровоточило. Случись письму застать его в такой день, он среагировал бы инстинктивно, без оглядки, подумал бы, что судьба.

Но вышло так, что послание чересчур запоздало. Теперь, когда все его раны затянулись, внезапная мольба о помощи от этой феи оставила принца равнодушным. И все, о чем он размышлял, – это послать ей вежливый отказ или оставить письмо вовсе без ответа. И выбор хотелось сделать не в пользу вежливости, а наоборот, в сторону того варианта, который уязвил бы ее сильнее.

Из письма Делии следовало, что с ней случилось то, чего и стоило ожидать. Удивительно, что так поздно. Вампир, конечно же, попытался выпить красотку, так и не женившись. Она едва не пала жертвой своего стремления к романтике, как и десятки других вампирских невест. Вся привлекательность помолвок с охотниками за кровью заключалась в том, что такие браки были невероятно романтичны и гремели на все королевство, а затем прославлялись литераторами в веках.

Но особую романтичность таким союзам как раз и придавало то, что случались они до невероятности редко. Ибо согласиться всю жизнь терпеть рядом с собой полнокровное живое создание и при этом не выпить его однажды до смерти вампир мог только из фантастической, жертвенной, самоотверженной любви, какой с обычным кровопийцей приключиться не могло.

Именно поэтому длительные помолвки с вампирами всех, кроме вампирш, гораздо чаще заканчивались похоронной церемонией, чем свадебной. И ответственности за такой исход жених не нес, поскольку уже пять столетий как научно доказано: вампир не может полностью себя контролировать рядом с полнокровным до тех пор, пока добровольно не примет брачное заклание. Это волшебство – единственное, которое может помешать ему выпить любимую, даже в приступе жесточайшего зова крови.

За Делию, впрочем, Маркал почти не волновался все эти годы, он знал: самый опасный момент фея всегда почувствует и вовремя удерет, интуиция у них была самая тонкая среди всех волшебных существ. Так и случилось. Но теперь она, разумеется, была в беде, поскольку осталась без покровителя и без средств к существованию. А за последние три года, что провела в вампирской глуши, к тому же слегка утратила ориентацию и, возможно, не понимала, как ей снова устроиться фрейлиной ко двору.

О том, как сильно Делия дезориентирована и растеряна, свидетельствовало даже то, что письмо было адресовано в королевский дворец. Выходило, что она вообще не знала о переменах его жизни. Очевидно, девушка полагала, что как ни в чем не бывало может вернуться к прежнему принцу, каким оставила его при побеге – искреннему, ранимому, безобидному, отягощенному лишним весом и пылкой влюбленностью в нее.

Поразмыслив и предавшись паре приятных воспоминаний, в которых фигурировала полностью обнаженная фея в его постели, Маркал вызвал в свой кабинет Афрона и протянул ему скомканный пергамент:

- Пошли ей тысячу золотых. Напиши от моего имени, что я благодарю за оказанные три года назад услуги и полагаю, что на том мы в расчете. Записку подпиши у секретаря.

- Да, ваше высоч... ваша светлость, – поправился камердинер, так и не привыкший за три года к тому, что принц отказался от своих королевских регалий и присоединился к когорте лордов-

землевладельцев.

Проследив глазами за Афроном, который спешно отправился исполнять поручение, Маркал снова погрузился в свои мысли. Но на этот раз он размышлял лишь об объеме эля и пива, который в этом году произведет его завод, и о том, что пришла пора ввести пару новых сортов и начать широкую рекламную кампанию. Захваченный этой внезапной идеей, он взял пергамент и написал огромное письмо своему главному маркетологу с указаниями.

А затем подвинул к себе ворох академических документов от Кетима, которые ждали его одобрения и подписи. Быстро прибавив свой кургузый росчерк к учебным планам на магическом факультете Ульриса, в которые не считал нужным даже вникать, Маркал чуть более внимательно просмотрел бумаги по хозяйственной части и, наконец, взялся за подробное чтение приказов о приеме и увольнении сотрудников.

Обнаружив среди них документ о зачислении созерцающей на должность учителя литературы, он поперхнулся и перечитал его дважды. Губы Маркала растянулись в улыбке, а в глазах заплясал озорной огонек, как у ребенка в предвкушении мороженого.

***

На первый урок Интента шла как рыцарь на боевой турнир – вооруженная до зубов. Она волновалась даже больше, чем два года назад, когда впервые в жизни приступала к работе преподавателем – дома, в Школе Созерцания, даже стены помогали. Здесь же она очень боялась опростоволоситься перед леди Лизергейн и ощущала необходимость готовиться усиленно, поэтому последние два дня и не вылезала из программной литературы, стараясь подготовить что-то особенное, очень интересное для первого занятия, что бы сразу завладеть полным вниманием своих студентов.

Она решила начать с легкой приключенческой эльфийской литературы не более чем столетней давности – для простоты восприятия. Нервозности добавлял еще тот факт, что ее ждала едва ли не самая юная группа всей Академии Затемнения – от четырнадцати до шестнадцати лет. А внимание подростков порой собрать намного труднее, поскольку в отличие от взрослых они не сами выбирали этот класс и эту учебу, а просто повиновались решению родителей.

Но сколько ни занималась Интента, сколько ни подбирала материал, ни вооружалась учебниками, она никак не могла подготовить себя к тому, что увидела в аудитории на первом уроке. Для начала вместо шума и гама, который, по ее разумению, должна была производить группа из десяти подростков в ожидании учителя, за пять минут до начала занятия она застала класс в полной тишине.

Но настораживало даже не столько неестественное молчание, сколько выпрямленные напряженные спины и явная боязнь пошевелить головами, когда учительница вошла в класс через дверь в конце последнего ряда парт. И только мгновение спустя Интента осознала причину такого примерного поведения группы – за одним из первых столов в пол оборота, небрежно закинув ногу на ногу, сидел один из самых больших мужчин, каких она видела в жизни, одетый во все черное – брюки, фрак, ботинки.

Даже его шейный платок и рубашка отливали иссиня-черным. Со следующим ударом замершего от неожиданности и смущения сердца Интента поняла, что перед ней – ректор Академии, он же Черный лорд, лорд Мерсье, урожденный принц Маркал.

Когда их глаза встретились, он встал в знак уважения и сделался таким высоким, что в это невозможно было поверить – едва ли не на две головы выше нее, а ведь Интента сама отличалась немалым ростом, по крайней мере для женщины. За Маркалом моментально вскочили на ноги все студенты, что произвело довольно сильный шум, затем все снова стихло, словно в класс внесли покойника.

На отсутствие уважения со стороны студентов ректору жаловаться явно не приходилось.

- Доброе утро, ваша светлость, – негромко и вежливо поприветствовала она Черного лорда, изображая, наверное, самый неуклюжий реверанс в истории Королевства, пытаясь одновременно удержать равновесие, сумку и учебники в руках. Стоило вначале положить их на ближайший стол, но от смущения Интента не сообразила сделать это, а когда пара книг упала на пол, было уже поздно. Громкие, как выстрелы, хлопки заставили вздрогнуть пол класса.

- Я помогу вам, миледи, – вскинулся студент, оказавшийся ближе всех. Но созерцающая уже сама потянулась за книгами, и они с мальчиком едва не стукнулись головами. В последний момент Интента отшатнулась, что, к сожалению, стоило ей потери равновесия.

Оставшиеся книги посыпались из рук на пол, а в довершение ко всему учительница не смогла удержаться на ногах и на глазах всего класса с размаху шлепнулась на пятую точку. Театральный

эффект усилили очки Интенты, соскочившие от удара с носа и улетевшие куда-то в конец аудитории, где оказались за пределом ее досягаемости.

Но и на том неприятные сюрпризы не закончились.

- Премилостивый темный дух, что тут происходит? Вы в порядке, миледи? Позвольте помочь вам, - послышался в этот самый момент знакомый голос, и ошеломленная Интента, повернув голову, увидела, как в класс поспешно заходит лорд Ульрис Кетим. С неподражаемым изяществом он подобрал по пути ее очки, пару книг, подал руку, помогая подняться, и вручил учительнице ее вещи - все за какие-то мгновения. А затем легким взмахом руки простимулировал трех стоящих рядом студентов собрать оставшиеся книги и, наконец, невозмутимо поздоровался с лордом Мерсье:

- Добрейшего утра, милорд. Не знал, что вы тоже заинтересуетесь уроком литературы.

- Как и я не ожидал увидеть вас здесь, - с какой-то еле заметной улыбкой бросил Черный лорд.

Едва взглянув на лица мужчин, Интента отряхнула юбку, выпрямилась и подобралась:

- Могу я узнать, милорды, что привело вас на мой урок сегодня? - спросила она учтивым нейтральным тоном, ещё не зная, как реагировать, но уже понимая, что как-то реагировать надо - и ни в коем случае не позволять им остаться. Студенты хранили прежнее гробовое молчание, но после ее падения словно ожили - их спины и шеи вновь обрели нормальную гибкость, и теперь головы активно поворачивались, следя за разговором старших.

- Видите ли, миледи, по долгу службы и его светлость, и я время от времени посещаем те или иные уроки, чтобы составить впечатление, - ответил темный маг прежде, чем ректор успел открыть рот. - Ничего такого, что связано с официальными проверками, так что прошу вас не беспокоиться.

- Не беспокоиться? - холодно переспросила она, уставившись на лорда Кетима. - И как часто, позвольте узнать, уважаемые милорды, вы присутствуете на первом занятии преподавателя с группой, да ещё и вдвоем?

Глядя на невозмутимое лицо лорда Кетима, все время ощущая клубящуюся тьму в центре его груди, Интента понимала, что буквально балансирует на грани. Ее спину жег взгляд ректора, на уши давило молчание студентов, на щеках сам собой расцветал яркий румянец. Но она знала лишь одно: если эти двое останутся, урок будет сорван, а от ее авторитета у студентов, уже и без того поставленного под вопрос этой инспекцией, не останется камня на камне.

- Обычно этого не случается, вы правы, - наклонил голову темный, мягко соглашаясь. - Но раз уж так вышло...

- Раз уж так вышло, - ледяным тоном перебила она лорда Кетима, не позволяя его мягкому голосу убаюкать свою бдительность. - Я попрошу вас, ваша темность, сейчас же покинуть мой урок.

Не давая себе ни секунды на созерцание реакции темного, которая - Интента знала - могла ее до смерти напугать, созерцающая резко развернулась и прожгла глазами ректора:

- И вас, ваша светлость, я тоже прошу удалиться. При всем уважении.

Наступившая звенящая тишина, казалось, будет вечной. В какой-то момент Интенте даже почудилось, будто ее душа от ужаса вот-вот расстанется с телом. Мужчины переглянулись, словно согласовывая дальнейшие действия. Интента замерла.

Черный лорд внезапно слегка наклонил голову, обозначая поклон:

- Я желаю вам хорошего начала работы в нашей академии, миледи, - он быстрым шагом прошел мимо нее, застывшей как столб, и вышел из аудитории, прихватив с собой Кетима.

Оказавшись снаружи у закрытой двери класса, мужчины замерли и с удивлением уставились друг на друга.

- Ты говорил мне, что самая злющая и вредная в королевстве училка - это Лизергейн, - заметил Маркал безо всякого выражения.

- Эта крошка вовсе не злюка, - возразил темный. - Никакого сравнения с леди Мелицией.

- Тогда почему мы позволили ей нас выставить? - поинтересовался ректор после короткой паузы.

- Э-эм. Не знаю, - с искренним замешательством отозвался лорд Кетим. - Может, мы сегодня просто добры?

Маркал медленно кивнул, почесав подбородок там, где начинала пробиваться щетина:

- Это хорошо, да. Мы были добры, - повторил он, словно пытаясь распробовать эту фразу на вкус, - ну что ж, с кем не бывает.

***

Первый урок Интента провела в состоянии близком к эйфории. Студенты восхищенно глядели ей в рот и почти не дышали - никогда доселе ей не удавалось завладеть таким безраздельным доверием и уважением своих учеников, да ещё так быстро. На лицах некоторых читалась влюбленность с первого взгляда - так всех впечатлила ее победа над двумя лордами-руководителями академии.

После большой перемены состоялось второе занятие: студенты из группы постарше пришли подготовленные - казалось, уже весь мир в курсе о том, что произошло утром. Интенту ждали восхищенные взгляды и... вопросы. Едва она объявила тему урока, как одна из студенток, выглядевшая заметно раскованнее других, подняла руку:

- Леди Интента, скажите, это правда, что вы сегодня выставили с урока Черного лорда?

- Юная леди, вы можете называть меня магистр Валиар, и я предпочла бы, что бы мы сосредоточились на теме урока. Эльфийский приключенческий жанр заметно отличается от...

- Но мы умрем от любопытства, магистр, - с обезоруживающей улыбкой перебил ее студент, сидевший прямо перед учительской трибуной.

Интента выпрямила спину и подняла подбородок. Под любопытными глазами всех учеников без исключения на ее губах заиграла обманчиво мягкая улыбка.

- Друзья, - начала она ласковым тоном, - поймите, что если Черного лорда с урока я не выставляла, то говорить здесь совершенно не о чем. А если я выставила его...

Ее голос внезапно переменялся, сделался таким же твердым и холодным, как придорожный кирпич в зимнюю стужу, и студенты мгновенно опустили глаза в свои учебники.

- А если я выставила его, - повторила она еще более тихим, грозным голосом, обводя глазами класс. - То, вне всякого сомнения, могу немедленно это повторить с каждым из вас, кто будет отвлекаться от темы урока на сторонние разговоры.

До конца занятия вопросов больше ни у кого не возникало, но Интента внезапно утратила чувство, что вполне владеет ситуацией.

Уже в этот момент, защищаясь от любопытства студентов, бесхитростно облекших в слова утреннее неловкое происшествие, она почувствовала, как эйфория постепенно стихает, и на смену ей медленно, но верно приходит паника. В тот момент, когда девушка задала ей вопрос, Интента осознала, что среди учеников слухи будут разноситься именно в таком виде: новая училка выставила Черного лорда с урока в его собственной академии. Не говоря уже о лорде Кетиме. И эти слухи вряд ли расположат к ней двух мужчин, которые еще год будут ее руководителями.

После окончания занятий Интенте стало еще хуже, и она начала волноваться всерьез, прокручивая все снова и снова. Что если лорды вышли из класса не потому, что сочли ее требование уместным, а наоборот, потому что она позволила себе слишком многое, и теперь ее уволят с позором. Что если ее вещи уже выкинули из окна по приказу ректора, как пожитки того парня, о котором рассказывала Амалия?

Открывая дверь в свою комнату, Интента даже зажмурилась на секунду - но все ее вещи находились на своих местах в целостности и сохранности, а комната сияла чистотой - день начала занятий совпал с днем уборки, которую она заказала у горничных три дня назад. Переведя дух, Интента выгрузила учебники на стол и села на кровать. И что ей теперь делать? Пойти обедать как ни в чем не бывало или все же просить аудиенции у ректора, что бы осторожно принести извинения? Ждут ли этого от нее?

Можно было, конечно, спросить об этом лорда Кетима - с ним она гораздо лучше была знакома и, наверное, аккуратный вопрос был бы уместен... если бы только не известная тяга темного к издевательским шуткам и розыгрышам, о которых она уже была наслышана, и плохая терпимость к любой слабости. Нет, перед этим человеком лучше держать хорошую мину даже при очень плохой игре - иначе проглотит и не поперхнется.

Глубоко вздохнув, она решила ничего не делать. В конце концов, принц Маркал вырос при дворе и без труда найдет способ показать ей свое неудовольствие в рамках этикета, если захочет - тогда она и поразмыслит над извинениями.

Во время обеда Интента внезапно осознала, что на ней останавливается гораздо больше любопытных взглядов, чем обычно. Не найдя Амалию, она присела за отдельный столик, но долго в

одинокости не пробывала.

- Миледи Валиар, разрешите разделить с вами трапезу? – учтиво осведомился суховатый долговязый вампир в черной мантии, внезапно материализовавшийся рядом.

Интента подняла голову и внимательно посмотрела на преподавателя магического травоведения, с которым уже была шапочно знакома. За полмесяца, проведенные в Академии, она привыкла и к темным, и к вампирам – и не вздрагивала, завидев их, хотя и не могла сказать, что испытывала удовольствие от близости подобных существ. Но открыто демонстрировать неприязнь было бы глупо и невежливо, поэтому она сдержанно кивнула:

- Пожалуйста, присоединяйтесь ко мне, магистр Вермар. Только учтите, что я не леди.

- Неужели? – искренне удивился вампир, тут же опускаясь за столик со своим подносом, на котором, к облегчению Интенты, оказались не коктейли с овечьей кровью из специального меню для любителей, а вполне нормальная еда – овощной суп и мятный чай с печеньем.

- Да, аристократом родился только мой отец. Мама – обычная созерцающая из простой семьи городских музыкантов, и я не унаследовала титул, – пояснила Интента.

- В таком случае, почему вся Академия называет вас леди?

- Не по моей воле точно. Полагаю, многие повторяют это вслед за лордом Кетимом, – не подумав, суховато ответила Интента и тут же пожалела об этом.

- Очень интересно, – криво улыбнулся вампир, своими длинными сухими пальцами поигрывая ложкой. – Как и то, что произошло сегодня утром. Выходит, его темнота питает к вам особое расположение?

Слегка мутноватые, болотного цвета глаза внимательно наблюдали за ней, и от этого хитрого взгляда ее пронзило неприятное ощущение легкой тошноты.

- Не понимаю, с чего вы это взяли, – еще суше ответила она, реагируя на намек, который показался пошлым. – И что вы хотите этим сказать?

- Лишь то, что вы необычная женщина, леди Интента. Поверьте, не каждый день у нас увидишь такое...

Вампир сделал паузу, очевидно, ожидая встречного вопроса, но Интента упрямо молчала, ощущая лишь раздражение – меньше всего ей хотелось узнавать от магистра Вермара сплетни об интересе лорда Кетима к ней и слухи об утреннем происшествии. Пересилив себя, она снова взяла ложку и стала есть суп в надежде, что кровопийца утратит интерес к ней и уйдет. Но ее собеседник внезапно протянул через стол сухую руку, в которой была зажата какая-то карточка:

- Я заранее прошу простить мне мою самоуверенность, миледи, но я подумал, что вас могут заинтересовать мои лекции, и подошел лишь для того, что бы пригласить вас. Мне жаль, если я отпугнул столь приятную особу своей бестактностью.

Приняв из его пальцев карточку с отпечатанным расписанием занятий по травоведению, Интента принужденно улыбнулась:

- Вы ничем меня не отпугнули, магистр. Я благодарю вас за приглашение и завтра же непременно посетю ваше занятие, – пообещала она, не кривя душой. В ее расписании все ещё зияли дыры, и посидеть на травоведении показалось не такой уж дурной идеей. – Буду рада видеть вас и на своих уроках тоже, – неосмотрительно прибавила она.

- Я польщен вашим приглашением. Но ради сохранения и вашей, и моей головы лучше бы вам прежде пригласить его светлость ректора, а потом уж – учителей, – посоветовал вампир и в глазах его вспыхнули искорки веселья. – Но я рекомендую вам сделать это лишь тогда, когда вы в полной мере освоитесь.

- Разумно, – сдавленным голосом отозвалась Интента, пряча глаза и думая о том, что впредь следует почаще упражняться в светских беседах – она утратила навык и от этого стала беззащитной.

Одному человеку ей все-таки пришлось сообщить все подробности случившегося – и по правде, она была рада поделиться с Амалией. Девушки смогли поговорить только поздно вечером, ввиду сильной занятости преподавательницы зельеварения. Уставшая и рассерженная, Делиор с порога начала жаловаться на вебинары, которых «подлый мошенник Кетим» вынуждает проводить все больше и больше.

Интента понимающе улыбалась: проводить теоретические занятия через сеть - ещё куда ни шло, но вебинар по зельеварению действительно выглядел странной затеей.

- Я же не могу проследить, что они там режут и как варят! - возмущалась белый маг. - У этих ленивцев ума хватит взорвать свой котел и себя вместе с ним.

- Почему ленивцев? - уточнила Интента, больше для того, что бы дать подруге выговориться, нежели потому, что на самом деле не понимала.

- Да потому! - кипела Амалия, - Что нормальный маг никогда в жизни не станет учиться варить зелье через экран. Он никогда в жизни не возьмет курс из восьми лекций, гоблин его раздери! Он,туда его в драный хвост, приедет в академию и будет тут три года пахать, что бы научиться нормально. Что такое восемь лекций по зельеварению? За восемь лекций суп хороший варить не научишься!

- Ну, суп-то научиться можно, - со смехом возразила Интента.

- Ну, если только один. Богиня, как я есть хочу, - спохватилась Амалия. - Можно я сюда еду попрошу у горничных? Будешь?

- Конечно, заказывай, но я сыта, спасибо. Мне только чай, - улыбнулась она, глядя на подругу, которая уже разматывала катушку.

И только позже, насытившись и успокоившись, белая магиня осторожно поинтересовалась слухами про утреннее происшествие. Интента с готовностью рассказала, как все было, не упуская подробностей о своем падении и даже о том, как красиво летели по полу очки для чтения и как лорд Ульрис их подбирал. Амалия заливалась хохотом, а потом покачала головой:

- Не волнуйся. У них обоих с чувством юмора порядок, так что не думаю, что они злятся.

- Но вся эта глупая болтовня и намеки, - с досадой цокнула языком Интента. - Я вовсе не люблю находиться в центре внимания.

- Я бы на твоём месте не о том внимании беспокоилась, - сказала Амалия, бросив немного странный цепкий взгляд. - Гораздо хуже то, что эти двое тобой заинтересовались всерьез и одновременно. Их вполне хватит на то, что бы устроить соревнование.

По спине Интенты пробежал холодок:

- С чего ты взяла, что они заинтересовались...

Амалия молча наклонила голову, взглянув по-совиному, и она осеклась. Глупо, глупо было не принимать в расчет их появление на уроке, полагая его случайностью. Если в случае с Черным лордом любопытство ещё могло оказаться безобидным, то лорд Кетим явно пришел не просто так. Возможно, он хотел смутить ее - и ему бы это удалось, не будь там ректора. Одного Кетима Интента не стала бы гнать.

- Ты скоро все поймешь, - негромко заметила Амалия, отводя глаза. - Я, правда, не хочу тебя пугать, но с сегодняшнего дня тебе лучше быть предельно внимательной. Поверь, ты не можешь быть слишком осторожна - с ними обоими.

ГЛАВА 7.

Несмотря на пугающее пророчество белой магии, которая судила по своему печальному опыту, ничего страшного с Интендой не происходило. Дни шли один за другим, потом полетели – и вот Интенда уже отметила, как истек ее первый месяц в Академии – и никто из двух коварных соблазнительниц не проявлял к ней особого интереса. Чаще всего ей доводилось общаться с Амалией и леди Лизергейн, которая посетила одну ее лекцию и, найдя ее весьма интересной, смягчилась окончательно – да так, что даже позвала Интенду к себе на чай.

Там, беседуя с ней о том о сем, леди Мелиция дала молодой учительнице несколько очень интересных советов, которые Интенда, воодушевленная одобрением обожаемой наставницы, стала внедрять на ближайших же уроках. Самым главным из этих советов, как ни странно, было напутствие вести себя посмелее и не ограничивать фантазии в том, как преподносить материал студентам.

Лорда Кетима Интенда продолжала видеть ежедневно, но как и до этого он бросал пару слов, комплимент мимоходом, какую-нибудь шутку – и бежал дальше по делам.

Точно также Ульрис общался и с другими учителями, ничем не выделяя ее. Наоборот, по сравнению с некоторыми даже обделял вниманием – и Интенда с ужасом поняла, что ее это слегка задевает. Она невольно следила, как он ухаживает за другими женщинами, как соблазняет их, заметила даже момент его расставания с одной студенткой – то, какой она была возбужденной за день до, и то, как на девушке лица не было наутро после. Трудно не заметить, когда такое происходит с ученицей из твоего класса.

И даже несмотря на то, что Интенда всей душой осуждала жестокость темного, она каждый раз испытывала легкое разочарование, когда он пробежал мимо и не замечал ее. Попробовав применить навыки созерцания, помедитировать на это глупое чувство, она с отчаянием поняла, что его корни лежат слишком глубоко – в женской сущности, выделяющей самого интересного самца из окружения, а также в пытливой природе ее мозга, любившего решать загадки.

А потому рассеять это просто так не удастся, осознала она, придется бороться, мучительно сражаться с этим каждый день и молиться, что бы устоять .

Но был и ещё один мужчина, привлекавший ее внимание, хоть и видела его Интенда лишь однажды. Ректор не выходил у нее из головы, сколько она ни убеждала себя, что глупо так много думать о нем и, главное, о том, какое впечатление она сама на него произвела.

И все же не проходило дня без того, чтобы подобные мысли не тревожили ее – в основном благодаря тому, что невозможно было не слышать, как имя Черного лорда произносится то тут, то там – то студенты шепчутся, то преподаватели к слову поминают главного человека в Академии. Кто-то боялся его и недолюбливал, кто-то – наоборот, считал дружелюбным и очень приятным человеком, а многие студентки были влюблены так, что едва в обморок не падали при одном упоминании ректора. И чем больше Интенда слышала противоречивых отзывов, тем больше ей хотелось узнать, какой же он на самом деле.

Кроме того, принц Маркал даже раньше, заочно, вызывал у нее интерес и уважение. Он был одним из немногих людей в королевстве, чьи достижения никто не стал бы оспаривать – хотя бы потому, что они затронули почти всех жителей. Например, его закон о торговле вдвое расширил ассортимент в продуктовых магазинах в Вотчине Созерцателей, и каждый житель это почувствовал. Интенда лично была признательна ему за появление в продаже своих любимых ведьминских настоек и эльфийских сладостей.

Второй раз они встретились на собрании преподавателей две недели спустя после скомканного знакомства. Ректор, как выяснилось, практиковал такие встречи, чтобы обсудить программу, пожелания профессоров и вдохновить коллектив на новые свершения. И выступление его, действительно, было завораживающим – Интенда вдруг поняла, что Черный лорд искренне горит идеей сделать из Академии лучший вуз королевства. И от этого ей самой захотелось немедленно бежать в аудиторию и до последней капли отдать всю свою энергию на дело воспитания молодых умов.

Затем он дал слово леди Лизергейн, которая весьма жестко и насмешливо прошла по промахам некоторых преподавателей, особенно остановившись на неудачном проекте трехнедельных занятий созерцанием.

- Чья это была идея, хотела бы я знать, чтобы у нас ведьма с любительским сертификатом преподавала углубленный курс созерцания за три, праматерь их, недели? - резко осведомилась Мелиция. Непроизвольно фыркнув, Интенда зажала рот – правда, такое же сдавленное фырчание послышалось со всех сторон и от других учителей, не ожидавших ругательств из уст внешне чопорной Лизергейн.

Под строгим взглядом, которым декан обвела всю аудиторию, Интента едва не покраснела, но почему-то после этого ей снова захотелось фыркнуть, и она изо всех сил напрягла мышцы живота и глубоко вздохнула, чтобы сдержать смешок. Ее глаза от этих усилий слегка округлились и тут, как назло, она встретила взглядом с ректором. Черный лорд с абсолютно невозмутимым лицом слегка приподнял бровь, но в следующую секунду тоже выпучил свои глаза, явно передразнивая ее. Интента не выдержала: у нее вырвался мучительный смешок, который больше походил на громкую икоту после всех попыток сдержаться – ректор, очень довольный собой, улыбнулся.

Вспыхнув до корней волос, Интента опустила глаза и скосила взгляд на молодую ведьму, нервно сжимавшую ладонями подол длинной черной юбки. Девушка смотрела в пол и молча заливалась пунцовой краской – ей единственной приходилось невесело. Мгновенно переключившись на сочувствие, Интента справилась со своей смешливостью.

- Должен ли я повторить вопрос леди Лизергейн о том, чья это была идея? - вмешался Черный лорд, на лице которого уже не отражалось ни капли веселья, а лишь суровость, грозившая виновнику страшными карами.

- Моя, - пискнула ведьма, еще ниже опуская темноволосую голову.

Но вопреки ожиданиям Интенты ректор не стал делать ей выговор. Он, казалось, полностью удовлетворился полученным ответом и спокойно кивнул:

- Впредь будьте добры согласовывать свои творческие порывы с деканом и со мной. Леди Интента, у вас есть место в расписании? - внезапно осведомился он.

Вздвогнув, Интента округлила глаза, молча уставившись на ректора - вот это прозвучало неожиданно. Все учителя обернулись, чтобы взглянуть на нее, и Интента невольно порозовела:

- Осмелюсь заметить, что я преподаватель литературы, милорд. И никогда не...

- Но у вас профессиональный сертификат по созерцанию? И допуск к преподаванию для любителей? - нетерпеливо прервал ее лорд Маркал.

- Естественно, ваша светлость, с пятнадцати лет.

- В таком случае дайте нам консультацию: как вы считаете, кто лучше преподаст курс тем бедолагам, которые милостью магистра ведьминских искусств Зальтиар уже набраны и оплатили занятия, - любитель без допуска или же профессионал с сертификатом преподавателя?

Интента снова скосила взгляд на ведьму. Руки несчастной дрожали, по щекам бежали крупные слезы. На вопрос, поставленный таким образом, другого ответа быть не могло. Преподавать созерцание непрофессионалу – смехотворная затея, особенно теперь, когда в Академии появился урожденный созерцатель с полным курсом обучения за спиной.

- Я возьму этот курс, раз уж он уже набран, - сдержанно согласилась она после паузы. - Однако прошу сделать его длиннее, назвать вводным и больше не набирать студентов - у меня нет напутствия от Просветленного на преподавание созерцания.

- Благодарю, миледи, вы нас очень выручили. Студентам будет предложен трехмесячный курс за ту же плату, - с обворожительной легкой улыбкой сказал ректор.

Их взгляды на секунду снова встретились, и Интента зарделась - на этот раз от дружелюбия и выражения искренней благодарности в темных глазах.

Вечером после собрания она вдруг поняла, что опять думает о ректоре и в голову приходят странные фантазии, вроде того, чтобы Черный лорд пригласил ее на чашку чая в свой кабинет - скажем, обсудить программу курса по созерцанию. Когда Интента поймала себя на таких мыслях, ей стало не по себе. Почему ей так хочется обратить на себя внимание ректора? Почему она мыслит так примитивно - как и все прочие женщины, сходявшие от него с ума? И как с этим бороться?

На следующее утро она засела за изучение своего расписания - в нем оставалось все меньше свободного места: теперь Интента вела литературу в четырех группах. Скоро новые занятия по созерцанию вытеснят все свободные часы, которые она пока еще могла проводить на уроках других преподавателей. Прощай захватывающие лекции по истории, практикумы по зельеварению и, конечно, изумительно интересное травоведение.

Интента никогда и не думала, что изучение свойств трав и рецептов всевозможных снадобий может так захватить ее, но магистр Вермар оказался прирожденным преподавателем, чего так сложно было ожидать от вампира. Даже его бесцветное сухое лицо преобразалось во время занятий - словно загорался внутренний свет, которым он мог зажигать и студентов. И Интента стала ходить на его уроки так часто, как только могла.

Постепенно Вермар стал приглашать ее на чай после занятий – и они сдружились, к обоюдному изумлению. Вампир был поражен не меньше – как выяснилось, полнокровные прежде не входили в его близкий круг общения и он, также как Интента, не ждал, что это может случиться. Иногда, правда, ему приходилось тяжело – только теперь она испытывала искреннее сочувствие, а не отвращение в такие моменты.

Первый раз Интента почувствовала нечто подобное, когда решила прикрыть окно в классе, где они с Вермаром разговаривали после урока, обсуждая их общих студентов и занятия. Договаривая какую-то фразу, Интента потянулась к створке окна, но вампир неожиданно резко предостерег ее от этого, грубо перебивая:

- Нет, оставьте, миледи!

Удивленно замерев на месте, Интента широко раскрыла глаза, не сразу сообразив, в чем дело, но тут же заметила, как судорожно расширились и сузились его ноздри – и поняла: чем больше свежего воздуха в помещении, тем слабее он ощущает ее запах. Тем легче ему выдерживать ее присутствие, не истекая слюнями. В тот раз она ничего не сказала, но на следующий день, не выдержав, спросила:

- Как ощущается для вас мой запах, магистр Вермар? Это вроде жареной птицы, когда хорошенько проголодаешься?

Вампир удивленно посмотрел на нее, затем по его губам скользнула легкая улыбка:

- Я бы не осмеливался сравнивать вас с печеной куропаткой, миледи. Нет, – продолжил он, – Это как будто вы год вообще ничего не ели, и вдруг перед вашим носом появляется, скажем, поднос с пирожными. А там ванильные эклеры, взбитые сливки, шоколад, клубничное суфле...

Его глаза остановились в районе ее шеи, и девушку передернуло:

- Простите.

- Вам не за что извиняться, моя дорогая леди Интента.

- Кровь животных не помогает? – негромко спросила она.

- Это не то же самое.

На языке у Интенты вертелись десятки других вопросов. Но она благоразумно решила воздержаться от них и осторожно перевела разговор на другую тему, в чем магистр ее охотно поддержал.

Наутро следующего за собранием дня Интента вознамерилась снова посетить урок Вермара, но в переходе из восточного крыла, в котором проживали почти все преподаватели, встретила ректора. Заметив его, она едва не споткнулась, изрядно смутившись. Ее словно пронзил удар парализующего заклятья – слишком часто за последние дни ей рисовалась подобная встреча в воображении, из-за чего даже стало казаться, что в реальности такого случиться не может. Теперь же это происходило, и она впала в ступор. Маркал шел ей навстречу и остановился в нескольких шагах, учтиво наклоняя голову:

- Доброе утро, миледи. Я как раз надеялся вас встретить, не уделите мне пару минут? – спросил он, сохраняя почти непроницаемое выражение лица с легкой улыбкой, смысл которой не поддавался расшифровке.

Интента наклонила голову и автоматически сделала изящный реверанс, про себя вознося благодарность мудрейшему духу за то, что в прошедшие выходные наконец-то смогла посетить магазины одежды с внушительной суммой на руках. И теперь на ней было приличное по меркам Академии Затемнения платье – фейский шелк, оригинальный рисунок, приятный глазу свежий зеленый цвет, который необыкновенно шел ей, придавая коже сияющий вид.

В этом наряде она не чувствовала себя нищенкой, стоя рядом с Черным лордом, один костюм которого стоил, безусловно, как целая самоходная карета. Ботинки лорда Маркала сияли, как темное волшебное зеркало, бархатный плащ, скользивший по полу, отливал такой мягкой матовой чернотой, что в нее хотелось запустить пятерню. А шелковая рубашка выглядела так, словно это была и не ткань вовсе, а какая-то жидкость, заклятая искусным колдуном приставать к телу.

Оказавшись на расстоянии двух вытянутых рук от ректора, Интента невольно снова отметила про себя, какой он огромный. Но это не вызвало никаких неприятных эмоций в ней – пожалуй, наоборот. Теперь при ближайшем рассмотрении она нашла этого мужчину весьма интересным, хоть его внешность и не подпадала под общепринятые каноны красоты – ни изящества, ни худобы, ни аристократичной хрупкости костей. Главным его украшением, конечно, были умные глаза. Ей

также приглянулся умеренно загорелый цвет кожи и красивые губы. Фигура, которая на фотографиях выглядела очень толстой, в реальности была лишь слегка полноватой и очень крепкой – или он изменился с тех пор, как она видела его фото в журналах? Тогда он еще жил во дворце...

- Миледи? – негромко спросил Маркал, предлагая ей руку. Интента пришла в себя и осторожно положила ладонь на сгиб его локтя, согласившись следовать за ним - и ректор неожиданно увел ее на какую-то боковую лестницу.

- Этот путь ведет в один из внутренних дворов, – заметил он, спускаясь по мраморным ступеням, изогнутым винтом расширяющимся книзу. – Их в замке всего шесть, и только три открыты для всех желающих.

- Вы покажете мне секретное место, милорд? – весело улыбнулась она, глядя на него сверху вниз – Маркал спускался первым, как и предписывал этикет настоящему джентльмену, чтобы обеспечивать полную безопасность для леди.

- Можно и так сказать, – мягко улыбнулся он в ответ, слегка задерживая на ней оценивающий взгляд. – Я покажу вам оранжерею. У вас ведь нет сейчас урока?

- Э-эм... нет, – призналась она после секундного колебания.

- Означает ли это замешательство, что я нарушил ваши планы?

- Немного. Но я с удовольствием взгляну на вашу оранжерею.

- Так я и думал, – неожиданно ответил он, как только они оказались внизу, и Интента, не успев ничего сообразить, оказалась прижата к перилам.

- Что?.. – изумленно начала она, когда поняла, что ее свобода ограничена его руками, лежащими на балюстраде нижнего пролета.

- И как вы не побоялись оставаться со мной наедине, миледи? После всего, что вам рассказывали обо мне, – еле слышно, почти шепотом, произнес он, глядя прямо в широко раскрытые от удивления глаза Интенты.

На миг ее что-то прожгло изнутри – это было чувство, не поддающееся никаким определениям, а еще – шок от его абсолютно бесстыдного и нахального поведения. Защищаясь, Интента выставила вперед руки и невольно положила их на твердую горячую грудь, обтянутую нежнейшим на ощупь черным шелком – он и впрямь был таким невесомо-мягким, каким казался на первый взгляд. А его мышцы, наоборот, – приятно твердыми. Тем временем Черный лорд подхватил прядь ее волос, намеренно отпущенную из прически, и намотал на палец. Его глаза остановились на ее губах.

- Вы... вы... – пискнула Интента и невольно задержала дыхание – ей показалось, что он сейчас поцелует ее, и все мысли мгновенно вылетели из головы, а ресницы сами собой опустились. Но стоило ей замереть со слегка приоткрытым ртом, как вместо поцелуя она внезапно получила легкий щелчок по носу, и до нее донесся его смех:

- Вы забавная, леди Интента.

Мгновенно распахнув глаза, она не могла поверить тому, что видела – Черный лорд смеялся над ней. Он уже не удерживал и, без сомнения, не имел намерения ни целовать ее, ни касаться – по крайней мере, теперь, когда он понял, что она была бы не против. В мгновение ока ее щеки залила такая густая краска, что кожу стало щипать. Охнув, Интента подобрала юбки и бросилась вверх по лестнице, сгорая от стыда.

- А как же оранжерея, миледи? – издевательски крикнул он вслед, пока она летела вверх по лестнице.

Споткнувшись на одной из ступеней, Интента так больно ударилась щиколоткой, что на глазах выступили слезы, но она продолжала бежать вверх по лестнице до тех пор, пока не оказалась вне зоны его досягаемости – а затем опрометью бросилась в западное крыло – в Академию. Интенте хотелось скорее оказаться в безопасности среди людей, хотя за ней, разумеется, никто не гнался.

ГЛАВА 8.

Весь день она провела в смятении, лишь к вечеру немного успокоившись. Это был, наверное, первый ее день в Академии, когда Интента совершенно не думала о лорде Кетиме и с огромным трудом могла сосредоточиться даже на уроках. А все мысли ее вертелись вокруг неразрешимых вопросов: почему с ней сработал такой простенький фокус? Почему она так легко дала себя обмануть? И почему, помоги ей многомудрый дух, она хотела, чтобы он ее поцеловал? Ведь она на самом деле хотела...

Обидно было до слез, до соплей. Почувствовать себя такой же дурочкой, как семнадцатилетние студентки, разваливающиеся на части наутро после «той самой ночи» с одним из этих прохвостов... О, это вовсе не льстило ее самолюбию. А раздутое эго, обнаружившееся так очевидно и так болезненно, совершенно не льстило ее статусу созерцателя. Она-то, дура, думала, что уже обрела почти полное смирение и тут – на те. Целый день Интента бесновалась словно молодая ведьма, мысленно представляла, как душит мерзавца голыми руками или, наоборот, уничтожает холодными язвительными репликами.

Вечером она даже не стала пить чай с Амалией как обычно – сразу ушла в свою комнату и засела за еженедельные письма родным, которые отправляла по старинке через волшебную сеть: в ее семье не любили видео и звуковых сообщений. Отдельный большой свиток Интента приготовила для письма Просветленному, чтобы попросить помочь добрым советом. Ей хотелось подробно описать все, что она чувствовала, как боролась весь этот месяц, как испытывает теперь полное замешательство и чувство своей ничтожности.

А может быть, ей сдаться? Замерев с пером в руке, Интента откинулась на спинку кресла, пораженная внезапной мыслью: а что если задание Просветленного не в том, чтобы год работать и вступать в заведомо проигрышную борьбу с темными, а в развитии смирения? Мог ли он ждать от нее другого – что она перестанет сражаться с невообразимо сильным врагом и, преисполнившись кротости, покинет Академию сразу, как почувствует свою слабость?

Но ведь не зря же он обозначил срок, одернула она себя, – год и один день. А Просветленный всегда говорил ученикам, чтобы не искали подтекстов и туманных смыслов в том, что он говорит. Сказал: работать год, значит, год. Сказал: будет помолвка, значит, она будет.

Переведя дух, Интента вернулась к письму. Нет, она все делает правильно. Просто в какой-то миг почему-то показалось, что это будет легко. И только в этом была ошибка. Ей действительно следовало послушать Амалию и не проявлять такую самонадеянность.

Ей как-то надо вызвать к жизни свои поблекшие мечты. Они ведь были такими яркими прежде: она и тот, кто предназначен ей судьбой. Конечно, созерцатель, с чистым ясным взором, близкий к Просветлению. Тот, кто может взять ее за руку и повести за собой, кто всегда будет нежен и снисходителен. Умен, добр, силен, полон жизни и мягкого юмора, теплоты и любви к ней и их детям.

И как только она позволила затмить этот светлый образ какому-то там Черному лорду, персонажу бестолковых книжонок? Это же абсурдно – принц Маркал корчит из себя невесть что, словно павлин, и она повелась, как глупая девчонка, и на что – на черный плащ, шелковую рубашку и твердые мышцы под ней. Стоило ли ей столько лет обучаться созерцанию и взгляду вглубь человеческой природы? А ведь она даже не созерцала его ни секунды – ни в первую, ни во вторую встречу – так была взволнована оба раза.

Жутко разозлившись на себя, Интента вскочила, меряя шагами комнату. С завтрашнего дня она больше не станет потворствовать их затеям. Ни темный лорд, ни черный, ни малиновый в горошек больше не отыщет малейшей брешки в ее непроницаемой защите. Она ждет своего созерцателя и отныне будет верна ему так, словно уже встретила этого человека и обручилась с ним. И это не может не спасти ее. Потому что больше спасать-то ее, в общем, нечему.

Выходя на следующее утро из своей комнаты, Интента была преисполнена решимости и воинственности. Полночи не спав, она прокрутила в своей голове вариантов пятьдесят возможных диалогов при встрече с ректором. «Ах, это снова вы? У меня дела» – и она, подняв подбородок, уходит. «Доброе утро, милорд. Нет, пожалуй, мне ваши извинения ни к чему. Прошу меня извинить, мне пора на урок» – и она уходит, гордо выпрямив спину. «И по-вашему, милорд, эта шутка смешна? Тем, кто смеется над другими, не стоит хотя бы носить одежду из детских книг», – и она уходит, яростно сверкнув взглядом.

Не готова Интента оказалась лишь к одному повороту событий – как ни странно, ей и в голову не пришло, что на другой день ректор не встретится на ее пути. Казалось, он непременно объявится – либо с извинениями, либо с дальнейшими издевательствами, либо с попыткой снова заманить куда-то, сделав вид, что ничего не случилось. Но сколько не выглядывала она его в коридорах и аудиториях, в учительской гостиной и во внутреннем дворике – он за весь день так ни разу и не

появился. Зато вокруг беспрестанно крутился лорд Кетим с бесцеремонными шуточками, выводящими из себя.

- Ваша новая шляпка очень идет вам, а цветочки на ней просто прекрасны, миледи, - заметил он утром, проходя мимо, но стоило Интенте с благодарной улыбкой принять комплимент, как он прибавил, - но как часто ее надо поливать?

- Приходите с лейкой через два часа, милорд. Я буду вас ждать с нетерпением, - парировала она, гордясь своей невозмутимостью, но через пару минут, сделав такие же сомнительные комплименты паре студенток, темный маг вернулся к ней:

- А что, леди Интента, мне правду говорят, будто вы скоро станете счастливой невестой?

Застыв на месте, широко открыв изумленные глаза, и не в силах даже скрыть легкий испуг, она воззрилась на лорда Кетима. Это был ее главный кошмар - что он знает о предсказании Просветленного, что она все же проговорилась в карете. Но ведь до сих пор он ни словом не дал понять, что знает... о задании Лилайта - да, но не о будущей помолвке.

- Судя по вашему взгляду, мне не врут, - весело поддразнивал темный. - Так что, магистр Вермар и впрямь раскочегарился? Его сухая темная душонка горит, как у юнца? Признайтесь, миледи, вы - коварная соблазнительница.

Магистр Вермар. Он про ее дружбу с вампиром - как только это до нее дошло, нахлынувшее облегчение оказалось ещё сложнее скрыть, чем первоначальное изумление, но Интента буквально совершила невозможное, усилием воли взяв себя в руки за пару мгновений, и скрыла замешательство новой улыбкой:

- Я очень коварна, лорд Кетим, вы даже не представляете - как. Возможно, вам стоит держаться подальше, - заговорщически прошептала она, прожигая его ледяным взглядом.

- Напротив, я весьма заинтригован, - с мягкой улыбкой парировал маг, не обращая ни малейшего внимания на ее эмоции и язвительность. - Но не буду вас отвлекать перед началом уроков. Приятного дня.

После этой беседы Интента уходила на урок, наивно полагая, что не может быть раздражена больше. Однако после обеда это заблуждение было развеяно появлением лорда Кетима с большой лейкой в учительской гостиной. На глазах у изумленных педагогов он шел к ней, так мастерски копируя разлапистую поступь садовника, что многие тут же покатались со смеху. И только Интенте было не весело - то ли после вчерашнего, то ли в целом из-за постоянного подспудного напряжения у нее сдали нервы, и она, подхватив юбки, пулей вылетела из учительской, не желая каким-либо образом поддерживать эту странную забаву.

- Но так нечестно, миледи, я же старался. А эта лейка, между прочим, тяжелая, - крикнул ей вслед лорд Кетим, и это было так похоже на то, как кричал ей вслед Черный лорд накануне, что она вдруг поняла - кто-то из них явно учился у другого. И, учитывая заметное старшинство темного, учеником был, конечно, принц Маркал. Ее возмущение достигло предельной точки кипения и стало так велико, что она в ту же минуту приняла твердое решение действовать, что-то противопоставить этому произволу темного мага - чего бы это ей не стоило.

К вечеру она ощутила сильную усталость - волнения прошедшего дня забрали всю энергию, и когда Амалия предложила попить чаю у нее в комнате, Интента была вынуждена отказаться, второй день подряд.

- Ты выглядишь взвинченной, - осторожно заметила белый маг, внимательно поглядев на нее. - Возможно, тебе нужно хорошенько отдохнуть.

- Это правда, - с улыбкой и благодарностью ответила она. - Я очень устала.

- Я уеду на каникулы домой в конце недели. Надеюсь, мы успеем с тобой ещё попить чай и поболтать до этого, - добавила Амалия. - Скучаю по нашим занятиям.

- О, как же жаль, что ты уезжаешь! Конечно, успеем, - эмоционально заверила Интента. - Может, завтра? Я освобожу вечер - мы позанимаемся и поболтаем всласть.

- Конечно, - согласилась Амалия, порывисто обняла за шею, словно ребенок, и тут Интента заметила в ней какую-то скрытую грусть. С ее подругой что-то происходило.

Пообещав себе обязательно поддержать Амалию назавтра, какие бы трудности у нее не возникли, она ушла к себе в комнату, быстро умылась и забралась в постель. Но сон не шел. В голове все

крутились язвительные голоса двух лордов наперебой: «А как же оранжерея, миледи?... Так нечестно, я же старался».

Через пару часов, когда яркий лунный свет залил всю комнату, а Интента устала от придумывания остроумных ответов на воображаемые каверзные вопросы обоих мужчин, она села на кровати и попыталась применить дыхательные успокоительные практики. Но они не помогали. Точнее частично это сработало, потому что глаза стали слипаться и засыпать, но что-то внутри продолжало клочкотать, голова была ужасно тяжелой от мыслей, и она точно знала, что не уснет, если снова ляжет прямо сейчас – только намучается.

И тут Интенту осенило – дома, если требовалось быстро успокоиться перед сном, она просто шла на кухню, выпивала стакан теплого молока с чем-нибудь сладким и тут же погружалась в полное умиротворение. Именно это ей и было сейчас нужно – конечно, ведь стоило подумать о сладком, как прямо перед глазами возникла огромная душистая свежее испеченная ватрушка и величаво поплыла в воздухе. А за ней – рассыпчатое шоколадное печенье и даже ароматное пирожное с клубничным кремом. Будь она ведьмой, с таким-то воображением, уже наколдовала бы себе целый поднос с десертами. Но этого созерцающая не умела.

Сглотнув слюну, она принялась натягивать одежду. Конечно, в учительской столовой, где питались все профессора, в ночное время никого не найдешь, но прямо здесь, в западном крыле, есть ещё и хозяйская гостиная, где дежурят горничные – однажды она уже спустилась туда поздно вечером за стаканом воды. Наверняка у них можно попросить и что-нибудь еще, рассудила Интента: не пирожное с кремом, конечно, но, может, печенье с молоком ей дадут?

Набросив легкое домашнее платье, которое обычно носила лишь в комнате, а поверх – мантию, она вышла наружу и быстро спустилась вниз. Кругом царил непривычная тьма, стены лишь немного подсвечивались волшебными свечами – там, где висели картины с видами местной дикой природы, портретами прежних владельцев – темных магов и лучшими пейзажами из других вотчин. Интента рассматривала их внимательно в первые дни, когда у нее было много времени на прогулки по замку и окрестностям, и нашла весьма симпатичными.

Ей понравилось, что новоиспеченный лорд Мерсье не стал завешивать все стены древнего замка, искони принадлежавшего темным, портретами королей, королев и принцев из своего рода – заметно было его желание сохранить историю. Немного портретов королей повесили только в библиотеке – а чаще всего на стенах замка встречались местные пейзажи, натюрморты или художественные сцены с известными историческими персонажами из местной же знати.

Или же это плохой знак? Возможно, он в ссоре со своей семьей, не зря же он сложил все свои регалии и переехал из королевского дворца на край света, в вотчину темных? Может, это лорд Ульрис им вертит как хочет, потому что все кругом так и выглядит? Гадая о том, какова на самом деле личность лорда Маркала, Интента добралась до широко распахнутых дверей в слабо освещенную гостиную и едва не натолкнулась на горничную в аккуратном белом переднике и чепце, выходящую навстречу с подносом.

- Простите, миледи, – извинилась первой та, делая книксен с подносом в руках.

- Ох... И вы меня тоже, милая, – улыбнулась Интента.

- Желаете чего-нибудь, миледи?

- Да. Молока и чего-нибудь сладкого. Можно мне шоколадного печенья или чего-то вроде этого? – с надеждой осведомилась она у девушки.

- Конечно, леди Интента. Принести вам в комнату или подождете здесь?

- Конечно, подожду, – с готовностью улыбнулась она, не желая создавать лишние трудности девушке – дома у них не было слуг и до сих пор ей было неловко просить горничных и лакеев о чем-либо. Если бы у нее был выбор, она бы сама разогрела себе молока и нашла печенье на кухне – но, увы, в замке Мерсье не было принято, чтобы кто-либо, кроме поваров и горничных, заходил туда.

Все то время, что она разговаривала с горничной, Интента почему-то ожидала, что гостиная окажется пуста в этот поздний час, но стоило ей сделать шаг внутрь, как она поняла, что ошиблась – и тут же пожалела о том, что согласилась подождать, ибо в комнате удобно расположился хозяин замка с книгой в руках. Перед ним стояла огромная дымящаяся чашка, при взгляде на которую она с большим опозданием поняла, что горничная не просто так бегала с подносом.

Замерев на пороге, она созерцала Черного лорда и мучительно боролась с желанием сбежать, пока он не поднял головы от книги. Но в следующую секунду, все так же не отрывая глаза от строчек, он промурлыкал каким-то утробным голосом:

- Шоколадное печенье... мммм, так миледи – сладкоежка. Вы определенно на верном пути к наслаждению, но не совсем.

- Простите? – автоматически спросила она, еще не успев осознать ни смысл его слов, ни отреагировать на невежливость, которую лорд Маркал, безусловно, проявил намеренно – принц крови не мог не знать, что разговаривать с людьми, глядя в книгу, бестактно. Не говоря уже о том, что он и не подумал подняться, когда она вошла.

- Я говорю, миледи, что такой прекрасной юной даме, как вы, следовало бы интересоваться по ночам более изысканными лакомствами, нежели шоколадное печенье.

С этими словами он поднял глаза и без всякого стыда за свое возмутительное непристойное замечание уставился прямо на нее. Интента остолбенела. Она попыталась вдохнуть, но вышел какой-то всхлип. Хотела бежать, но ноги приросли к полу. Черный лорд поднялся, одетый, как обычно, во все черное – на этот раз какой-то бархатный костюм очень домашнего вида, делающий его похожим на огромного кота.

И только в следующий миг, осознав, что испугана, она рассердилась – не столько за грубость, сколько за страх, который он навел на нее.

- Вы не смеете делать мне подобные замечания, – резко и запальчиво рявкнула она, вложив в голос столько гнева, сколько могла, мгновенно припоминая и сцену у лестницы, отчего даже побагровела. – Вы определенно с кем-то спугали меня, милорд. Вы...

- О чем вы говорите, милая леди Интента? – моргнул Черный лорд так беззащитно, что она осеклась. Его лицо на глазах изменилось, приобретая настолько дружелюбное и душевное выражение, что у нее в сердце что-то екнуло. – Я всего лишь хотел предложить вам кусочек вишневого торта. Его приготовил на ужин мой личный повар и, уверяю вас, этот десерт восхитителен. Неужели вы подумали, что я хотел как-то оскорбить вас?

В его глазах отражалось искреннее изумление и огорчение, которые в мгновение ока вызвали в ней жгучий стыд за грубые слова и агрессивный тон.

- Я... эмм... нет, милорд, – быстро ответила она, полная раскаяния. – Простите меня, я, должно быть, немного переутомилась сегодня, и...

За ее спиной скрипнула дверь, и вошла горничная с подносом, на котором стояла кружка молока, тарелка с печеньем и большой кусок вишневого торта. При единственном взгляде на лакомства стало ещё более стыдно, хоть минуту назад казалось, что это просто невозможно.

- Прошу вас, – очень мягко пригласил к столу лорд Маркал, и теперь ей ничего не оставалось кроме как разделить с ним это маленькое ночное пиршество. Поплотнее запахнув мантию, смущаясь домашнего платья, Интента присела на краешек кресла.

Горничная накрыла стол для них обоих, сделала книксен и встала у двери, готовая услужить. Интента, несмотря ни на что, ощутила облегчение от того, что больше не была наедине с Черным лордом. Она все ещё испытывала замешательство, не зная, чего ожидать от него, и опасалась, что он может отослать девушку, но ничего подобного ректор делать не стал, полностью соблюдая приличия.

- Я хотел ещё раз поблагодарить вас, миледи, за то, что согласились вести уроки созерцания. В противном случае репутационный ущерб нашей академии не удалось бы предотвратить, – проникновенно заметил он, прихлебывая свой чай.

Интента скромно улыбнулась:

- Я постараюсь сделать этот курс максимально интересным и полезным для студентов, милорд.

На несколько мгновений Интента ушла в созерцание – и с удивлением обнаружила, что внутри лорда Мерсье нет ни капли тьмы. Она присутствовала, конечно, на поверхности, как у всех людей, не достигших Просветления – но удивляло еще и то, как мало в нем было темного в пласте природных склонностей – даже меньше, чем у нее. А вот наносного заметно больше – дружба с лордом Кетимом явно давала себя знать. Буквально пару глубоких взглядов спустя ее внимание устало и рассеялось, и она переключилась на обычное зрение – ночные часы для созерцания совершенно не подходят.

Старалась не смотреть на него впрямую, Интента даже из-под опущенных ресниц могла разглядывать крепкие бедра, обтянутые бархатными штанами, здоровенные руки, грудь – его тело скорее напоминало фигуру дровосека, нежели венценосной особы, но почему-то это делало Маркала еще интереснее. Словно сама природа загадала появлением этого человека загадку, которую ей хотелось бы разрешить.

Как, урожденный принцем, он стал человеком, над которым условности не властны? В какой момент он понял, что отличается от своей семьи? Как удалось ему совершить столько всего и так разбогатеть в такие-то годы? И почему, ради духа, он вдруг надел на себя этот смехотворный, похабный образ Черного лорда? Все эти вопросы вертелись у кончика языка, но ни один, разумеется, не сорвался с ее губ.

- Вы, в самом деле, беспокоитесь о репутации академии в общепринятом смысле или у вас какие-то свои соображения о том, что это слово означает? - спросила она вместо этого, отламывая серебряной вилочкой кусочек торта.

- Никаких особенных соображений у меня нет, леди Интента. А почему вы так решили?

Интерес в его глазах говорил ей, что он не так уж удивлен вопросом - но действительно рад возможности поговорить об этом.

- Все эти быстрые курсы, все вебинары слегка напоминают мошенничество, лорд Маркал, - мягко сказала она, впервые осмелившись назвать его по имени. Их глаза встретились, и в глубине его взгляда что-то вспыхнуло.

- Продолжайте, миледи, я вас внимательно слушаю, - с еле заметной улыбкой предложил он.

- Это восхитительно, - заметила она, проглотив кусочек торта. - Извольте, я продолжу, коли желаете, и заранее прошу прощения за откровенность. Репутация Академии Затемнения - это такое виртуальное понятие, на мой взгляд. Сегодня в профессорской среде бытует мнение, что это заведение - балаган. Ни вы, ни лорд Кетим прежде не занимались преподаванием, а ваша собственная репутация весьма заметно пострадала за последние три года, милорд, и что касается всей этой шумной рекламной кампании - да, она привлекает студентов, и пока вам чудом удается избежать громких скандалов, но...

- Не чудом, - оборвал внезапно Черный лорд, не скрывая, что слегка уязвлен ее словами. - Скандалов нет потому, что мы внимательно работаем над программой, я и лорд Кетим, и леди Лизергейн. Мы привлекаем профессионалов и делаем все, чтобы наши курсы были полезными для тех, кто действительно готов учиться. И пока никто не доказал, что хотя бы один наш курс не может достичь заявленной цели, будучи пройден старательным студентом.

- Более чем старательным, - мягко возразила Интента, успевшая проглотить еще пару восхитительных кусочков торта, пока Маркал говорил. - Экстраординарно старательным студентом, будем честными.

- Да, нам нужны самые трудолюбивые студенты. И в договоре с каждым об этом написано. От всякого студента мы требуем прилежности, тщательного выполнения всех заданий и максимальной внимательности на уроках.

- Вы рассчитали программу на идеальных учеников, а их нет, - снова возразила Интента, наклоняя голову.

- Они есть. И они успешно заканчивают курсы.

- Хотела бы я взглянуть хотя бы на одного. Покажите мне человека, который научился варить зелье беспамятства за три занятия. У вас это написано в рекламе вебинара! - слегка распаясь в азарте спора, потребовала она.

- С удовольствием. Следите за пальцем, леди Интента, - сказал ей Черный лорд, поднимая в воздух свою ладонь. Он театрально покрутил указательным пальцем в воздухе, изображая нечто, напоминавшее траекторию полета захмелевшей пчелы, а затем указал в центр своей груди.

Интента хотела рассердиться, но вместо этого улыбнулась и покачала головой:

- Я вижу, с вами сложно вести дискуссию, лорд Маркал.

- Я лично научился варить это зелье, и у меня даже немного осталось. Желаете испробовать? - улыбнулся он во весь рот.

- Пожалуй, воздержусь, ваша светлость.

- В таком случае, - он бросил взгляд на ее опустевшую кружку и тарелку. - Вы позволите проводить вас до вашей комнаты?

- Не стоит, милорд. Но благодарю вас за заботу, - быстро отказалась она и встала из-за стола.

- Спокойной ночи, миледи, - сказал он с немного странной улыбкой, также поднимаясь. - Еще раз хочу заметить, что не желал вас оскорбить упоминанием о сладостях, но...

- Я уже поняла это, милорд, - прервала его она, снова краснея. - И я...

- Я не желал оскорбить вас, но на самом деле я все-таки не имел в виду вишневый торт, в этом вы были правы, - с дьявольской улыбкой перебил ее Черный лорд, пристально наблюдая за реакцией.

На ее губах застыло дыхание. Онемев и буквально потеряв дар речи, Интента что-то промычала, прожигая его изумленным, а затем гневным взглядом, потрясла головой как пес и пробормотала себе под нос:

- Это неслыханно. Это просто неслыханно.

Приподняв подол, она ринулась из комнаты с такой скоростью, словно принимала участие в беговых соревнованиях, мимо остолбеневшей горничной, а вслед ей неся мягкий раскатистый смех лорда Маркала.

ГЛАВА 9.

В ту ночь она не спала почти до самого рассвета, охваченная противоречивыми чувствами и мыслями. Едва вернувшись в свою постель, Интента, против собственного желания, начала представлять именно то, на что намекал ей лорд Мерсье. Как это было бы, будь она – не она, а какая-нибудь легкомысленная кокотка? Возможно, он все же проводил бы ее до комнаты, а потом что?

Единственная мысль о том, как его губы накрывают ее рот, породила такой отклик тела, что Интента мгновенно начала задышаться и вертеться под одеялом, пытаясь физически увернуться от этих воображаемых картинок. «Да-да, именно так он это и делает. Давай, представь это еще пару раз, чтобы уж точно никуда не деться», – подсказал ироничный голосок ее внутреннего созерцателя.

А к утру к ней, так и не заснувшей, пришло вдохновение пополам с жадной мести. Где-то в глубине души Интента понимала, что впоследствии, вероятно, пожалеет, поскольку поддалась чувствам, недостойным созерцателя. Но становится безответным объектом соблазна – гораздо хуже. Она должна была защититься, что-то этому противопоставить. И довольно быстро пришла к мысли, что это что-то – длинный пергамент с программой и расписанием внеклассного чтения.

Видит дух, она долго выжидала, не решаясь пустить в ход оружие, которое он сам вложил ей в руки. Но теперь ее терпение иссякло.

Послав лишь пару-тройку часов, Интента перед уроками успела заглянуть в канцелярию и передать пергамент на тиражирование – для объявлений в коридорах академии.

- Повесьте это перед каждым классом, пожалуйста. Я приглашаю всех. Также я прошу подыскать для моих занятий большую аудиторию. Уверена, желающих посетить их найдется немало, – сказала она ошарашенному секретарю – юному темному магу, у которого полезли глаза на лоб при единственном взгляде на заглавное предложение в свитке.

- Миледи Валиар, а вы уверены, что руководство не будет возражать против таких занятий? – спросил парень, заливаясь краской до ушей.

- В моем договоре с Академией сказано, что я самостоятельно могу определять темы внеклассных занятий и приглашать туда всех студентов, каких сочту нужным, – не моргнув глазом, отрезала Интента и, не дожидаясь новых возражений, развернулась на каблучках, направляясь на урок.

Дождавшись, пока все рассядутся, она дружелюбно улыбнулась ученикам – перед ней сидела группа, сформированная преимущественно из девушек-фей и эльфов в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет. Все эти девицы из благородных семей приехали в Академию Затемнения изучать немагические науки, которые в их родной вотчине преподавались из рук вон плохо. Литература, искусство и история были основой их специализации.

- Дорогие мои девочки, я рада, что сегодня могу начать урок с небольшого объявления, – жизнерадостно сообщила Интента. – Завтра вечером я проведу первый урок внеклассного чтения, на который приглашаю всех желающих. Эта лекция откроет курс, посвященный теме, которая может заинтересовать многих из вас – образ Черного лорда в произведениях Алиоки Пестрой и секрет его успеха.

- Знаю, что многие из вас пробуют себя в писательстве, поэтому мы также поговорим о том, как написать интересный любовный роман. Приоткрою ещё один маленький секрет: на первом завтрашнем занятии я обязательно коснусь вопроса о том, кто на самом деле послужил прообразом Черного лорда и что общего у него с тем реальным человеком, в которого была тайно влюблена госпожа Пестрая, – прибавила Интента, захваченная порывом вдохновения.

В полной тишине, наступившей после объявления, она успела расслышать, как кто-то на задней парте громко икнул и тут же прошептал «извините», затем упала и покатила ручка – и тут же в воздух взметнулся целый лес рук, после чего, не дожидаясь разрешения, несколько студенток наперебой начали задавать вопросы:

- Леди Интента, вы ректора имеете в виду?.. Магистр Валиар, а вы знакомы с Алиокой Пестрой?.. – Черный лорд – это ректор?.. – А какую книгу про Черного лорда мы будем обсуждать завтра?

- Дорогие мои, вы все узнаете в свое время. На сегодня я и так уже многое вам рассказала, – с улыбкой ответила Интента всем сразу. – Меня сейчас интересует лишь одно: кто из вас хочет прийти на внеклассное чтение?

Руки взметнулись в воздух снова – в количестве, превышающем число студенток, поскольку некоторые тянули сразу обе. Интента едва удерживалась от счастливого смеха, сложив руки на

груди. В тот момент она была очень довольна собой и наслаждалась этим чувством впервые за много лет, несмотря даже на то, что получать удовольствие от подобных эмоций абсолютно не пристало усердному созерцателю.

Такого же успеха она добилась своим анонсом и на трех следующих занятиях – но ещё до того ее нашла задыхающаяся от смеха Амалия Делиор. Она ворвалась на перемене в аудиторию, как ураган, заперла за собой дверь, подлетела к привставшей Интенте и крепко обняла за шею:

- Ты совершенно спятила, но я с тобой. Это невероятно! Объявления у каждой двери - вся академия жужжит, словно разбуженный улей. Как ты только до такого додумалась?

Выпалив все это на едином дыхании, белая магиня села на стол Интенты, вперив в нее требовательный взгляд:

- Рассказывай. Ну же! Он тебя достал, да? Он тебя взбесил чем-то?

- Амалия, я вообще-то собиралась попить чай, – не в силах сдержать улыбку, заметила Интента, потянувшись за сумочкой.

- Даже не думай высовываться, – потрясла головой Амалия. - Тебя там растерзают сейчас, и до столовой все равно не дойдешь. Вот, держи. И рассказывай!

Интента вздохнула, смерив взглядом бутылочку гранатового сока, который протягивала ей подруга:

- Ладно.

Стараясь быть краткой, она передала ей события предыдущей ночи, не упоминая о сцене на лестнице.

- И это все? – изумилась Амалия.

- Почти, – сказала Интента так, что подруга поняла – и переспрашивать не стала.

- Мест-т-ть... как это сладко, – широко улыбаясь, протянула Амалия.

- Это не месть, – категорично возразила Интента, отложив очки. - Это помощь студенткам. Если хотя бы одной это поможет удержаться от соблазна, то...

- Ну да, ну да, – закивала с готовностью белый маг. – Конечно, не месть. Все только ради студенток.

Под ее ироничным умным взглядом Интента осеклась, и они обе рассмеялись. Созерцающая махнула рукой:

- Ладно. Я не совершенство и ничего не могу поделать. Но он заслужил.

- Еще как. Я обязательно приду на твой урок, – пообещала Амалия. – И требую место в первом ряду! Кетим, между прочим, уже видел твоё объявление и, кажется, не знает, как реагировать. Он почти сразу куда-то исчез.

- Ох, а вот это, мне кажется, не к добру.

- Не трусь. Думаю, он не будет отменять твою лекцию и, может, ещё и сам придет. Лучше скажи: ты, правда, знакома с Аликокой Пестрой и знаешь, кто был прообразом?

- Все завтра, – улыбнулась Интента, делая такое непроницаемое лицо, словно играла в карты на деньги.

- Ради богини, я твоя подруга! – с возмущенным удивлением выпалила белый маг.

- Тогда вечером, – сдалась она, делая глоток гранатового сока.

- Интента Валиар, ты не смеешь так поступать с...

- Урок, – перебила она, едва слышав отдаленный звук магической трели, похожей на ту, что темные использовали для массового гипноза – в академии этот звук всего лишь обозначал начало занятий.

- Я вернусь на следующей же перемене! – пообещала Амалия, срываясь с места как метеор. – Увидимся после урока! – пригрозила она уже от двери, и Интента засмеялась .

***

Вечером того же дня лорд Кетим и лорд Мерсье устремились на самоходной карете в Нуаресс - столицу темной вотчины, чтобы отужинать вдвоем в одном из лучших ресторанов. Они старались трапезничать один на один не реже раза в неделю, чтобы успевать обсудить все важные дела - да и неважные тоже. Пожалуй, именно на неважные им все меньше оставалось времени в последние годы.

Если в прежние времена лучшие друзья могли встречаться два-три раза в неделю, то теперь оба были загружены делами так, что приходилось буквально выискивать те часы в расписании, которые можно посвятить неспешной дружеской беседе за приятной трапезой и бутылкой отличного вина. И в замке даже во время такой трапезы их иногда тревожили слуги с записками о каких-то срочных делах - именно поэтому пришлось завести традицию уезжать подальше, при этом забывая катушки у камердинеров - чтобы уж точно никто не помешал.

- Ты знаешь, эта малышка меня развлекает все больше, - заметил темный маг другу. Всю дорогу он восторгался идеей Интенты Валиар об уроке внеклассного чтения. От него разве что искры не летели от возбуждения. - Ох, как это все интересно!

- Надеюсь, ты не забыл о нашем уговоре? - осведомился Маркал, меряя друга слегка неодобрительным взглядом. - До завершения курса созерцания мы ее не трогаем. Нам увольнение сейчас ни к чему.

- Я помню, помню, - кисло отозвался лорд Кетим. - Как в иномирной пословице: висит груша, нельзя скушать. Но какая же лакомая эта груша, хочь тебе заметить, - сладенькая, ароматная.

- У тебя все груши лакомые, пока не надкусанные, - усмехнулся Маркал, кивнув метрдотелю. Оба лорда прервали беседу, чтобы выбрать стол в уютном месте и лишь после того, как продиктовали официанту заказ, а темный маг наложил заклятие непослушивания, возобновили разговор.

- Признайся, леди Интента тебя тоже интересует, - поддразнил темный маг, сверкая взглядом. - Поди, уже поиграл с ней немного в кошки-мышки?

Маркал открыл было рот, чтобы поделиться с другом парочкой-другой забавных подробностей, но затем внезапно осекся и с его губ сорвалось неожиданное:

- Да как-то, по правде, не до этого было. Но слышан про твое шоу с лейкой - впечатляет.

Ульрис рассмеялся, довольный собой:

- Не упускай свой шанс, Маркал. Даю тебе фору. Маленькая леди сама как будто приглашает, объявления расклеивает с высунутым язычком - видишь, старается.

- Спасибо, но нет. Пусть рассказывает на своих занятиях что хочет. Меня не интересует, - отрезал он внезапно тоном, не подразумевающим дальнейшего развития темы.

- Странно, - пробормотал темный маг, меряя друга подозрительным взглядом. - Что ж, как скажешь. Ну, ладно, пусть дух с ней разбирается, и правда, расскажи лучше, что там на пивном производстве? Запустим новые сорта до конца лета?

- Один - уже точно, - кивнул Маркал, который все последние дни не вылезал с пивоварни. - Другой под вопросом пока - земляничный сорт. Не хватает свежих ягод из вотчины троллей на стандартный объем. Попытались договориться с эльфами, но они не хотят продавать - экологи бунтуют, говорят, всю ягоду выберут, вообще ничего расти не будет.

- А если меньше производить? Не рентабельно получается? - уточнил Кетим.

- Рентабельно, но на грани. Можно, конечно, элитным сортом объявить, цену поднять - но будет ли спрос, пока неясно...

Углубляясь в детали текущих проблем пивоварни, Маркал говорил скорее на автомате, но сам думал лишь о том, почему так странно отреагировал на вопросы Кетима о леди Интенте.

Он почти ничего не скрывал от друга: вот уже три года тот был в курсе всех подробностей его походов, каждого его диалога с каждой девицей и даже больше того - в курсе многих деталей постельных игр. Только так Маркал и учился, постоянно тренируясь в этом неблагоприятном деле и позволяя лорду Кетиму комментировать и корректировать его действия на каждом шагу. А результат не заставлял себя ждать.

И все же по сей день он не считал, что достиг мастерства, сравнимого с умениями темного мага, и продолжал делиться с другом всеми историями, в ответ выслушивая и о его достижениях. Это было излюбленное и самое веселое их развлечение - порой они хохотали над своими историями так, что тревожили других посетителей ресторана, и тогда Кетиму приходилось набрасывать усиленное

заклятие непослушания на их стол лишь для того, чтобы соблюдать приличия.

Но не смеяться над этими историями мужчины не могли. Иногда они даже нарочно соблазнили одну и ту же девицу, чтобы повеселиться ещё больше, проверяя реакцию на приемы одного порядка. К сожалению, многие девушки попадались в одну и ту же ловушку по много раз, и с ними довольно быстро становилось скучно.

Леди Интента тоже попадалась, но попадалась как-то по-особенному... задумавшись об этом, Маркал понял, что сам себе не может объяснить, чем именно созерцающая отличается для него от других девушек. И ему стало немного не по себе. С тех самых пор, как завершился его роман с Делией, ничего подобного испытывать не приходилось. Об отношениях с феей, припомнилось кстати, ему тогда тоже не хотелось ничего рассказывать Кетиму – о чем Маркал впоследствии горько жалел, полагая, что если бы сообщил другу больше, тот вовремя сумел бы охладить его пыл.

- С тобой все в порядке? – спросил Кетим, когда Маркал доедал жареного барашка, который вдруг показался безвкусным.

- Да. Просто немного устал. А я тебе рассказывал, что получил письмо от Делии? – прибавил он, прихлебывая вина и внезапно веселея.

- Да ну? Ба-а-а, старая добрая наша красотка фея, – расплылся циничной улыбкой маг. – Дай догадаюсь: еле унесла ноги от кровососа? Ищет финансовой и моральной поддержки?

- Именно. Ну, я как мог, поддержал, – с похотливой циничной улыбкой сообщил Маркал, рассказав другу о своем ответе. Кетим расхохотался, откинувшись на спинку стула:

- Тысяча золотых – ммм, хотел бы я знать, какие были услуги. Должно быть, малышка – коечных дел мастер, раз ты так расщедрился.

- Она была недурна, – улыбнулся Маркал, прибавив без зазрения совести несколько похабных подробностей о своем времяпровождении с бывшей возлюбленной, к вящему удовольствию темного:

- О-о-о, будь я в столице, тоже написал бы ей. Я же – первейший специалист по поддержке девиц в трудной жизненной ситуации.

- Вне всякого сомнения, – засмеялся снова Маркал, и мужчины вновь подняли бокалы.

- А знаешь, у меня на этой неделе с одной студенткой получилась занимательная история, – подхватил тему развеселившийся темный, и до конца вечера их байкам и смеху уже конца не было. О делах поговорили еще лишь немного и только на обратном пути до замка.

Поздно вечером, оставшись наедине в своей комнате, Маркал невольно вернулся мыслями к неприятным воспоминаниям о своем романе с Делией – точнее, о расставании с ней. Теперь это уже не вызывало столько боли, сколько раньше, скорее навевало грусть, когда он размышлял, каким глупым был тогда. Теперь он буквально превратился в другого человека, но все же внутри него оставалось нечто, чего касаться не хотелось – напарываясь на такие картины из прошлого в памяти, он отдергивал внимание, словно обожженный палец, и тут же старался переключиться на что-то другое.

Делия, конечно, посмеивалась над ним – иногда даже в открытую, понимая, что он никуда не денется, не обидится – а даже если обидится, то не найдет в себе сил развернуться и уйти. Он присылал ей огромные букеты цветов, драгоценности умопомрачительной стоимости, трогательно ухаживал. Их первую ночь она инициировала сама – он не посмел бы просить ничего подобного, полагая, что фея – дама редкого достоинства, каких не принято касаться до брака. Даже оказавшись с нею в спальне, он не сразу сообразил, что это неспроста: для просветления его разума Делии пришлось снять платье и начать расстегивать его рубашку.

Когда же Маркал понял, что происходит, и что все это происходит всерьез, то чуть с ума не сошел от счастья. По наивности он никак не мог обнаружить связи между ее рвением в постели в ту ночь и преподнесенным накануне ожерельем из среднего размера бриллиантов. Украшение, к слову, было обогащено темным кетимовым охраняющим заклинанием, которое было оценено вдвое выше камней – пару лет спустя, когда ожерелье попало в ломбард.

Но тогда будущему Черному лорду и в голову не приходило, какая судьба ждет его подарок, и, конечно, он был уверен, что каждое касание нежных ручек и губ феи к его телу продиктовано лишь любовью и нежной привязанностью. Тогдашний принц просто не знал, что женщина может такое дарить мужчине за дорогие подарки. А если бы понял, в чем дело, то немедленно потерял бы сознание от отвращения.

Пребывая в сказочно приятном неведении, принц с каждой следующей ночью, полной ласки и неги, становился все щедрее и щедрее, потратив на фею маленькое состояние. А с каждым

подарком возлюбленная все более охотно вознаграждала его ласками и комплиментами. И делая ей предложение на пике этой эйфории, он ожидал чего угодно, но только не того, что произошло на деле.

Для начала, фея жутко разозлилась и, с огромным трудом подавляя негативные эмоции, прямо при нем выбросила очередной букет, который он подарил ей вместе с кольцом. На колечко, которое Маркал выбирал три дня с помощью лучших ювелиров, девушка даже не взглянула – она и не планировала его надевать. А все дело было в том, что Делия, получившая за считанные месяцы целый сундук с платьями, три шкатулки украшений и самоходную карету, после всего сочла принца недостойным брака с ней.

Все эти дары, ничему несоразмерные и абсурдно щедрые, привели к тому, что и фея вслед за Маркалом впала в эйфорию – только другого рода. Обезумевшая от собственного успеха, Делия решила, что весь мир к ее услугам, и лишь лучший мужчина в этом мире достоин ее руки. А таким, разумеется, не может быть человек, добровольно улегшийся к ногам.

Именно поэтому влюбленный принц был переведен на скамейку запасных за считанные дни после того, как осмелился претендовать на большее. Через неделю, словно хлесткую пощечину, Маркал получил из третьих рук сообщение об ее отъезде из столицы с женихом-вампиром. Следующие несколько месяцев ему предстояло провести в страшных гореваниях по утраченной любимой, причем он ни разу не заподозрил, что судьба уберегла его от бесчестной паразитки и скоро убережет снова в сходной ситуации.

ГЛАВА 10.

Замок Мерсье, восточное крыло.

В то время как лорд Маркал еще не вернулся в замок, а закусывал жареным барашком жареные истории лорда Кетима в одном из ресторанов Нуаресса, Интента Валиар и ее подруга Амалия Делиор корпели в комнате последней над лекцией о Черном лорде, поминутно гогоча и хихикая – возможно, даже громче, чем гоготали двое друзей-лордов за много верст от них.

- Послушай, вот эта часть просто великолепна, - заметила Амалия, поднося свиток к носу, - «Черный лорд нахмурился, а его губы прошептали темное заклятие, которым враг был уничтожен на полном скаку». Что это могло быть за заклятие, интересно?

- Отлично, пометь это место. Хорошо еще задаться вопросом, кто был его враг – судя по тексту, парнокопытное, - заметила Интента, улыбаясь .

- А еще он всегда нахмуривается, когда шепчет темные заклинания. Так и запишем - «осуждает свои губы, живущие отдельной жизнью», - старательно отметила Амалия в свитке с первым сочинением Алиоки Пестрой, купленным специально для подготовки к лекции.

- Это не книга, а набор перлов. А когда я ее читала, мне казалось: такой шедевр, - призналась белый маг.

- Сколько тебе было лет? Пятнадцать?

- Вроде того, - кивнула Амалия. - Полагаю, я просто сама мечтала о чем-то подобном. Домечталась, к ядренному гоблину...

- Не думай об этом, - отрезала Интента. - Лучше посмотри первую часть. Я вроде бы закончила.

- Наконец-то!

Амалия с жадностью выхватила у подруги свиток с набросанным планом той части лекции, где говорилось о происхождении персонажа, и уже спустя две минуты чтения ее глаза расширились от изумления:

- Десять авторов? Десять?!

- Да. И это ещё не предел. Они почти каждую новую книгу этой серии заказывают у новой авторши для свежести сюжета, только редактор остается – она и добавляет весь бред, который идет красной нитью: про туман, ахи-вздохи, черный плащ и сражающие на месте темные заклятия.

- Откуда ты знаешь? - севшим от любопытства голосом осведомилась белый маг.

- Неважно. Знаю. Это моя работа – интересоваться литературными бестселлерами, - улыбнулась Интента.

- Выходит, Алиока Пестрая написала только одну из этих книг?

- Ни одной. Алиоки Пестрой не существует, - снова улыбнулась Интента. - Этот псевдоним придумали в издательстве, чтобы не платить авторам проценты с продаж. Они используют писателей для работы, платят небольшой гонорар – и все, вы свободны. Все права на серию у Пестрой, а ее просто нет.

- Обалдеть, - прошептала Делиор. - Но это же... это же...

- Мошенничество? В общем, да. Но это ведьминское издательство, а совесть у них – сама знаешь, давно отвалившийся рудимент.

- Но ведь авторские права...

- Все тексты сильно меняются после редактуры, - покачала головой Интента. - Трудно найти даже одно предложение, общее с рукописью. Смысл тот же, но весь текст другой – слова переставлены местами, все вкривь и вкось, но зато не подкопаешься. Ведьмы ещё дописывают туда целые куски. Если видишь там отделившиеся от героя губы или скачущих врагов, пылающий костер его страсти, затуманенный взор героини – значит, точно дописано.

Дочитав до конца, Амалия захохотала:

- Детская сказка? Где ты только это выкопала! Богиня, теперь я припоминаю... я тоже ее слышала: «Жил-был злой и страшный Черный орк. Он был хуже самых темных, дети, ибо крал

непослушных малышей...» Ы! Ы! Ы! - задыхалась от смеха белая магиня, повалившись со свитком на свою кровать, - Я же помню-у-у-у!

- Тихо, тихо, ты мне план лекции помнешь, - со снисходительной улыбкой сказала Интента, отбирая свой свиток. - Надеюсь, многие это помнят. Просто слышали эту сказку года в три последний раз, вот и забыли. Напомним завтра.

- Ты же понимаешь, что после этого он захочет отомстить, - сказала Амалия, отсмеявшись. - Мужчины не выносят, когда над ними смеются.

- Неужели? Как ни странно, женщины тоже этого не любят, - воинственно отрезала Интента, убирая все свитки в свою сумку.

Вопреки ее напряженному ожиданию, вплоть до самого начала лекции никаких неожиданностей не случилось - ни от ректора, ни от проректора с деканом не поступило ни малейших возражений относительно запланированного занятия. Вся академия продолжала гудеть и шептаться, но лорд Кетим, попавшись ей на глаза впервые после инцидента с лейкой, лишь приветственно улыбнулся:

- Леди Интента, вы выглядите просто очаровательно. Я вижу, вы опять в новой шляпке - надеюсь, старая не завяла без должного ухода?

- Если вас так волнует моя шляпка с цветами, лорд Кетим, я готова вам ее даже подарить, лишь бы вы больше не гонялись за мной с лейкой. Боюсь, я плохо сплю после такого, - парировала она. Но лорд Кетим не замедлил напомнить, что пикироваться с ним - заведомо плохая идея.

- Что вы говорите, леди Интента, - с деланным испугом отозвался он. - Мне очень стыдно, если я и впрямь испортил ваш сон. Сегодня же вечером заглядывайте ко мне без всякого стеснения, я обеспечу вас лучшим в королевстве зельем для релаксации.

На эту фразу, громко сказанную посреди коридора на большой перемене, обернулись сразу несколько студентов и двое преподавателей-темных, на лице которых появились ухмылки.

- Вы очень добры сегодня, лорд Кетим, - холодно ответила она, уже не пытаясь соревноваться с ним в остроумии.

- Со мной случается, - непринужденно согласился маг. - Вы тоже попробуйте как-нибудь, леди Интента - это очень освежает.

С этими словами Кетим вдохнул изрядную порцию ее гнева, от чего сразу же порозовел лицом и удалился, очень довольный. А Интента, вся кипя, направилась на обед.

- Вы зря вступаете с лордом Кетимом в дискуссии, - мягко заметил магистр Вермар, неслышно появляясь рядом, когда она набирала еду на свой поднос. - И, хочу вам попенять, дорогая, что вы совсем забросили мои лекции. А вы, между прочим, были лучшей ученицей в этом семестре, - пошутил он.

Удивленно глянув на вампира, Интента промолчала. Впервые за все время их дружбы он отпустил комментарий по поводу стиля ее общения с проректором, хотя, разумеется, о многом слышал, как и другие местные обитатели. Все ещё раздумывая над ответом, она заняла место за излюбленным столиком возле окна, и магистр опустил напротив, плотнее запахнув мантию, словно ему было холодно.

- Боюсь, что не вполне могу контролировать себя, когда лорд Кетим рядом, - призналась она. - И мне очень жаль, что мое расписание в последнее время столь загружено. Я очень надеюсь в ближайшее время вернуться к посещению ваших лекций, магистр, хотя бы раз в неделю.

- Я буду счастлив, - мягко сказал вампир. - Позвольте сделать вам небольшой подарок?

- Какой? - спросила Интента, не донеся ложку супа до рта.

Протянув руку к потайному карману своей мантии, ее собеседник достал изящный амулет на цепочке темного серебра. Внутри плотно запаянной стеклянной капсулы в форме капли переливалось нечто, в чем даже Интента, не имея особых склонностей к магии, почувствовала мощную волшебную силу.

- Это моя кровь, леди Интента. Если вы наденете это и будете носить, темные не смогут питаться вашими негативными эмоциями. Следующий раз, когда лорд Кетим попытается сделать это, он почувствует только боль.

Ошеломленная Интента замерла на стуле, не решаясь протянуть руку за подарком, протянутым на сухой желтоватой ладони. Это была слишком ценная вещь, чтобы можно было вот так просто взять ее – вампиры берегли свою телесную целостность как зеницу ока, поскольку раны их заживали долго и трудно. Малейшая царапина могла отправить любого из них на больничную койку. Потому-то они не раздаривали собственную кровь направо и налево, а если торговали – то за большие деньги. В крайнем случае – меняли на кровь человека по курсу капля за литр. Таким образом, всей ее крови вряд ли хватило бы расплатиться за содержимое сего десятикапельного амулета.

Она сглотнула и посмотрела на Вермара:

- Магистр Вермар, я не...

- Мое имя – Венсан, леди Интента. Я хотел бы, чтобы вы называли меня так. Я не имею намерений требовать что-либо взамен, поверьте. Просто предлагаю вам свою искреннюю дружбу.

- Я даже не знаю, что сказать.

Переполненная эмоциями, чрезвычайно растроганная, Интента приняла подарок из рук Вермара и тут же застегнула холодную цепочку на шее. Амулет в первую секунду обжег кожу холодом, забурлил, но тут же словно успокоился, согрелся и затих, когда вампир коснулся ее руки:

- Спасибо, что приняли это.

- Это я должна благодарить вас, – пробормотала она. - Но я все же не понимаю, чем заслужила такое ваше внимание?

- Я объясню, – кивнул вампир с видимой охотой. – Большинство светлых магов, людей, фей – словом, всех, кроме наших, темных – да даже некоторые темные тоже – испытывают к представителям моего рода лишь отвращение. Его, конечно, скрывают из вежливости, но это все равно заметно, понимаете, леди Интента?

- Да. Мне жаль, – ответила она, искренне сочувствуя ему.

- Так вот, я приглашал нескольких учителей на свои занятия, не только вас. Мне хотелось пообщаться с кем-то непохожим – я ведь для этого и приехал сюда из Вампирского университета. Но вы единственная искренне дали мне шанс. Вы не прекратили со мной общаться даже тогда, когда я повысил на вас голос из-за дурацкого окна. Хотя были испуганы.

От пронизательного взгляда болотных глаз, похоже, мало что могло укрыться. Интента слегка наморщила лоб, возражая:

- Но вы ведь это сделали, потому что не хотели причинить мне вреда.

- Да, я не хотел бы этого, – кивнул магистр Вермар. – Хотя я и сам не знаю, могу ли верить себе.

- Я вам верю, магистр Вермар... Венсан.

Лицо вампира, обычно тусклое и невыразительное, озарилось улыбкой, при одном взгляде на которую Интента поняла, что и в самом деле неожиданно приобрела хорошего друга.

ГЛАВА 11.

Время до вечерней лекции прошло очень быстро – всего пара уроков, легкий ужин, и уже надо было спешить вниз, на первый этаж, где для ее занятия секретариат выделил помещение, которое в прошлом, похоже, служило бальным залом. Интента заходила внутрь, готовая к аншлагу, но даже с учетом этой готовности испытала легкий шок – внутри находилось не менее двухсот человек. Ее ждала самая большая аудитория, перед которой молодой учительнице когда-либо доводилось выступать.

В зале, конечно, преобладали девушки, но, к ее изумлению, не составляли подавляющего большинства. На лекцию пришли студенты-мальчики из всех ее групп почти в полном составе, виднелись также и незнакомые лица. В первом ряду сидели шестеро преподавателей, среди которых она, к большому облегчению, не нашла ни лорда Кетима, ни леди Лизергейн, ни ректора. Зато присутствовала Амалия и, к ее удивлению, магистр Вермар, пославший ей ободряющую улыбку одними глазами.

Интента опустила глаза и улыбнулась, а затем выпрямила спину и поднялась на небольшую трибуну с ворохом свитков.

- Дорогие друзья. Коллеги и студенты, я рада приветствовать всех на этом мероприятии, которое признаюсь, немного необычно для меня самой. Но я подумала, что курс литературы не может считаться полным без изучения того, что привлекает всеобщее внимание прямо сейчас. Согласитесь, мы не можем углубиться в изучение замшелой истории, как ее часто называют юные студенты, полностью упуская из вида жемчужины современности.

Произнося последние два слова, Интента, совершенно неожиданно для себя самой, скопировала скрипучий голос леди Лизергейн, и получилось это столь удачно, что по аудитории пронесся смех, коснувшийся как рядов, где сидели студенты, так и преподавательского угла. Эта поддержка приободрила ее, и речь понеслась дальше совершенно свободно – так, что она почти не заметила, как провела первую часть лекции.

Правда, весь план пошел насмарку, поскольку она запуталась от волнения в своих свитках и говорила, не полагаясь на записи, но слушали ее так внимательно, как она и не мечтала. Если студенты и отвлекались, то лишь для того, чтобы выразить удивление тем, что сказала преподаватель – и то, на них немедленно шикали соседи, не желающие упустить ни слова. Несколько раз, особенно при цитировании детской сказки про орка, аудитория заливалась громким хохотом – таким, что сотрясались стены. И конечно, стоило ей разрешить задавать вопросы, как сотня рук разом взметнулась в воздух.

- Пожалуйста, дорогая, – дала она слово первой студентке со второго ряда, позволив себе лишь крохотную паузу на глоток из кружечки с водой.

- Леди Интента, – негромким тонким голосом осведомилась семнадцатилетняя девушка, по виду – скромная жительница центральной вотчины, с ярко-розовыми от волнения щеками. – Скажите, считаете ли вы романы о Черном лорде настоящей литературой?

- Спасибо. Однозначно нет, солнышко, не считаю. Сегодня же во второй части лекции мы коснемся и бедности языка, и стилистической безликости этих произведений и, конечно, абсолютной нереалистичности сюжета. Вряд ли подобные сочинения могут иметь ценность для будущих поколений, как и для нынешнего, впрочем, тоже.

- Тогда почему же они столь популярны, леди Интента? Разве может забыться что-то, известное буквально каждому? – скептически осведомилась следующая студентка – ведьма лет шестнадцати, сердито сверля ее взглядом.

Интента кивнула, словно присоединяясь к такому скепсису, но в ту же секунду беззаботно улыбнулась и обвела взглядом аудиторию, мягким примиряющим тоном обращаясь ко всем, кто удивлялся такому парадоксу:

- Друзья, в каждом веке такого рода литература, ориентированная на незрелые умы и неискушенные души, бывает популярной. И преспокойно забывается уже лет через пятьдесят – это происходит как раз потому, что настоящая литература, как хорошее вино, сохраняет вкус в течение долгих лет. А писанина, подобная этой, стареет вместе с ее автором или даже раньше него. Продолжая метафору, замечу, что она прокисает как молоко – которое хоть и пьют больше, да все время требуют свеженького.

- Для того, чтобы убедиться в этом, – продолжала Интента, – возьмите мой курс истории так называемых «розовых» романов. Под ними подразумеваются как любовные истории, ориентированные на юных девиц, так и дешевый героический эпос для юнош. В качестве примера вы можете посмотреть в сети «Историю одной молодой ведьмы» – это прошлый век. Или даже нечто

более древнее - «Приключения сэра Констанциуса в вотчине орков», написанные неким лордом Гожеусом триста пятьдесят лет назад. Кто из вас слышал об этих произведениях, которые когда-то гремели по всему королевству и продавались в каждой лавчонке? - спросила она, делая небольшую паузу.

Аудитория ожидаемо молчала, и лектор вдохновенно кивнула, продолжая:

- Потрудитесь найти эти произведения. Вы будете удивлены, поскольку обнаружите там, как ни странно, те же штампы, что и в книгах госпожи Пестрой: затуманенные очи, пламенеющие сердца, губы, трепещущие подобно лепесткам розы. Уже во времена бедного Гожеуса образованный читатель счел бы это затасканной пошлостью, - сказала Интента, и по аудитории снова пробежал легкий перезвон смеха.

- Вы, правда, думаете, что детская песенка - настоящий источник вдохновения Алиоки Пестрой? - спросил студент в роговых очках такого заученного вида, что оставалось лишь удивляться, как занесло этого юношу на столь несерьезную лекцию. Даже вопрос о детской песенке он задавал с предельно сосредоточенным выражением лица, словно говорил о темных заклинаниях третьего порядка сложности.

- Позвольте мне процитировать, - кивнула ему Интента, показав аудитории свиток с сочинением Пестрой. Прокашлявшись, она зачитала с листа, - «Черный лорд был хуже, чем темный. В его прошлом скрывалась страшная тайна». А теперь, извольте, сказка: «Жил-был злой и страшный Черный орк. Он был хуже самых темных».

- Совпадение! - закричала с места ведьма-поклонница Пестрой.

- Извольте, следующее, - с готовностью кивнула Интента снова и опять раскрыла свиток, - «Мое прошлое, милая, дорогая, любимая Алиока - это кошмарный ужас. Вы никогда не должны спрашивать о нем, - грустно сказал Черный лорд». А теперь сказка: «А в домике у Черного орка - кошмарный ужас. Даже не спрашивайте об этом, дети...»

Еще до того, как Интента успела закончить фразу, аудитория потонула в новом приступе смеха.

- Кстати, называть своего персонажа именем автора - еще один наиглупейший штамп, которым грешат юные писательницы. Этим они выдают тот факт, что ничего лучше не нашли, кроме как выписать в лице главной героини улучшенную версию себя, любимой, единственно для того, чтобы свести с идеальным героем. Это не литература, друзья мои. Это просто юношеские фантазии, изложенные на бумаге для пущего удовольствия, - закончила она, не удержавшись от того, чтобы снова скопировать леди Лизергейн, и на этот раз даже палец подняла так, как любила это делать декан.

Студенты снова зашлись от гогота, и даже преподаватели сидели, согнувшись, закрыв лицо руками, с подрагивающими плечами. Вопросы посыпались один за другим. Интента едва успевала отвечать, и только когда ее чашка воды опустела, она поняла, что прошло слишком много времени.

- Дорогие друзья, похоже, наша сессия вопросов слегка затянулась, так что, боюсь, вторую часть лекции придется перенести, - с извиняющейся улыбкой произнесла она и разочарованный стон аудитории при таком объявлении стал ей лучшей наградой.

- Последний вопрос. Да, Марисса, - улыбнулась Интента одной из лучших своих студенток, которая скромно тянула руку почти все время, но никак не могла вклиниться.

- Леди Интента, так получается, что Алиока Пестрая понимала, что пишет не серьезно? Она намеренно вставила слова из детской сказки, чтобы немножко посмеяться над этим?

- Это отличный вопрос, Марисса. А ты сама как думаешь? - спросила она ученицу.

Немного растерявшись, студентка хлопнула глазами и покраснела, оборачиваясь на аудиторию, но тут же смугилась и вновь перевела взгляд на преподавателя:

- Я думаю, да. Она же не могла не знать, откуда заимствует эти фразы.

- Я тоже так думаю, Марисса. Я думаю, та Алиока Пестрая, которая писала первую книгу, знала ей цену и немножко посмеивалась над собой. А вот те, кто продолжили серию, уже не понимали этого - поэтому фразы про ужасное детство Черного лорда и его «худшую, чем тьма» натуру видеоизменились до полного абсурда, - с улыбкой заключила Интента.

- Вы хотите сказать, что Алиока Пестрая - это группа авторов, магистр Валиар? - широко раскрыв глаза, вклинулась другая студентка без разрешения.

- Да. И об этом мы поговорим на следующей лекции, - решительно объявила Интента, и, подняв

руки, сошла с трибуны под стоны и возгласы протеста.

Студенты повскакивали с мест, надеясь задать ещё вопросы – пожалуй, ей пришлось бы туго, не помоги здесь магистр Вермар, который молча встал рядом и двумя-тремя жесткими замечаниями мгновенно расчистил пространство. Предложив ей свою руку, Венсан вывел Интенту из аудитории.

Амалия, слегка замешкавшись, с трудом протиснулась сквозь толпу и догнала их уже в коридоре.

- Это было потрясающе! Ты теперь просто звезда академии, – в полном восторге выпалила она, обнимая подружку за шею. Интента широко улыбнулась:

- Похоже, всем понравилось, – негромко сказала она, скосив глаза на поток студентов, выходящих наружу и возбужденно обсуждающих лекцию.

- Это действительно было забавно. Я не заметил, как прошло три часа, хотя в жизни ни слова из этих свитков не читал, – сухо прибавил Венсан. #285274128 / 30-Nov-2017

Только сейчас заметив его, Амалия отшагнула назад, метнув какой-то быстрый взгляд на подружку. Интента помрачнела – только теперь до нее в полной мере дошло то, о чем говорил ей вампир днем. Даже Амалия, которую она считала едва ли не самой бесстрашной из всех знакомых девушек, отреагировала на близость Вермара так, словно наткнулась на змею.

- Не буду мешать вам, леди, – ещё суше сказал вампир, старательно отводя глаза от белой магини.

- Нет, – запротестовала Интента. – Я как раз хотела попить чай... с вами обоими, – строго сказала она, покосившись на Амалию. – Вы мои единственные друзья здесь.

- Я не уверен, что...

- Конечно, – отозвалась Амалия прежде, чем Вермар успел отказаться. – Мы столько работаем вместе, магистр, и до сих пор толком не общались. Пожалуйста, присоединяйтесь к нам.

Интента благодарно улыбнулась ей, понимая, что подружка говорит немного через силу, но искренне пытается перебороть себя во имя дружелюбия во всем мире.

Чаепитие в результате вышло слегка натянутым, но постепенно они разговорились – конечно, в основном о лекции. Интента вкратце пересказала Вермару то, что намеревалась рассказать в следующий раз, и вампир удивленно покачал головой:

- Даже не знал, что издательства творят такие темные делишки... извините за каламбур.

Девушки понимающе хмыкнули, и Амалия мечтательно закатила глаза:

- Интента, как думаешь, может, написать нам тоже что-нибудь эдакое... прославимся, денег заработаем – уух!

- Закончится тем, что нас ограбят те же самые издательства, – усмехнулась она. – А прославится опять какая-нибудь Пестрая, Рыжая или Прыткая. Уж поверь, нас даже в послесловии не упомянут.

- Напишите про любовь юной девушки и злого вампира, это всегда пользуется популярностью, – внезапно поддержал Вермар, и обе учительницы сначала замолчали, удивленно воззрившись на него, а потом захохотали так, что горничные, убравшие со столов, испуганно обернулись.

- Похоже, нам пора идти. Столовая уж полчаса, как должна быть закрыта, – заметила Амалия, поглядев на них.

- Пожалуй, вы правы, уже поздно, – кивнул Вермар и поднялся.

- Присоединяйтесь к нам завтра на обеде, магистр, – неожиданно предложила Интента.

На этот раз замолчал вампир, бросил косой взгляд на старательно отводящую глаза Амалию, а затем нерешительно ответил:

- Благодарю, с удовольствием присоединюсь к вам завтра. Спокойной ночи, леди Интента. Магистр Делиор, – учтиво наклонив голову, попрощался он – и вышел из столовой столь быстрым шагом, словно внезапно вспомнил о каком-то неотложном деле.

- Не буду я с ним обедать, – выпалила Амалия сердито, едва черная шелковая мантия вампира скрылась из виду.

- Он мой друг.

Интента подняла подбородок, ощутив приступ неприязни к той, которую уже считала подругой.

- Он вампир, - артикулируя четче обычного, громко прошептала Амалия. - Он хочет нашей крови.

- Он не виноват.

- Ты наивна, Интента. Потому что ты слишком мало ещё здесь жила.

- Зато ты, я вижу, слишком много, - выпалила она, краснея едва не до ушей. - Если тебе так неприятны темные, что же домой не поедешь?

В следующее же мгновение она пожалела о необдуманных словах, когда в глазах Амалии мелькнуло нечто, отражавшее болезненное замешательство. А затем она закрылась и также, как Интента, подняла подбородок:

- Я уезжаю на каникулы послезавтра. Может, и не вернусь. Надеюсь, тебе хватит ума хотя бы не оставаться с вампиром наедине, потому что с субботы начинается полнолуние, чтобы ты понимала, всезнайка наша, - резко отбрила она, повернулась и в мгновение ока исчезла с громким хлопком.

Интента вскрикнула и вздрогнула, впервые становясь свидетелем столько расточительного использования энергии для мощного заклинания, в котором не было такой уж необходимости. Но Амалия, видимо, разозлилась всерьез и потому проявила ребячество, надеясь щелкнуть ее по носу. И это, стоило заметить, в полной мере удалось.

Перед сном Интента села к окну, расстроено вперив взгляд в растущую луну - ей и впрямь не хватало совсем чуть-чуть до полного размера. Она не думала об этом, пока Амалия не сказала, но ее подруга была права - в эти дни и вампиры, и оборотни, и темные феи - все, кто хоть немного зависел от луны, становились намного опаснее, поскольку гораздо хуже себя контролировали. Вряд ли, конечно, магистр Вермар настолько плохо владеет собой, чтобы кидаться на кого-либо в академии, но провоцировать подобную ситуацию все же не стоило.

На душе было противно после ссоры с Амалией - как всегда, стоило с кем-нибудь поругаться, Интента чувствовала себя виноватой. Ведь это она - созерцающая и просто обязана предотвращать подобные ситуации. Но для этого надо постоянно созерцать, а у нее не хватало энергии делать это даже на протяжении целого часа в день. Ох, прав был Лилайт - она позорно слаба.

Просветленный очень коротко и жестко ответил на ее последнее письмо, полное мольбы о поддержке - он рекомендовал ей сосредоточиться и не поддаваться чувству жалости к себе. Сначала это даже немного обидело ее, но затем Интента испытала облегчение: раз он так строг с ней, значит, не видит реальной опасности, по крайней мере, пока.

Вернувшись мыслями к проведенной лекции, Интента повеселела и вернулась в хорошее расположение духа - мероприятие удалось, и, возможно, это слегка осадит Черного лорда, а ей только того и нужно. Если он прекратит дразнить ее при каждой встрече, она тоже прекратит военные действия, и тогда, быть может, хоть ненадолго почувствует себя в безопасности... если это вообще возможно в таком месте.

Полная светлых надежд, она разделась, умылась на ночь и забралась под одеяло, чувствуя, как неумолимо клонит в сон - прошлая бессонная ночь все же сказывалась.

ГЛАВА 12.

Ранним утром следующего дня, когда рассвет едва-едва занимался, к спящему в легком тумане замку подкатила почтовая карета, доверху набитая посылками. Небольшой отряд слегка еще сонных горничных и лакеев помогли почтальону-сопровождающему разгрузить гору свертков, в основном предназначенных студентам от родных. Коробка бандеролей и писем для лорда Мерсье, была выгружена с особым почтением и тут же передана камердинеру его светлости.

Но карета в тот раз привезла не только коробки, а также одну пассажирку, которая с трудом выбралась из неудобного деревянного нутра, не предназначенного для поездок с каким бы то ни было комфортом. То была юная фея, и выглядела она так, словно собиралась на бал, да только сбилась с пути по дороге и попала в пыльную бурю: изысканная прическа потускнела, тщательно накрученные золотистые локоны обвисли до пояса, бархатное платье загрязнилось, на прозрачных веках слегка расплылась подводка, а голубые глазки покраснели после бессонной ночи в пути и выглядели воспаленными.

Тонкие фиолетовые крылышки помялись и также выглядели густо припудренными придорожной пылью, что никого из встречающих, впрочем, не удивило: каждый лакей знал, что в почтовой карете в летнюю жару можно путешествовать лишь с настезь открытыми дверцами, в противном случае пассажиру уже через десять минут грозил бы тепловой удар и удушье.

Без особого интереса скользнув взглядом по прибывшей фее с большой сумкой, старшая горничная указала подбородком на восточный подъезд замка:

- Извольте туда прогуляться, сударыня. Только секретариат ихний в академии через два часа открывается, так что придется вам обождать.

- Я прибыла не в академию, любезная, - раздраженным высоким голосом возразила гостья, тряхнув запутанными волосами. - Свое уже отучилась, хватит. Доложите лорду Мерсье, что к нему приехала леди Делия Серебрянко.

Пораженная командным тоном нежданной гостьи, горничная было отпрянула и присела перед ней, но тут вперед выступил камердинер самого лорда, еще не успевший удалиться с корреспонденцией. Слегка отведя в сторону громадную коробку, да перехватив ее правой рукой, чтобы не мешала ему глядеть на девушку, он скептически сузил глаза и слегка скривил губы:

- Здра-асте. С каких это пор, сударыня Делия, род Серебрянко удостоился знатного происхождения? Неужто мастеру Броучеку наконец-то удался эксперимент с его машиной для путешествий в прошлое? А мы-то тут сидим на отшибе и не знаем ничего, ой-вэй, - пропел Афрон, подмигнув горничным. - И вы, значит, путешествовали сквозь время? И какие же достижения вы совершили в прошлом, сударыня, какому монарху угодили ради титула? Уж я даже не спрашиваю, чем.

Едва опознав старого знакомого, фея выпрямилась. Ее губы вытянулись в ниточку, а щеки побагровели от потока издевательств.

- Я вижу, ты все так же болтлив, Афрон, - процедила она, задирая подбородок так высоко, что кожа на ее тонкой шее натянулась. - Но лучше бы ты доложил обо мне его светлости вместо того, чтобы трепаться здесь попусту. Поспешит, и я, возможно, не стану жаловаться Маркалу на твое откровенное хамство.

- А их светлость все равно почивать изволят, сударыня, так что времени у нас навалом, - оскалился камердинер, нисколько не впечатленный угрозой феи. - И будить я его ради такого события, как ваш приезд, не намерен, уж извините меня великодушно. Извольте подождать-с.

С этими словами молодой человек повернулся, шепнул что-то старшей горничной, и они заготовили вдвоем. После чего на глазах у сгорающей от злости феи и прочие слуги стали шептаться, а Афрон быстро направился прочь.

- А ну, стой, - капризно закричала Делия, догоняя камердинера у самой лестницы. - Немедленно проводи меня в гостиную и принеси чаю. Я хочу передохнуть с дороги.

- Сударыня... ах, простите, миледи, - широко раскрывая глаза с деланным изумлением, ответил ей Афрон. - Я простой камердинер, как могу я провожать в гостиную и приветствовать в нашем замке столь высокую гостью? Тем более проводить вас через вход для слуг - нет, нет, невозможно, я не осмелюсь выказать такое неуважение. Извольте обойти кругом до парадного входа, и звоните в двери - вам откроет дворецкий.

Превратившись в столб, фея часто заморгала. Ее губы дважды дрогнули, словно она хотела выпалить что-то, но никак не могла решить, что именно, а затем, так ничего и не вымолвив,

девушка круто повернулась и зашагала по хрустящей песком дорожке вокруг замка - в направлении, указанном Афроном.

- Вообще-то дворецкий болен, - пискнула одна из горничных с коробкой посылок в руках, когда фея удалилась на приличное расстояние. Но на нее одновременно громко шикнули и Афрон, и старшая горничная, так что эта девушка, испугавшись и пожав плечами, вернулась к своим делам.

- Ой, ладно, пойду открою этой заполошной. А то и правда-ить нажалится его светлости, ишь, кипятиться изволит, - вздохнула старшая горничная.

- Открой, да только приготовься потом и выставить. Вряд ли его светлость пожелает видеть эту даму, - успокаивающе заметил Афрон и удалился, насвистывая под нос песенку.

Предсказание камердинера исполнилось в точности. Проснувшийся час спустя лорд Мерсье не испытал никакого удовольствия при сообщении Афрона о прибытии гостя. Он, впрочем, посмеялся немного, пока камердинер описывал обстоятельства приезда и приключившийся диалог, но даже в смехе этом не было особого веселья - внимательный взгляд Афрона заметил, как неприятно себя чувствовал Маркал.

- Отправь ее обратно на моей карете, откуда она там приехала. Я не намерен с ней встречаться, - сказал он, лишь немного поразмыслив над этим.

- Ой, скандалить опять будет, - мечтательно закатил глаза Афрон, удовлетворенно улыбаясь.

- Пусть скандалит. Если надо - зови лакеев на помощь. Чтоб духу ее здесь к обеду не было.

- Не изволите беспокоиться, ваша светлость, - с готовностью кивнул камердинер. - Вам приготовить карету?

- Нет, я сегодня, пожалуй, побуду в академии, похожу на занятия, - решил Маркал. - Возьми у лорда Кетима расписание, будь добр. И вели подавать завтрак через пятнадцать минут. Да, вот еще, что...

Повинуясь какому-то внезапному вдохновению, он бросился к столу, достал пергамент и черкнул на нем три предложения. А затем, пососав кончик пера в раздумьях, прибавил еще одно - и свернул свиток:

- Передай горничным, пусть отнесут леди Интенте прямо сейчас, бегом. Я приглашаю ее на завтрак. Пусть накроют нам на двоих в летней гостиной.

- Э-эмм... милорд, - промычал в легком замешательстве Афрон, принимая свиток. - Вы же слышали весь этот вчерашний шум про внеклассное чтение вечером, да?

- Слышал, - усмехнулся Маркал. - Все слышал. Поспешите, пожалуйста, пока она еще у себя.

- Да, милорд, - немного просветлев лицом и улыбнувшись, кивнул камердинер и опрометью бросился исполнять все поручения.

Сообщение от лорда Мерсье застало Интенту, когда она уже собиралась выходить из своей комнаты - она спешила на ранний завтрак в учительскую столовую, чтобы непременно найти там Амалию и помириться. А пообедать тогда можно с магистром Вермаром, и никто не останется в обиде, размышляла она. Но пергамент, который передала ей горничная, безусловно, смешал все планы.

Прочитав сообщение, написанное размашистым почерком, она на секунду впала в замешательство - а затем почувствовала, как резко участилось сердцебиение. И так, ей все-таки влетит за вчерашнее, чего и следовало ожидать.

- Передайте его светлости, что я уже иду, - кивнула горничной Интента, а сама захлопнула дверь и бросилась к гардеробу, по дороге расстегивая платье. То, которое было на ней, по ее разумению, совершенно не подходило для завтрака с Черным лордом, в присутствии которого всегда хотелось быть во всеоружии - а значит, во всем самом лучшем и безупречном. Жаль, на изменение прически времени уже не оставалось - так и придется идти, надвинув шляпку поглубже на незатейливый узелок из кос.

Лихорадочно переодеваясь, Интента пыталась понять, что ещё успеет сделать. Слегка подумянить лицо, чтобы не выглядеть чересчур бледной от недосыпа? Но не сочтет ли он, что она красится, чтобы понравиться ему? Заметавшись по комнате, она, в конце концов, все же использовала немного румян и даже тронула тушью кончики ресниц, а затем подумала и добавила к голубому, ни разу не надетому ещё шелковому платью, тонкий серебряный браслет, который родители подарили на совершеннолетие.

Попытавшись успокоить сердцебиение, Интента присела на пару минут у окна, но волнение не отпускало. Ожидать ли теперь того, что он повысит голос на нее, станет укорять? Или, наоборот, будет холоден, давая понять, что ее поведение перешло всякие границы?

Интента ненавидела выговоры и плохо умела с ними справляться. Всегда, конечно, можно найти утешение в созерцании или просто закрыться, воображая водопад. Но ужас в том, что она, возможно, и правда, перешла границы. Ведь лорд Мерсье был не просто владельцем замка, в котором она жила, а ещё и ее работодателем. Проведение подобных лекций, направленных на насмешку над ним, пусть даже косвенную, походит на нарушение этики. И он будет прав, если выскажет недовольство.

С другой стороны, размышляла она, спускаясь вниз по главной лестнице западного крыла, лорд Мерсье тоже определенным образом нарушил этические нормы, позволяя себе дерзкие высказывания - в тот раз в гостиной. Да и на лестнице... разве это прилично, вот так вести себя с дамой? Пожалуй, ей найдется, что возразить, когда он станет упрекать ее.

- Миледи, - негромко послышалось откуда-то сбоку и немного сзади, когда Интента, поглощенная своими мыслями, достигла нижней ступеньки. Вздрогнув, она обернулась и нашла взглядом симпатичного молодого человека в камердинерской форме, который вежливо наклонил голову:

- Меня зовут Афрон, леди Валиар. Позвольте проводить вас, его светлость ждет в летней гостиной.

- Доброе утро, Афрон. Э-ммм... да, спасибо, - кивнула она и, развернувшись, пошла за камердинером сквозь какой-то потайной коридорчик, который прежде даже не замечала. Весь путь занял минуты три, и очень скоро из темноватого лабиринта они вынырнули на свет, в небольшое помещение, обставленное на манер эльфийской летней террасы, с широко распахнутыми тремя парами стеклянных створок высотой от пола до потолка.

Единственный взгляд на стол, покрытый белоснежной скатертью и серебряными блюдами, заставил ее рот наполниться слюной - там ждали свежее испеченные булочки, пирожки, жареная птица, вазочки с разноцветным вареньем, шоколадный пирог и дымящийся травяной чай в огромном фарфоровом чайнике. В холодном запотевшем кувшине томилось молоко, на широком блюде ждали нарезанные фрукты и сочные ягоды. А на отдельном деревянном подносе лежал темный деревенский хлеб, сыр и добрый кусок сливочного масла. Глиняная посуда с букетом полевых цветов украшала стол, внося последний штрих в сельский стиль помещения.

В столовой для преподавателей, конечно же, тоже ставили цветы на столы, и кормили очень неплохо, но такого меню на завтраке она ещё не видела. А вкусно покушать любила, был грех. Невольно сглатывая, Интента обозначила легкий книксен перед лордом Маркалом, который ждал ее, стоя у одного из окон, и повернулся, когда она вошла. По обыкновению одетый во все черное, он выглядел мрачным пятном в этом светлом помещении, и лицо его показалось ей также суровым. Хотя голос, когда он обратился к ней, недовольства не выражал.

- Доброе утро, ваша светлость, - пробормотала она, не зная, чего ожидать.

- Миледи, я благодарю вас за то, что приняли мое приглашение. Прошу вас, присаживайтесь, - пригласил он, и камердинер метнулся из-за ее спины, чтобы отодвинуть стул. Поблагодарив юношу улыбкой, Интента перевела взгляд на Черного лорда. Тот взмахом руки отпустил своего слугу и опустился напротив нее в плетеное кресло, отточенным движением расстелив на коленях салфетку, - Восхитительное утро, не правда ли?

Проследив глазами за взглядом лорда Маркала, указывающим наружу, в сад, где все еще было полетному зелено, Интента неуверенно кивнула:

- Сегодня очень свежо, и в то же время солнечно. Как будто первое дыхание осени, - заметила она, тоже расстелив на коленях салфетку, но все еще не решаясь наполнять тарелку: она боялась, что у нее кусок в горле застрянет, когда ей станут делать выговор.

- Дыхание осени - это звучит, как стихи. Вы любите поэзию, леди Интента?

- Люблю. Но это, по правде, довольно банально.

- Вы боитесь банальности? Хотите всегда выглядеть чуточку умнее? - улыбнулся лорд Маркал, протягивая руку за серебряными щипцами, которыми сразу же подцепил перепелиную ножку.

- Увы. Ввиду очевидных пробелов в моем воспитании, милорд, я все время забываю, что этикет предписывает женщинам притворяться дуручками, - невозмутимо ответила она и снова перевела взгляд на стол. Дразнящие ароматы, исходящие главным образом от чайника с чаем, свежего хлеба и ягод, сводили с ума. Потеряв желание сдерживаться далее, Интента начала нагружать собственную тарелку свежей клубникой, сыром, теплым хлебом и шоколадным пирогом.

Затем она привсталась, чтобы налить в чашку тончайшего фарфора горячего чаю.

- Желаете? – спросила она у пристально наблюдавшего за ее действиями Маркала.

- Из ваших рук - что угодно, миледи, - ответил он, немного понизив голос, и посмотрел таким взглядом, что Интента едва не выронила чайник. В нем читалась сладчайшая нега и... будто что-то совершенно непристойное. В эту секунду она поняла, что никакого выговора ей читать не будут, и это вовсе не встреча ректора с нерадивой учительницей. Это следующий раунд сражения между коварным соблазнителем и той, которую он, возможно, уже избрал своей следующей жертвой.

Наполнив еще одну чашку горячим чаем, Интента вздохнула, вернулась на свое место, изо всех сил стараясь больше не встречаться с ним взглядом. Это удавалось с трудом: лорд Маркал теперь не отрывал глаз от ее лица:

- Могу я заметить, что вы восхитительно выглядите сегодня утром?

- Благодарю.

- Вы очень напряжены. Не стоит, право, сегодня я не собираюсь нападать, - мягко заметил он, потянувшись за булочкой и словно невзначай касаясь ее запястья. А, может, и впрямь невзначай - но так или иначе, это касание заставило волоски на ее шее, чуть ниже затылка, встать дыбом, и Интента с ужасом поняла, что ей понравилось. И она хотела бы, чтобы он коснулся ее руки снова.

- Только сегодня? – уточнила она и насмешливо приподняла бровь, спешно пряча эти эмоции, и даже набралась мужества, чтобы снова встретить его взгляд.

- Только сегодня, - подтвердил Маркал. Его глаза смеялись и немного обжигали, но его улыбке невозможно было сопротивляться. Интента опустила глаза, тоже улыбаясь:

- Что ж, спасибо и на том.

- Я планирую заглянуть к вам на урок сегодня, если вы не возражаете, миледи.

- Хорошо, - кивнула она. - Я рекомендую третью лекцию. Буду рассказывать о вампирской литературе прошлого века - редкие книги и редкая тема.

- Постараюсь заглянуть именно на нее, - согласился он и не спеша сделал глоток чая. - Как вам работается в академии? Если могу ответить на какие-то вопросы или разрешить затруднения - я к вашим услугам.

От его взгляда Интенту пробрала дрожь - точно также дома смотрел на нее бабушкин кот, когда она доставала из подпола кувшин сметаны. На секунду ей показалось, что лорд Маркал вот-вот громко мяукнет и потребует угощения. А если ничего не получит, то из мягких лапок покажутся длинные острые когти.

Определенно, за мягкостью взгляда стояла тьма, почувствовала она, переключившись на пару мгновений в созерцание. Но тут же он откинулся на спинку кресла, словно почувствовав что-то, и посмотрел в сторону. Интента моргнула:

- По правде, мне работается замечательно, благодарю вас, - быстро ответила она, спохватившись. - И пока никаких затруднений, к счастью, у меня не возникло.

- Если не считать моего визита на вашу первую лекцию, - вставил он, принимаясь за еду.

- Если не считать этого, да, - с улыбкой кивнула она.

Какое-то время они ели молча, затем он вытер руки салфеткой и вновь откинулся на кресле, изучая ее взглядом:

- Вы подружились с магистром Вермаром - немного неожиданный выбор для созерцающей, не находите?

- Так получилось, - пожалала плечами она, делая глоток чая и чувствуя, как в теле воцаряется приятное ощущение сытости, но взгляд в то же время продолжает останавливаться то на ягодах, то на пироге - слишком вкусно все было.

- Я замечу, что в моей академии и во всем замке категорически запрещен обмен кровью, даже по взаимному согласию. Но все же послезавтра полнолуние - будьте осторожны, пожалуйста, миледи.

- Вы тревожитесь обо мне? - развеселившись от его слов, спросила Интента. Ей казалось

совершенно невозможным, чтобы лорд Маркал волновался за кого-либо.

- Пожалуй, да. Если вы умрете слишком рано, то уж некому будет дразнить меня.

- Я вас не дразнила, - выпалила Интента, мгновенно становясь пунцовой. В ее мыслях воцарился хаос, когда она вновь подумала, что он все-таки намекает на вчерашнюю лекцию и собирается выругать ее за это. Но Маркал снова обманул ее ожидания.

- Неужели? - почти прошептал он, резко понижая голос, и слегка наклонился вперед, - А кто предлагал мне свои восхитительные губы? Тогда в саду я с большим трудом сдержался от соблазна, моя дорогая.

Гремучая смесь откровенной издевки и такой же откровенной нежности, флирта и нападения привела Интенту в полное замешательство, и она почувствовала, как проваливается в то же самое состояние, что и на лестнице: полной покорности ему и безволия, смешанного с желанием. Но на этот раз она была вооружена памятью о том, что случилось тогда. Едва почувствовав, как тянется к нему, она усилием воли взяла себя в руки и выпрямилась:

- Пожалуй, я уже сыта, ваша светлость. И, знаете, что...

- Ладно, забудем об этом, - с улыбкой перебил ее Маркал. - Завтракайте спокойно, миледи, у нас же перемирие.

- У вас странное понятие о перемирии, милорд, - не преминула заметить она, но все же, после некоторого размышления, снова немного расслабилась и не удержалась от того, чтобы взять еще один кусочек восхитительного шоколадного пирога.

- Увы, я по наивности поддался на вашу провокацию, виноват, - сокрушенно кивнул лорд Маркал, положив на свою тарелку такой же кусочек пирога.

- Провокацию? По наивности? - фыркнула Интента и даже слегка закашлялась.

- Конечно. Женщины всю жизнь вьют из меня веревки. Две невесты бросили, слышали?

- Слышала только про одну и теперь уверена, что это заслуженно. От меня вы жалости не дождетесь, - отрезала она и с наслаждением принялась за пирог.

- На это я и не рассчитывал. Уверен, вы давно победили все свои эмоции - после стольких-то лет созерцания...

Глубоко в его глазах снова сверкнула насмешка.

- Увы, - не поддалась Интента. - Созерцание - ещё не просветление. Все мои эмоции при мне, милорд. И если я не испытываю к вам сочувствия, это означает лишь то, что вы не заслужили его.

- Ах, миледи, да вы вот-вот доведете меня до отчаяния, - жизнерадостно парировал он, с аппетитом откусив сразу половину от своей порции пирога.

Снова застыв в замешательстве, Интента почувствовала, как розовеет: почему, ради просветленного духа, он каждый раз так легко заставлял ее чувствовать себя глупой?

- Что вам нужно от меня, лорд Маркал? Зачем вы пригласили меня на завтрак? - быстро спросила она, положив недоеденный пирог на тарелку и уже чувствуя усталость от пикировки.

- Лишь для того, чтобы позавтракать с вами, леди Интента. И ещё - пригласить вас составить мне компанию в субботу. Я намерен отправиться в Нуаресс за новой партией книг для академической библиотеки. Смею ли я надеяться, что вы поможете с выбором художественной литературы?

Его взгляд был чист и невинен, как у бабушкиного кота, когда тот приходил приласкаться. И почти также неотразим - коту, во всяком случае, Интента ни разу не отказывала в почесывании за ухом.

- Я... я не знаю, лорд Маркал. Это так внезапно... я планировала выбраться в город с друзьями, - смешалась она.

- Но магистр Делиор завтра уезжает в отпуск, а магистр Вермар из-за полнолуния - плохая компания в эти выходные. С кем же вы поедете?

Интента открыла рот, но тут же закрыла, сообразив, что ничего не успевает придумать. Она вздохнула, припертая к стенке:

- Хорошо, я, пожалуй, смогу выбрать время на эту поездку с вами. Но...

- Да, миледи? - невинно взмахнув ресницами, осведомился Маркал.

Интента смотрела прямо ему в глаза и вдруг поняла, что они очень красивы - хотя все его лицо в целом выглядело грубовато. Но глаза выделялись - даже странно, что она раньше этого не замечала. Светло-коричневая радужка переливалась самыми разными оттенками: от черного до почти желтого, и это придавало ей невероятную глубину и живость. А темные ресницы выглядели чуть длиннее обычного, и когда лорд моргал особенным образом, его взгляд казался совсем невинным и в то же время притягательным.

Все мысли вылетели из ее головы - в следующий миг она понятия не имела, что хотела сказать, и просто мотнула головой:

- Нет, ничего. Я только прошу не назначать поездку на очень раннее время - хотелось бы немного выспаться.

- Разумеется, миледи. Мы отправимся в то время, которое сочтете удобным.

- Благодарю, - сказала она, чувствуя, как думать совсем не хочется, а по всему телу разливается приятное чувство необъяснимого происхождения.

И только позже, когда она уже шла по переходу в восточное крыло на свою первую лекцию, к ней вернулась способность ясно мыслить и в голову пришел целый ворох логичных вопросов. Первый: как лорд Маркал узнал, с кем она дружит, почти не появляясь в академии? Следует ли это понимать так, что он обсуждал ее с лордом Кетимом или кто-то другой докладывал ректору о каждом ее шаге?

Не меньше интересовало Интенту, почему он вдруг стал так активно ухаживать за ней именно сейчас и почему ни слова не сказал о вчерашней лекции? А самое главное: что она сама чувствует в связи с этим? Разобраться в эмоциях было намного труднее обычного. Одно она знала точно: внимание лорда Маркала ей польстило. И это, думалось созерцающей, намного опаснее, чем предстоящее полнолуние: от вампира можно убежать, а куда деться от собственных слабостей?

ГЛАВА 13.

То утро выдалось исключительно приятным для лорда Кетима , поскольку он заранее освободил его для отдыха. Месяц выдался весьма напряженным, и уже с начала учебной недели он искал возможности сбавить темп – но получил ее только в последний рабочий день. Проснувшись по обыкновению рано, он решил насладиться пешей прогулкой по окрестностям.

Вернувшись в замок весьма освеженным, жизнерадостным и голодным, он, не переодеваясь, направился в общую гостиную западного крыла, где любил завтракать в такие редкие «ленивые» дни в полном одиночестве или в обществе Маркала , если вдруг их расписания совпадали. Больше практически никого в это время там не бывало, и Ульрис оказался изрядно удивлен, обнаружив на софе незнакомую спящую фею.

Осмотрев ее внимательно, темный маг был заинтригован ещё больше. Покрой платья, украшения, следы былой красоты прически говорили о претензиях выглядеть роскошно , а степень измятости и запыленности наряда – о том, что это, увы, весьма трудно совместить с поездкой на перекладных. В результате девушка выглядела беженкой из приличного семейства, которую занесло в замок Мерсье невесть какими судьбами.

О том, кто эта женщина, темный лорд первым делом осведомился у горничной, которая появилась в дверях через минуту, готовая услужить.

- Эта женщина приехала к его светлости. Я не запомнила, как звать, - прошептала в ответ крепко сбитая девчонка, которую он несколько месяцев назад вытащил из деревни в замок , под настроение. Сначала Кетим планировал вознаградить ее за ночь утех золотой монеткой, но девица оказалась такой сообразительной и услужливой во всех отношениях, что он лично ее трудоустроил.

- А что запомнила? – спросил он, заметив, что девушка хочет что-то добавить, но не решается. И вскоре узнал историю появления «беженки» во всех подробностях.

- Ладно, неси мне завтрак, солнышко, – кивнул он, наконец, легонько шлепнув горничную по мягкому месту и, не обращая более особого внимания на незнакомку, уселся за стол. Поглядев на настенные часы, Кетим прикинул, что Маркал проснется с минуты на минуту и тогда либо спустится, чтобы встретиться с гостьей, либо пришлет Афрона.

Так и случилось. Не успела горничная своими ловкими ручками подать ему завтрак, как в гостиную широким шагом вошел камердинер лорда Мерсье – и при виде темного мага замер.

На лице его отразилась легкая неприязнь и досада, но молодой человек тут же скрыл эмоции и поклонился , пробурчав под нос:

- Доброе утро, ваша темнота.

Афрон невзлюбил лорда Кетима едва ли не с первого взгляда – профессиональный шут, он на удивление плохо переносил подшучивания над собственной персоной , а Ульрис не мог упустить возможность поглумиться над кем-то столь чопорным. И сколько не защищал Маркал своего камердинера, возможностей уколоть его находилась масса. Поэтому Афрон изо всех сил стремился избегать Кетима, когда мог.

- Добрейшего утра тебе, Афрон, – просиял Ульрис, закидывая ногу на ногу. Он поставил чашку на блюдце и жизнерадостно улыбнулся мгновенно поскучевшему молодому человеку. - Ты за девицей?

- Да, милорд. Но я не хотел прерывать ваш завтрак...

- Нет, нет, ты нисколько не помешал мне. Милости прошу.

Кетим на секунду отвернулся, делая вид, что полностью равнодушен к предстоящему спектаклю, отхлебнул чаю, а молодому слуге ничего не оставалось, как решительно приблизиться к спящей фее и сделать то, зачем явился – а именно, разбудить ее.

Полная любопытства, горничная тоже не спешила удаляться, все еще стоя с чайником возле Кетима. Так и вышло, что проснувшись, фея обнаружила на себе три пары глаз сразу.

- Сударыня , попрошу на выход. Вас ждет карета, – отчеканил Афрон с каменным лицом и такой прямой спиной, как будто только что подвергся воздействию вытягивающего заклинания. Присутствие Кетима замораживало его. Темный лорд, напротив, сидел в самой расслабленной позе, наблюдая за девушкой с легкой светской улыбкой.

- До... доброе утро, лорд Кетим, - мгновенно сориентировалась фея , поднимаясь с софы. - Какая приятная встреча.

- Весьма приятная, согласен, - с улыбкой ответил девушке Кетим, без зазрения совести изучая ее взглядом с ног до головы, даже не шелохнувшись, чтобы встать - темный лорд не перед каждой леди поднимался, а теперь, кроме того, был почти уверен, что перед ним не леди. - Вы знаете мое имя, дорогая?

- Мы виделись с вами в королевском дворце, милорд, когда я служила фрейлиной ее Величества. Боюсь, вы могли меня не запомнить, - скромно потупилась девушка, все ещё моргавшая спросонья.

- Увы, - согласился лорд Кетим, останавливая взгляд на декольте бывшей фрейлины, кружево которого почти ничего не прикрывало, более того - благодаря специальному корсету роскошная белая грудь была приподнята так, чтобы максимально находиться на виду.

Проследив за его взглядом, девушка ещё немного выпрямилась и улыбнулась какой-то вкрадчивой кошачьей улыбкой, а затем присела в весьма глубоком реверансе, который, по правилам этикета, мог быть предназначен королевской особе:

- Делия Серебрянко, к вашим услугам, ваша темность.

Глаза лорда Кетима на миг сузились, а затем расширились, и он порывистым движением встал:

- Ах, вот вы кто, миледи. Какое удовольствие, наконец, встретиться с вами лично.

Подойдя поближе и снова бросив взгляд на декольте так, чтобы девушка это заметила, он протянул руку, и фея изящным жестом вложила в нее свою ладонь.

- Мне очень, очень приятно, леди Делия, - сказал он, касаясь нежным поцелуем тыльной стороны ее руки.

Остолбевший Афрон во все глаза смотрел на лорда Кетима, но тот глядел лишь на фею, и она, словно замороженная, смотрела в ответ на него. На губах обоих играли почти одинаково хищные улыбки.

***

Первые два урока в тот день Интента провела на одном дыхании. Стоило, правда, больших трудов отбиться от вопросов студентов в продолжение вчерашней лекции, но она все же смогла настоять на том, что о Черном лорде будет говорить только на внеклассном чтении. Особой твердости ее тону придавало также то, что ректор мог появиться в любую минуту - его обещание прийти именно на третью лекцию она всерьез не восприняла. Насколько удалось ей узнать лорда Маркала, от него стоило все время ждать каких-то сюрпризов и подвохов.

Про размолвку с подругой и намерение помириться она вспомнила лишь к обеду, но в столовой для преподавателей белую магину не нашла, как и магистра Вермара. Но когда Интента уже взяла поднос, собираясь отобедать в одиночестве, в столовую стремительным шагом вошел студент-вампир из числа тех, что посещали и ее занятия, и уроки Венсана.

- Миледи Интента, я прошу прощения за беспокойство, - сказал тот, неловко озираясь по сторонам. — Но магистр Вермар послал меня, чтобы передать его извинения. Он не сможет пообедать с вами сегодня, поскольку плохо себя чувствует.

- Конечно, Имран, - улыбнулась Интента мальчику, который оглядывался все более нервно и как будто хотел сказать ещё что-то.

- М-да, - промямлил он, все еще переминаясь с ноги на ногу и краснея под удивленными взглядами других преподавателей: студентам доступ в учительскую столовую не разрешался.

- Ты что-то хотел добавить? - подбодрила Интента.

- Да. Магистру Вермару очень плохо, миледи. Он не просил меня об этом, но... если вы, и правда, такие друзья, как говорят, то...

- Имран, давай-ка выйдем отсюда, - мягко перебила она, взяла юношу под локоть, и они вместе вышли из столовой. Молча пройдя по коридору до выхода в сад, Интента обернулась по сторонам и лишь когда убедилась, что никого рядом нет, вновь посмотрела на мальчика:

- Что с магистром?

- Ну...

Юный вампир сглотнул, явно встревоженный ее запахом, и чуть повернул голову в сторону:

- Понимаете, леди Интента, - он прерывисто вздохнул, - Это полнолуние для него хуже других.

Такое иногда с нами случается, но дома есть масса способов смягчить это... а здесь в замке сплошные запреты и... ему очень больно.

- Ему нужна кровь?

- Да, - еле слышно ответил мальчик.

- Сколько?

- Я не знаю, - испугался юный вампир. - Я не...

- Так. Ну-ка посмотри на меня, - резко скомандовала Интента. - Я тебе не соковыжималка, ясно? Я не могу просто так взять и нацедить три литра. Я, знаешь ли, трепетный цветок с ограниченным количеством нектара, и он мне дорог весь до капли.

От нервозности ее слегка трясло, и она сама не заметила, как стала очень агрессивной и до смерти перепугала своего студента.

- Ми-миледи, - едва не плача, пропищал юноша. - Я не имел в виду, что...

- ... Поэтому соберись, - прорычала Интента, как зверь, не обращая внимания на бормотание мальчика, - и скажи, сколько ему нужно, чтобы облегчить страдания. Сколько ему поможет и не угробит при этом меня?

- Ему поможет даже один глоток. Но если вы дадите чуть больше, то будет намного, намного легче, - страстно произнес юноша.

- Если я зайду в его комнату, я выйду оттуда живой? - глухо спросила она, обхватывая себя вмиг заледеневшими руками.

- Лучше взять кого-нибудь с собой... не меня, - отступил на шаг юноша. - Я не смогу себя контролировать, если почувствую запах крови.

- Твоего же гоблина налево, а, - выругалась Интента, погружая пальцы в волосы. - Твою ж лохматую ведьму.

Взглянув на часы, она почувствовала, как в кровь устремляется адреналин. От обеда оставалось с полчаса, не более. Затем у нее «окно», а на третьей лекции надо быть через два часа.

- Насколько ему плохо сейчас? - спросила она у Имрана, прикидывая, сможет ли перенести операцию по спасению Венсана на вечер.

- Плохо, - еле слышно сказал мальчик, опустив глаза, и Интента тут же поняла: нет, не сможет.

Первая реакция Амалии была абсолютно ожидаемой.

- Ты спятила, Интента, - выпалила она, даже не задумываясь. - Этим кровопийцам всегда плохо в полнолуние, и крови на всех не напасешься.

- Мне не надо напасаться на всех. Он мой друг, и ему достаточно пары глотков, - возразила Интента.

- Ага, а после второго глотка он, конечно, остановится, вежливо поблагодарит за угощение и шаркнет ножкой, - фыркнула белый маг.

Разговаривали они в ее комнате, по которой в крайнем беспорядке были разбросаны вещи - Амалия собирала чемоданы.

- Поэтому мне и нужна ты.

- Да меня из школы уволят за пособничество! Обмен кровью запрещен в замке, ясно? Запрещено как-то содействовать этому.

- Мы выйдем на улицу, - пожала плечами Интента.

- Территория замка - это десяток миль вокруг, как ты выйдешь? И я еще раз повторяю: это опасно. Он кинется на тебя, особенно если ему так плохо.

Амалия перешла на громкий возбужденный шепот, но по тому, как нервно дрожали ее руки, Интента поняла: сдается. Она на пару мгновений перешла в созерцание и нашла в подруге целую бурю противоположных чувств. Это смягчило ее и она улыbnулась, опустившись на кровать:

- Амалия, милая, ты же белый маг. Мы не можем жить без сочувствия, правда?
- Я-то нет , а ты-то - очень даже можешь, Интента. Какая ты созерцающая? Ты должна быть безучастной и равнодушной ко всему, а сама хочешь быть белее меня.
- Ты так видишь созерцание? - удивилась она, не обратив внимания на последний упрек.
- Все так видят созерцание, милая. Это наука о том, как быть бесчувственным бревном, будем откровенными, - насмешливо улыбнулась Амалия в ответ, присаживаясь рядом на кровать.
- Значит, я еще не достигла таких высот. И я хочу помочь другу.
- Мне бы кто так стремился помочь, - закатила глаза магиня.
- Все, что хочешь, - страстно пообещала Интента, - Но сначала помоги мне помочь Вермару.
- О-о-о, ладно, - рявкнула Амалия, резко поднимаясь, - я знаю, что пожалею об этом, но пошли уже. Твое нытье про бедного вампира высасывает похлеще, чем этот бедный вампир.
- Ты очень добрая, Амалия, - заметила Интента, когда они шли по коридору. - Заметь, ты добрая, даже когда ты злая.

Она получила максимально подробную инструкцию от Имрана о том, где жил Венсан. Две девушки быстро спустились по лестнице на первый этаж, затем прошли по нижнему переходу в западное крыло и, наконец, оказались в лабиринте подземных помещений.

- Заявляться в обиталище вампиров в канун полнолуния - это полное безумие, Интента, - прошептала Амалия. — Напомни мне в следующий раз самой тебя укусить, когда ты потащишь меня...
- Тихо. Я созерцаю, - перебила Интента, не обращая внимания на нервный шепот подруги. - В коридоре никого, идем быстрее.
- Созерцает она... интересно, что ты будешь созерцать перед смертью, и успею ли я бросить нитку перед тем, как он схарчит и меня за компанию, - ворчала белая магиня.
- Так... мы пришли, - объявила Интента, останавливаясь перед дверью в одну из комнат.
- Ага. Давай-давай, стучи. Доставка еды, магистр, чаевых не надо.
- Ну, хватит, - нервно фыркнула Интента , а потом сделала глубокий вздох, чтобы успокоиться, и постучала.

Краем глаза глянув на Амалию, она обнаружила, что подруга побелела от страха, и ей стало смешно: несмотря на все предупреждения и на все прочитанные в жизни истории о вампирах-убийцах, она никак не могла представить Вермара нападающим на кого-либо. А вот выговора за глупое поведение, зная его, вполне можно было ожидать.

Когда дверь бесшумно открылась, Интента приготовилась принести шуточные извинения за беспокойство, но тут все шутки разом замерли на губах: к такому зрелищу, какое ей предстало, она была не готова. За спиной послышался тихий вскрик Амалии - шокированной оказалась и она.

Магистр Вермар выглядел не просто плохо - он выглядел ужасающе изможденным. Даже не верилось, что со вчерашнего вечера, когда он имел обычный, совершенно здоровый вид, вампир мог так измениться.

Его кожа теперь имела не желтоватый, как обычно , а мраморно-белой цвет, и казалась тонкой, как пергамент, под которым обозначились мельчайшие темные сосуды, синие вены и какие-то узелки. Под глазами залегли черные пятна. Губы словно исчезли, истончившись , а провалившиеся глаза имели совершенно потусторонний, пугающий вид. Когда они остановились на ней, вампир издал болезненный вздох и отступил:

- Леди Интента. Вы с ума сошли. Немедленно уходите.
- Магистр...
- Магистр Делиор... Амалия. Заберите ее, - простонал он, попытавшись закрыть дверь, но Интента быстро подставила ногу, сама не веря, что делает подобные вещи. Заставив магистра отпрянуть, она зашла внутрь и поманила рукой Амалию:
- Заходи же. Быстрее, пока никто не увидел.

Амалия шагнула внутрь, и дверь за ними закрылась. В комнате Венсана царил потусторонний холод и такой же inferнальный порядок – словно в операционной. В остальном обстановка почти ничем не отличалась от их спален: та же кровать, шкаф, стол и стул. Только камина не было, как и окон, ибо он не нуждался ни в том, ни в другом. На столе раскрытая книга и волшебная непрогорающая свеча – похоже, их приход застал вампира за чтением.

- Я пришла дать вам немного крови, магистр Вермар, - быстро, пока не утратила всю решимость, выпалила Интента. - Имран сказал, что вам очень плохо... и, как я вижу, не солгал.

- Амалия, - скрипучим, как деревянные колеса старинной кареты, голосом повторил Вермар, - Заберите эту чокнутую отсюда.

- Боюсь, это не в моих силах, магистр, - с кривой улыбкой ответила ему белая маг, и Интента с удивлением услышала в ее тоне симпатию. Амалия даже начала розоветь, обнаружив вампира в столь беспомощном и болезненном состоянии. Очевидно, теперь и она не считала его таким уж опасным и злокозненным, как прежде. И сочувствие было ей не чуждо.

- Венсан, - позвала его Интента по имени. - Я уже здесь и никуда не уйду. Амалия здесь для моей безопасности, так что перестаньте кокетничать и возьмите мою кровь.

- Я не могу. Я поклялся себе, что не стану этого делать с вами, миледи. Вы мой друг, - прошептал вампир, и в его голосе явственно слышалась мука.

- Поэтому я и пришла, - отчеканила она, краснея и начиная злиться, - Вы ставите меня в крайне неловкое положение, заставляя уговаривать вас, магистр.

- Магистр Вермар, - позвала вдруг Амалия голосом, также полным страдания, хоть и другого рода, - вы верно заметили, что эта женщина – чокнутая. Она не уйдет. Пожалуйста, не доводите этот безумный спектакль до абсурда.

На какое-то время воцарилась полная тишина. Вампир прикрыл глаза, явно мучительно размышляя, и вскоре сдался, глубоко вздохнув:

- Хорошо. Леди Амалия, пожалуйста, подойдите чуть ближе ко мне и возьмите в руки что-нибудь... вот, это подойдет, - он протянул сухую руку к тяжеленному фолианту-справочнику магических растений. - Если я не совладаю с собой - бейте не раздумывая, прямо по голове. И сразу бегите.

- Не сомневайтесь, - с кривой угрожающей улыбкой пообещала девушка, вцепившись в книгу обеими руками и приготовившись так, будто собиралась бить магистра сию же секунду.

- Леди Интента, - тихо позвал Венсан, не двигаясь с места, и созерцающая, сглотнув, приблизилась к нему, отступившему к дальней от двери стене. Она подошла почти вплотную, не совсем понимая, чего ожидать, но уверенная, что смотреть на это не хочет – а потому прикрыла глаза и слегка повернула голову в сторону.

Положив левую руку ей на талию, магистр взял неожиданно горячей ладонью ее запястье и наклонился:

- Никогда не предлагайте вампиру шею, миледи. Это самоубийство, - прошептал он и повернул ее руку ладонью вверх, отодвигая рукав.

От неожиданности приоткрыв глаза, Интента заметила, как мелькнули белые клыки, и в следующую секунду он впился в ее запястье, крепко удерживая ее руку своей. Боль обожгла лишь на секунду – сразу затем рука занемела. Она не чувствовала, как он пьет кровь, лишь видела по его глотательным движениям – и уже на втором впала в странное состояние, будто парила над землей, и ей даже не хотелось, чтобы это прекращалось.

Когда магистр оторвался от ее запястья, Интента стояла, блаженно улыбаясь и ничего не соображая. Венсан улыбнулся ей, почти повисшей на его левой руке, и осторожно усадил на кресло.

- Книгу можно уже положить, магистр Делиор. Это все, - сказал он, не глядя на Амалию.

- Слава богине. И как вы себя чувствуете? - недоверчиво осведомилась у него девушка.

- Намного лучше, спасибо, - вампир облизнулся, снова улыбаясь, Амалию передернуло и она отвела взгляд.

- Если тошнит, могу дать пакетик, - предложил он, теперь изучая ее взглядом, в котором плясали смешинки.

Придя в себя, Интента обнаружила магистра в превосходном расположении духа, а Амалию – в предобморочном состоянии и почему-то с залитыми краской щеками.

- Я провожу вас наверх, – предложил Венсан.

- Не стоит. Если кто-то заметит... - начала возражать Интента, но магистр сделал рукой жест, который подразумевал окончание дискуссии:

- Я не дам вам подвергать себя опасности снова. Прошу.

Он распахнул дверь своей комнаты, и обе девушки молча вышли.

- Вы выглядите просто... просто замечательно, – поразила Интента, когда они оказались на первом этаже, в залитом свете широком коридоре.

- Благодаря вам. Я ваш должник, миледи, - негромко сказал Венсан, который выглядел теперь даже лучше обычного. Кожа вампира буквально лучилась здоровьем.

- Мы оба знаем, что это не так, - укорила его Интента, касаясь цепочки на своей шее, на которой висел амулет с его кровью.

- Это был подарок.

- И это тоже, - ответила она, взмахнув запястьем.

- Может, хватит болтать об этом посреди академии, голубки? Интента, опусти рукав, ради богини, - прошипела Амалия. — Нас уволят всех троих, вот это и будет нам подарок.

- Ты же грозилась не возвращаться. Что ж так переживаешь насчет увольнения? - поддела Интента, когда Венсан уже вернулся к себе, а подруги, поразмыслив, направились попить чаю и перекусить в комнате Амалии.

- Мало ли, что я там грозилась, - пробурчала Делиор и вздохнула. - Я еще тоже не достигла таких высот.

На лекцию Интента вошла с двухминутным опозданием - немного задержалась из-за Амалии, которая настояла на магической корректировке воспаленных следов от вампирского укуса. Но полностью их скрыть не удалось: косметическими заклинаниями, самыми сложными в белой магии, Делиор владела не так хорошо, как плетением узелков и эффектными исчезновениями. В результате она лишь сняла воспаление и пообещала вечером попытаться снова.

Уже подбегая к классу, она поняла, что Черный лорд исполнил обещание и явился на ее лекцию, поскольку из аудитории, полной студентов, не доносилось ни единого звука. Войдя внутрь, она замерла у двери: Маркал стоял перед студентами и отвечал на их вопросы.

-... Поэтому самый краткий курс по темной магии будет запущен только со следующего семестра, - говорил он, когда вошла Интента. - Записываться, однако, можно уже со следующей недели. Да, Летисия?

Худенькая ведьма заученного вида задала следующий вопрос, краснея и немного заикаясь от смущения:

- Лорд Мерсье, у меня курс литературы, истории магии, темной магии, зельеварения и травоведения, и я хотела бы взять ещё два ваших курса по бизнесу, но тогда занятия будут накладываться. По расписанию мне подходят лекции в воскресенье, но в секретариате сказали, что если я уже занимаюсь шесть дней, то так нельзя.

- Сударыня, по правилам академии у студентов и преподавателей обязательно должен оставаться хотя бы один выходной день, - сказал Маркал, и плечи девушки огорченно опустились. - Но мы в Академии Затемнения исходим из того, что каждый должен иметь возможность взять все курсы, какие только пожелает. Я передам в секретариат просьбу помочь вам. Если надо, мы пересмотрим расписание занятий... О, магистр Валиар, - восторженно воскликнул он так, как будто только что увидел преподавательницу, уже пару минут стоящую на входе, - как мы счастливы, наконец, лицезреть вас на вашем уроке.

По классу прошел смешок, и Интента поняла, что ей пеняют за опоздание.

- Извините, милорд, что заставила ждать, этого больше не повторится, - кротко ответила она и пересекла аудиторию, занимая место у своего стола.

- С каждым может случиться, - сразу же извинил ее ректор с благосклонным кивком.

Студенты освободили ему один из первых столов, но Маркал, против ожиданий, выбрал самое дальнее от преподавателя место и ушел туда, в конец аудитории, примостившись в углу около окна.

Тихонько прокашлявшись, Интента начала лекцию. Первые минут пять было очень трудно совладать с волнением – она каждую секунду ждала подвоха от ректора, полагая, что он вот-вот перебьет ее, подденет или станет донимать вопросами. Но чем дольше он молчал, слушая о вампирской литературе вместе со студентами, тем больше она успокаивалась, поддаваясь лекторскому вдохновению.

- Вампирскую литературу принято делить на общеизвестную философскую и темно-романтическую, воспевающую вкус крови и всего, что с этим связано. Кто из вас читал трактаты вампиров? – осведомилась Интента, получив в ответ лес рук доброй половины группы. - А кто когда-либо наслаждался их романами?

По аудитории, где сегодня не было ни единого студента-вампира, пронесся мелодичный девичий смех, перемежающийся с мальчишеским гоготанием. Студентам трудно было увязать слово «наслаждаться» с отвратительными любому стороннему читателю подробностями, которые смаковали кровопийцы меж собой. Лишь один мальчик-темный маг поднял руку, но Интента была почти уверена, что он сделал это из упрямства и желания покрасоваться перед одноклассниками.

- Так я и думала, - улыбнулась она, отметив про себя, что лорд Маркал ни разу не поднял руки, хотя внимательно слушал, глядя на нее. - А теперь я прошу поднять руку тех из вас, кто читал роман «Зеленая бабочка» леди Тюльпани Эльсикор.

На этот раз руки подняла вся аудитория, за исключением ректора, и тут в голову Интенты закралось подозрение, что Черный лорд просто считает себя выше того, чтобы отвечать на ее вопросы. Нашумевший роман Эльсикор более десяти лет оставался в топе самых читаемых художественных произведений Волшебного королевства, и теперь уже не верилось, что хоть кто-нибудь из умеющих читать людей мог пропустить эту книгу.

Выход романа совпал с пиком интереса к психологии в Волшебном королевстве, а тонкий психологизм, безусловно, был одним из главных козырей автора. Поразительно живые герои, в которых буквально каждый узнавал своих родственников, друзей, соседей, яркие сюжетные линии, вкусный, как изысканное пирожное, текст и, наконец, вызывающая, возведенная в абсолют космополитичность романа, сделали его мега популярным.

Главный герой, гражданин Волшебного королевства, чудесным образом не имел никаких признаков принадлежности ни к одному из его родов: он не был ни магом, ни созерцателем, ни вампиром, ни эльфом, ни троллем, ни кем-либо еще, причем точно не являлся попаданцем и простым человеком. Путешествуя по вотчинам, он сталкивался каждый раз с тем, что его принимали то за того, то за другого благодаря его живому интересу буквально ко всем наукам и некоторым познаниям в каждой из них. Но ни в одной вотчине, разумеется, в нем не признавали своего, и, восхищаясь его особенностью, все виды, тем не менее, отвергали героя.

- Кто скажет мне, о чем этот роман? – с мягкой улыбкой осведомилась у студентов Интента. - Да, Селим.

- Я думаю, это книга о том, что никто не любит особенных. Нельзя отличаться от всех, на кого-то надо быть похожим, – сказал долговязый эльф и невольно потрогал себя за длинное острое ухо. Группа засмеялась, и даже Черный лорд улыбнулся, глядя на мальчика.

- Спасибо, Селим. Еще кто-нибудь? Да, Аннет, – поощрила Интента студентку-фею.

- Мне кажется, – сказала она, бросая кокетливый взгляд в сторону ректора, - что автор просто хотела посмеяться над всеми по чуть-чуть, моделируя реакцию на идеального героя. Толпа не любит идеальных, хотя некоторые их ценят.

Перехватив бесстыдный ласкающий взгляд, которым Черный лорд одарил шестнадцатилетнюю фею, и заметив, как девушка зарделась от этого, Интента сузила глаза:

- А вы, лорд Маркал, как думаете? – спросила она прежде, чем сама хорошенько подумала о том, что делает.

Дернув головой, ректор перевел удивленный взгляд на учительницу. Одна его бровь слегка приподнялась, показывая, что прозвучал неуместный вопрос, затем ректор чуть отодвинулся назад и закинул ногу на ногу:

- Я, леди Интента, о таком не думаю. И книгу эту не читал.

Расслышав еле заметные нотки неловкости в его голосе и заметив предупреждающий холод во взгляде, Интента сообразила, что было весьма неосмотрительно с ее стороны выставлять его таким неучем перед студентами.

- Вы читаете только документальную литературу, милорд? - догадалась она с опозданием.

- В основном, да.

- Что ж... тогда я немного напомню сюжет и вернемся к обсуждению, - смущенно пробормотала она и, совладав с собой, снова повысила голос до нормальной громкости, - Итак, герой путешествует по вотчинам и везде привлекает массу внимания, но почти сразу вызывает чувство отторжения. Всеобщее внимание и одновременно отверженность - две красных нити романа, туго переплетенные между собой. И отсюда вытекает естественный вопрос - кого все-таки скрывала автор под личиной своего «неопределенного» героя? Почему вампирская вотчина осталась одной из трех, которые он не посетил, и куда же он едет, направляясь на юг в самом конце романа?

Такие моменты в своей работе Интента очень любила. Больше всего ей нравилось срывать покровы и видеть искреннее изумление, догадку - а потом восторг на юных лицах студентов. Разумеется, ребус Тюльпани Эльсикор был довольно сложным, даже для взрослых читателей, не говоря уж о подростках. Сами вампиры, читавшие эту книгу, не всегда могли понять, что роман - о них.

- Это вампир? - прошептала удивленная фея за первым столом. - Она имела в виду вампира?

Студенты, сначала шепотом озвучившие друг другу одну и ту же разгадку, к которой подвела их Интента, постепенно начинали говорить все громче - и какое-то время она не прерывала их, позволяя обсудить новость о любимой многими книге. Пока, наконец, один из них не поднял резко голову, во все глаза глядя на учительницу:

- Магистр Делиор, а леди Тюльпаниа - это... это...

- А вы как думаете? - улыбнулась Интента, на этот раз полностью удовлетворенная. Она метнула быстрый взгляд в сторону ректора, и с немалой радостью поняла, что Маркал так же заинтересован, как и студенты, хоть и не вполне разделяет их восторга, так как сам книги не читал. И все же он наклонился вперед, явно поглощенный происходящим, изучая лица подростков и молодых людей, возбужденно обсуждавших роман.

После урока Интента немного задержалась с ректором в опустевшей аудитории и выжидательно посмотрела на него:

- Как вам понравилась лекция, лорд Мерсье?

- Очень понравилась, леди Интента, - сказал он, глядя ей в глаза без тени обычной насмешки, - По правде говоря, я не ожидал, что урок литературы может доставить мне такое удовольствие. И тем более не ожидал, что вы умеете так заинтересовать студентов.

- Я выгляжу скучной, милорд? - не без кокетства осведомилась она, пытаясь скрыть вспышку удовольствия от комплимента, и опустила глаза, сжимая в руках учебник.

- Вовсе нет. Но одно дело - просто провести интересный урок, а другое дело - устроить такой зажигательный спектакль. Ваше жалованье будет повышено на пятьдесят процентов со следующего месяца, леди Интента.

- Правда? - восторженно она, подняла глаза и наткнулась на смеющийся взгляд:

- Разумеется. С деньгами я никогда не шучу. Я повторю, что очень доволен вашей работой и прошу продолжать ее именно в этом ключе.

- Спасибо вам.

- Еще одно, по поводу внеклассного чтения.

- Слушаю вас?

Сердце Интенты ушло в пятки. Вот сейчас-то он ей и выдаст кнута по всей науке: сразу после пряника, пронеслось в голове.

- По правилам академии вы можете дать лишь два бесплатных урока в месяц. Если их будет больше - прошу согласовать с секретариатом взимание платы со слушателей, - продолжил тем временем Маркал.

- Что? А... - она приоткрыла и снова закрыла рот, не вполне веря ушам. То, что принц Маркал из всего может сделать прибыль, она слышала давно, но и представить не могла, что он предложит ей издеваться над ним за плату.

- Я сказал, - терпеливо повторил лорд Маркал с непроницаемым лицом, - что ваши внеклассные

занятия должны быть платными. Пятьдесят процентов из этой платы взимается в счет расходов академии, оставшаяся половина – ваша.

- Я поняла, милорд, – тихо сказала она, вновь опуская глаза. Ее мозг буквально съезжал набекрень: могло ли получиться так, что ректор просто чего-то не понял? Что до него ещё не дошла полная информация, и он не знал, о чем ее вечерние лекции?

Когда Маркал вышел из ее класса, вежливо поклонившись напоследок, в эмоциях царил сумбур. Его похвала вызвала такое удовольствие, что стало не по себе. Она и понятия не имела, что мнение ректора настолько важно для нее. Даже новость о повышении жалования не настолько обрадовала, как его искренняя похвала. А при мысли о следующем внеклассном чтении через неделю Интенту вдруг охватило чувство вины.

ГЛАВА 14.

- У меня ощущение, как будто сегодняшний день длился целую вечность, хотя я даже не работала, - заметила за ужином Амалия. Интента кивнула - у нее тоже было чересчур много впечатлений. Вкратце поделившись с подругой тем, как прошел ее открытый урок с Черным лордом, она получила в ответ восхищенный взгляд:

- Ничего себе. Если про зарплату сказал - значит, это точно не часть флирта. Поздравляю! Твои лекции, и правда, замечательные, судя по внеклассному чтению.

- Ну, это все-таки особый случай, - скромно отозвалась Интента.

В столовой для преподавателей ощущалась особая атмосфера полнолуния: никого из вампиров не было, двое учителей-оборотней сидели на максимальном отдалении от всех и ни на кого не смотрели. Ведьмы тоже ходили мрачные и молчаливые.

- Надо же, в прошлый раз я даже не заметила полнолуния, - озадаченно заметила она.

- Ты ещё не дружила с Вермаром и только осваивалась в замке. Сколько ты здесь? Два месяца? - уточнила Амалия.

- Больше. Я приехала почти в самом начале лета, - сказала Интента и вдруг поменялась в лице. Прошло целых два с половиной месяца. Если Просветленный не ошибся с предсказанием, то, выходит, что она вот-вот получит предложение о помолвке от темного. Но от кого? От темного мага по рождению, от жителя темной вотчины, вампира? Им мог быть кто угодно, и в то же время никто им не был. С чего вообще кому-то вдруг делать ей предложение? Ни с одним мужчиной у нее не сложилось таких отношений, которые вели бы к помолвке.

- Осенью все будет по-другому - больше народу, больше уроков, - рассуждала Амалия, не сразу заметив ее состояние. - Что с тобой?

- Не могу сказать. Просто вспомнила об одной вещи, которая меня пугает, - призналась она.

Амалия не стала расспрашивать, деликатно перевела разговор на другую тему. Оставшуюся часть вечера они посвятили прощальному чаепитию и попытке вывести следы укуса с руки Интенты.

- Неважно, у меня все равно все платья с длинными рукавами, - махнула рукой созерцающая, когда стало ясно, что след затерся лишь наполовину, и лучшего результата не выйдет, - Гораздо хуже, если кто-нибудь увидит магистра Вермара таким сияющим и полным сил.

- Думаю, у него хватит ума не высовываться. Тем более что никто не ставит вампирам уроков на полнолуние, - заметила Амалия.

- Я надеюсь, что... погоди, кажется, моя катушка разрывается, - заметила Интента и, придвинув к себе сумочку, сосредоточенно закопалась в ней обеими руками в поисках вибрирующей катушки.

- Магистр Вермар... легок на помине, - негромко заметила она и оторвала светящийся кусочек нитки. Катушка в ладони разгладилась и превратилась в вытянутую деревянную трубочку, по размеру чуть больше уха.

- Да, магистр. Как вы себя чувствуете? - с улыбкой ответила она в эту трубку, но уже пару секунд спустя улыбка сползла с лица Интенты:

- Погодите. Погодите, Венсан. Как это - нас подставили?

Она встретилась взглядом с округлившимися глазами Амалии, как бы говорившем ей: «Я так и знала», и сердце Интенты рухнуло в пятки.

Закончив разговор с вампиром, она глухо передала Амалии суть:

- Ему только что передали сообщение от лорда Кетима с приказом явиться в ректорат в течение получаса. Там написано, что его подозревают в обмене кровью на территории Академии.

- Я не понимаю. Как Кетим мог узнать, - пробормотала белая магиня и вскочила, нервно шагая по комнате. - Нас же никто не видел. Никто не видел, да?

- Этот мальчик, Имран. Венсан говорит, что они не так хорошо знакомы, и забота о его здоровье выглядит немного странно, - растерянно сказала Интента.

- Твоего ж косолапого тролля! Тогда все ясно. Ну как, ну как я сразу не догадалась, – с досадой завопила Амалия, плюхаясь на кровать и вцепляясь себе в волосы.

- О чем? - не понимая переспросила созерцающая, лихорадочно пытаясь придумать что-то, но ничего не соображая от шока.

- У Кетима таких мальчиков много. Да и девочек тоже. Он мог подслать его нарочно.

- Но зачем?

Амалия рассмеялась:

- Ты все-таки так наивна, Интента, совсем не понимаешь темных. Что ж тут сложного? – улыбнулась Амалия кривой, слегка циничной улыбкой. - Венсан дал тебе свою кровь, чтобы защитить от Кетима, а с Кетимом так нельзя. Он никому не позволит идти против него, даже в такой малости. Теперь он хочет вышвырнуть магистра Вермара из Академии.

- Но когда он успел... ах, да, - прошептала Интента, вспомнив, как столкнулась с лордом Кетимом утром на перемене. Он снова пытался атаковать ее каким-то незначительным флиртом, но потом отвлекся на одну из студенток и быстро исчез из поля зрения. Пересказав этот эпизод Амалии, она получила в ответ ещё одну ухмылку:

- Конечно, он почувствовал. Он сильный маг, как ты думаешь? Он, наверное, за сто шагов чувствует все амулеты, а ты явно была к нему ближе.

- Но неужели он так обиделся из-за этого?

- Обиделся? Нет, он не обижается, - рассмеялась Амалия. - Он впал в бешенство, скорее всего. Я хотела тебе сказать, еще когда вы обсуждали это с Вермаром сегодня, что носить этот амулет не слишком-то безопасно, но подумала - ты знаешь, что делаешь. Ты дразнишь Черного лорда, ты дразнишь Кетима - вот и последствия.

- Так, погоди, - Интента поднялась, стараясь абстрагироваться от испуга Амалии и ее умения нагнетать ужас. - Надо что-то придумать.

- Что тут придумаешь? Вермар сейчас пойдет в ректорат, Кетим его спросит, где он взял кровь, это зубастый рыцарь, естественно, тебя не выдаст, и тогда его выставят вон, - спрогнозировала белая магиня. - Тут даже вариантов больше не просматривается.

- Я скажу лорду Кетиму, что это была я, - решила Интента и вскочила.

- Ага, давай, он только этого и ждет. Он будет шантажировать тебя увольнением Вермара, и ты оглянуться не успеешь, как окажешься в его уютной постельке. А Вермара все равно выставят, в конце концов.

- Что же мне делать?

Интента в отчаянии посмотрела на подругу, нервно хрустя пальцами. Ей прямо сейчас надо было бежать признаваться – или к Кетиму, или к ректору, на худой конец, и просить о помощи его. Но к кому бы из этих двоих она не пошла, закончится это плохо – к ведьмам-прорицательницам не ходи. Еще и предсказание о скорой помолвке нависло, как грозовая туча.

Выходит, если она сейчас попросит лорда Кетима не увольнять Вермара, то может получить в ответ предложение? А что, с темного станет заключить фальшивую помолвку и прохода ей не давать под таким удобным предлогом. А лорд Маркал? Стоило ли от него ожидать чего-то лучшего?

А потом ее вдруг осенило: помолвка.

- Помолвка! - выдохнула она с улыбкой в пасмурное лицо Амалии.

- Что помолвка? – не поняла белая магиня.

- Помолвленным можно обмениваться кровью. И никакие правила замка это не могут запрещать, – выпалила она. – Все, я побежала к Кетиму.

- Погоди. Интента, стой! - выкрикнула Амалия ей вслед, когда она уже неслась по коридору.

- Нет времени-и-и-и, - помотала головой Интента и, больше не обращая внимания на подругу, бросилась по переходу в восточное крыло замка.

Белый маг закрыла глаза и глубоко вздохнула, а потом с досадой хрустнула пальцами, выскочила в коридор и понеслась вслед за подругой.

Запыхавшаяся Интента ворвалась в ректорат, больше всего опасаясь, что Вермар уже там, но успела. Беспрепятственно пройдя сквозь пустую секретарскую комнату, она заглянула в такой же пустой кабинет проректора и, наконец, нашла тех, кого искала, в комнате ректора. Внутри ярко освещенного просторного кабинета находились четверо мужчин, среди которых вампира не было – лорд Мерсье и лорд Кетим занимали два больших разлапистых кресла. Еще одно кресло стояло пустым перед огромным рабочим столом.

Из мебели в помещении наличествовала также высокая этажерка слева у стены, забитая всевозможными колбами и бутылочками с зельями. В остальном же кабинет оставался свободным – хоть пляши.

Настрой присутствующих, правда, к танцам не располагал. Декан магического факультета стоял возле окна, нервно похрустывая пальцами, а в уголке на стульчике для посетителей притулился юный вампир Имран, испуганно поглядывая на всех по очереди.

- Ах, ты, крысеныш, – не сдержалась Интента, едва увидела его. Мальчик мгновенно спрятал глаза и отвернулся.

- Леди Интента, – одернул ее лорд Кетим весьма холодным тоном, – будьте добры вести себя спокойнее и пояснить, что привело вас в ректорат в этот час.

- Прошу прощения, милорды. Магистр Шанур, добрый вечер, – сказала она, обозначая книксен перед ректором, проректором и деканом.

- Слушаем вас, миледи, – мягко сказал лорд Маркал, слегка пошевелившись.

Почувствовав в нем наиболее доброжелательного собеседника, Интента развернулась к ректору:

- До меня дошла информация, что вы вызвали в ректорат магистра Вермара по подозрению в обмене кровью.

- Это правда, леди Интента. У вас есть, что сказать по этому поводу?

Ректор смотрел на нее все еще мягко и очень спокойно, но она чувствовала, что все происходящее ему неприятно. Он сидел немного боком к лорду Кетиму и как будто стремился отгородиться от него.

- Да, у меня есть, что сказать. Кровь магистру Вермару дала я. И я дала ее потому...

Шум из приемной не дал ей договорить. Головы трех мужчин повернулись ко входу, где, к изумлению Интенты, первой появилась Амалия Делиор, и уже за ней следом вошел Венсан Вермар.

- Не надо. Не надо, Интента, – с какой-то искусственной, необычно сладкой улыбкой сказала ей Амалия. — Не стоит лгать ради меня. Добрый вечер, лорд Мерсье... лорд Кетим... магистр Шанур.

Белая магиня присела в глубоком изящном реверансе. Магистр Вермар поклонился, также поздоровавшись со всеми своими руководителями.

- Вы не спешили откликнуться на наш зов, магистр, – скрипучим голосом заметил лорд Кетим.

- Я прошу милостиво простить за задержку, но моя невеста разволновалась и настояла на том, чтобы явиться со мной, – ответил магистр Вермар невозмутимым и очень миролюбивым голосом, который так контрастировал с воинственным настроением проректора, что лорд Маркал даже повернул голову в сторону друга и одарил его каким-то колким взглядом, словно пытаясь безмолвно осадить.

У Интенты, тем временем, приоткрылся рот, который она, спохватившись, захлопнула, но все еще смотрела на Вермара и Амалию изумленным взглядом. Появление подруги ввело ее в ступор – уж Амалия-то могла бы спокойно оставаться в тени, ее никто бы не выдал.

- Ваш цветущий вид говорит нам, что вы подпитывались человеческой кровью, – тем временем вставил лорд Мерсье, неприязненно дернув уголком рта. – Извольте объясниться, магистр Вермар.

- Моя невеста дала мне немного крови, ваша светлость. Мы не регистрировали помолвку, поскольку хотели на какое-то время оставить ее втайне, – таким же благостным и изумительно спокойным голосом сообщил вампир, тепло улыбнувшись Интенте.

- Ваша невеста? – речь лорда Кетима сорвалась на какое-то едва ли не змеиное шипение, а глаза заледенели так, что в свете ламп казались непроницаемыми, как специальные отражающие стекла очков.

Пронзенная этим неприятным, страшным взглядом, Интента сделала шаг назад, и неожиданно задела за что-то ногой – а потом приложила и спиной. Услышав, как позади что-то скрипнуло и покачнулось, она ойкнула и съежилась, застывая на месте, но тут лорд Маркал, оказавшийся к ней ближе всех, сорвался с места и буквально выдернул ее в сторону. И сделал он это лишь за миг до того, как на то место, где стояла Интента, с ужасающим грохотом обрушилась этажерка с колбами.

Амалия взвизгнула, но магистр Вермар среагировал так же быстро, как и ректор, обхватив ее рукой за талию, оттащив в сторону и прикрыв спиной от града осколков и шипящего дыма перемешавшихся между собой зелий. А через мгновение кабинет ректора потряс первый взрыв – сдетонировала получившаяся смесь. Девушки снова закричали, на этот раз напуганные всерьез, отчаянный крик раздался также из угла, где сидел мальчик-вампир.

Лорд Маркал громко выругался, употребив выражение, не подобающее венценосной особе. Но лорд Кетим в ту же секунду вскочил на ноги, вперив сосредоточенный взгляд в эпицентр этого хаоса, и с его губ одно за другим уже срывались звенящие заклинания. Пару-тройку мгновений спустя исчезло все – и разлитые шипящие зелья, и дым, и осколки, и перевернутая этажерка. Заклинания темного мага уничтожили даже кусок ковра на месте обрушения, обнажив каменный древний пол.

Изрядно перепуганная, Интента какое-то время просто смотрела на эту каменную плиту, не решаясь сдвинуться с места, и даже не сразу поняла, что находится в крепких объятиях лорда Мерсье. А когда поняла это, залилась обжигающей краской и осторожно пошевелилась, чтобы высвободиться. Но в следующую секунду Маркал перехватил обе ее руки и перевернул запястьями вверх, бесцеремонно отодвигая рукава.

- Что это, леди Интента? – осведомился он, изучая взглядом полустертые следы укуса.

- Лорд Мерсье, позвольте, я объясню вам, – спохватился вампир, осторожно делая к ним шаг. – Дело в том, что леди Интента – наш друг, мой и моей невесты Амалии. Она близко к сердцу принимает все наши тревоги и какое-то время помогала нам скрывать наши... наши чувства. Бросив мимолетный взгляд на белую магиню, магистр снова посмотрел на ректора.

Наблюдая за разворачивающимся спектаклем во все глаза, Интента никак не могла поверить тому, что слышала и видела. Она и не подозревала в магистре Вермаре таких актерских способностей, но глаза не обманывали: он и впрямь глядел на Амалию с такой лаской, в которой вполне можно было заподозрить зарождающуюся влюбленность или, как минимум, крепкую нежную дружбу. Девушка, удивительное дело, отвечала таким же нежным влюбленным взглядом. А Вермар тем временем продолжал:

- Леди Интента настолько щедрой души человек, что она готова была даже признаться в нарушении правил, которого не совершала, лишь бы Амалия могла какое-то время избежать огласки и гнева родственников из-за помолвки со мной. И, как видите, она просто попыталась подделать следы.

- Подделать?

Брови лорда Маркала поползли вверх. С выражением крайнего изумления он уставился на Интенту, которую фактически все еще обнимал. Похожее выражение лица она последний раз видела у актеров на популярном спектакле о заколдованной принцессе – в тот самый момент, когда невеста посреди свадьбы внезапно превращалась в неопишумую тварь.

Чувствуя, как горят уже не только щеки, а даже кончики ушей и корни волос, Интента начала задыхаться, не зная, что сказать. Но тут к ректору уже шагнула Амалия:

- Ваша светлость, если позволите...

Проворно стянув с левой руки перчатку, белая магиня протянула собственное запястье, на котором отчетливо виднелись припухшие, воспаленные и красные следы свежего укуса. Переведя взгляд с этих следов на запястье Интенты, где оставались две маленькие темные полустертые отметины, лорд Маркал испустил длинный тяжелый вздох и отпустил ее руку – а затем отступил на пару шагов назад, окинув взглядом всю троицу сразу.

- Магистр Делиор и магистр Вермар, я понимаю ваше желание держать помолвку в секрете и с уважением отношусь к личной жизни. Однако и вы впредь будьте добры относиться с уважением к ректорату и сообщать о подобных вещах хотя бы мне лично или вашему декану, – кивнул Маркал на магистра Шанура, который все ещё предпочитал изображать изваяние у окна, не вмешиваясь в разговор.

- Я приношу вам всем глубочайшие извинения. Леди Интента, надеюсь, и вы простите нас за то, что невольно вмешали вас в этот обман, – приложив руку к груди, продолжил Вермар.

- Разумеется, магистр, - прошелестела она, изучая взглядом лишь носки своих туфель.

- Идите, - устало махнул рукой лорд Маркал и, когда они уже были в дверях, окликнул вампира, - Магистр Вермар, будьте любезны проводить дам до их комнат, особенно леди Интенту. С нее, боюсь, станется ещё что-нибудь опрокинуть по дороге.

Трое учителей в полном молчании спустились по лестнице и, не сговариваясь, направились в западную часть академии самой долгой и самой безлюдной дорогой - через сады.

- Кто-нибудь объяснит мне, что происходит? - не утерпев, прошептала Интента, как только они оказались снаружи, на свежем воздухе. Луна светила так ярко, что почти ослепляла, шумел поднимающийся ветерок, но они тут же ступили под сень фруктовых деревьев, и все погрузилось в полумрак и тишину - только хвоя, осыпающаяся на дорожку, и песок хрустели под ногами.

- Ну... мы все переиграли, - с неожиданно веселой улыбкой сообщила Амалия.

- Это я заметила, - не разделяя веселья, ответила Интента. - Но зачем? Зачем тебе так рисковать, Амалия? Если твои родственники и впрямь узнают, у тебя будут неприятности.

- Неприятности? - На этот раз смешок у белой магини вырвался нервный, - Интента, боюсь, ты не понимаешь, о чем говоришь. Если мои родственники решат, что я помолвлена с вампиром, у меня не будет никаких неприятностей.

- Правда?

Интента слышала о том, что вотчины постепенно становятся более толерантными, развивая товарный и культурный обмен, но понятия не имела, что белые маги стали терпимы к вампирам. Она невольно высоко подняла брови и даже остановилась посреди темного сада.

По ее прикидкам, они прошли полпути и оказались в том месте, куда вели двери из большого бального зала, закрытого на реставрацию. Скамеечки, старый фонтан и пара статуй здесь выглядели совсем не ухоженными и слегка заросшими, но разглядеть все хорошенько было сложно из-за темноты: лунный свет еле проглядывал через густые нависающие ветви деревьев.

- Правда? - передразнила Амалия. - Конечно же, правда! Какие неприятности могут быть у мертвых? Мой отец прикончит меня. В лучшем случае меня навсегда выгонят из вотчины.

Оторопев от того, как быстро подруга перешла от веселья к гневу, Интента шагнула назад и, почувствовав, как слабеют ноги, села на ближайшую лавочку.

- Будь добра не кричать на меня. Я не просила тебя являться в ректорат и прикидываться чокнутой укушенной невестой, - поджав губы, выдавила она.

- А я не просила тащить меня днем с собой, когда тебе втемяшилось быть чокнутым укушенным другом!

- А я... - начала Амалия снова, но осеклась, когда ее прервал хриплый смех вампира. Обе девушки повернули голову и удивленно воззрились на Венсана, который стоял в двух шагах и буквально лопался от смеха, наблюдая за их перепалкой. Заметив, как они смотрят на него - сначала изумленно, а потом гневно, он поднял руки вверх:

- Прошу прощения, леди, но вы обе восхитительны, - все ещё задыхаясь от хохота, проговорил он. - Никто в целом мире не заботился обо мне так, как вы, с тех самых пор, как моя матушка отняла меня от своей яремной вены.

Амалия приоткрыла рот, а затем закрыла его ладонью, и на ее лице появилась яркая гримаса инстинктивного отвращения:

- Фууу!

Вампир взорвался новым приступом хохота, на сей раз сгибаясь пополам. Интента укоризненно посмотрела на него и перевела снисходительный взгляд на подругу, закрывшую рот рукой:

- Он шутит, Амалия. Вампиры не кормят детей кровью, и жажда у них просыпается только во взрослом возрасте. Разве ты не знала?

- Богиня! Нет, не знала - я не зачитываюсь их стремной сентиментальщиной, в отличие от тебя. А я представила, что... фууу, - Амалию снова передернуло, и она гневно воззрилась на вампира, - хватит! Прекратите смеяться надо мной, магистр. Это было отвратительно.

- Но вы теперь моя невеста, дорогая. Обожайте меня таким, какой я есть, - оскалился Вермар, обнажая клыки, зашелся в новом приступе смеха и даже закашлялся.

- Ну, хватит, хватит, – остановила его Интента, заметив, что ее подруга практически дошла до белого каления и вот-вот, чего доброго, взорвется каким-нибудь заклинанием в сторону вампира. - Лучше объясните мне, чего ради вы это вытворили?

Все еще тяжело дыша, Амалия ещё пару мгновений испепеляла взглядом вампира, но затем перевела его на подругу:

- В твою помолвку с Венсаном никто не поверил бы, ясно? Вас много раз все видели вместе и... ну, в общем, это очевидно, что вы не увлечены друг другом, хоть и дружите.

- А вы, значит, увлечены, да? - фыркнула Интента.

- А нас вместе никто не видел. И в ближайший месяц не увидит – я уезжаю, – подняла руки Амалия. - Кроме того, у нас отличная легенда для ректора: мы делаем вид, что мы не вместе.

- А когда ты вернешься?

- Когда я вернусь, тогда и будем думать, – отрезала Амалия, не глядя на Вермара. Но вампир смотрел на нее, заметила Интента. На его губах играла веселая улыбка. А во взгляде ей почудилось нечто новое, чего она прежде у магистра в глазах не замечала.

ГЛАВА 15.

На следующее утро Интента, как нарочно, проснулась едва ли не раньше обычного, и не смогла снова задремать, сколько ни крутилась в кровати. Предстоящая поездка в Нуаресс с Черным лордом нервировала ее, особенно с учетом вчерашнего. О том, что произошло в ректорате, даже вспоминать не хотелось – подумать только, она разгромила пол кабинета, ещё неизвестно, сколько стоили все эти колбы и зелья – возможно, целое состояние.

Как же вышло, что стеллаж оказался так плохо закреплен и почему она уже второй раз в присутствии лорда Маркала становится такой же грациозной, как косолапый орк? А ещё он, казалось, обо всем догадался – не говоря уж о лорде Кетиме. Тот, правда, в первый момент решил, что невеста – это она. И был в такой непередаваемой ярости – почему?

Измученная всеми этими мыслями и переживаниями Интента встала, надела первое попавшееся платье и отправилась на прогулку. Солнце едва взошло, и еще слегка мокрая трава быстро намочила ей подол, но она все шла и шла через поле, напряженно обдумывая все накопившиеся мысли, переживая все, что произошло накануне – начиная от завтрака с лордом и заканчивая прощанием с Амалией, которая теперь, должно быть, уже на полпути к Нуарессу – накануне магиня упомянула, что ее утренняя карета отбывает затемно.

Амалия и Венсан, конечно, все сделали верно – в ее влюбленность в магистра, действительно, было бы трудно поверить, как и в то, что он испытывает к ней чувства. Но все же на какое-то краткое время она поверила, что спасена, что предсказание Просветленного можно так просто обойти, заключив поддельную помолвку с вампиром. Чем не темный обещанный ей жених? Да, пожалуй, что она даже была раздосадована вмешательством Амалии, как не пыталась скрыть это от друзей и от себя. А все потому, что явственно ощущала опасность и отчаянно искала спасения.

Вновь вернувшись мыслями к вечерним событиям, Интента вдруг вспомнила, как лорд Маркал держал ее в объятиях – тогда она была слишком напугана, чтобы думать об этом, но в памяти сохранилось тепло и надежность его рук, которые спасли ее от падающего стеллажа и деликатная нежность, с которой он обнимал ее. И его запах... помоги ей дух, как от него приятно пахло. Она не понимала, чем – то ли мыло, то ли духи, то ли какая-то магическая эссенция для волос, но это было невообразимо вкусно.

Подумав об этом еще пару мгновений, Интента вдруг испытала непреодолимый соблазн сделать нечто, что Просветленный не одобрил бы. Украдкой оглянувшись, созерцающая убедилась, что была совершенно одна в доброй миле от замка. Огромное поле осталось позади, а впереди маячил перелесок, за которым начиналась деревня. Безлюдное, тихое место, особенно в эти ранние часы.

Быстрым шагом подойдя к ближайшему дубу, Интента погрела ладони и прижала к стволу. Невеликая магия – всего лишь небольшой обмен энергией, уговаривала она себя перед тем, как закрыть глаза и позволить сонному настроению дерева увлечь себя в глубокое созерцание памяти. И почти сразу оказалась там, где хотела. Она не совершала никакого преступления, всего лишь слегка потакала соблазну снова пережить пару приятных мгновений и досмотреть то, чем не успела насладиться.

Интента снова была в кабинете ректора – за миг до обрушения стеллажа. Она находилась в своем теле, но на этот раз не зависела от него. И, глядя в полные гнева глаза Кетима, одновременно видела и взгляд ректора – встревоженный, немного нахмуренный, и тоже направленный на нее. Теперь она видела, как Маркал среагировал на ее неловкое движение и вскочил еще до того, как стеллаж начал накреняться.

Через мгновение он уже прижимал ее к себе. Его левая рука обхватывала талию, а вторая мягко легла на затылок и прижала ее лицо к его груди – или она сама прижалась, инстинктивно отворачиваясь, прячась от осколков. Ее щеку ласкал бархат его жилета, а здоровенная ладонь погладила по волосам сверху вниз... надо же, она этого даже не почувствовала, не запомнила. Понимал ли он сам, что делает?

Интента остановила время и на миг заглянула в лицо лорду Маркалу – он улыбался. От него восхитительно пахло, его руки нежно обнимали ее и, вздрогнув, она поняла: ей хотелось бы надолго задержать это мгновение. Возможно, даже сохранить его в памяти навсегда.

Распахнув глаза, она какое-то время просто прижималась лбом к дереву, разглядывая зигзаги рисунка на коре двадцатилетнего дуба, рассеянно погладила ее пальцами и снова закрыла глаза, на этот раз не созерцая и не думая ни о чем, кроме одного: как же так вышло, что она сама не заметила, как влюбилась? И можно ли теперь от этого спастись?

Обратно через поле она шла очень медленно, погруженная в растерянную задумчивость, собирая душистые травы и растирая их в пальцах, чтобы вдохнуть аромат и хоть на несколько мгновений выгнать из памяти запах Маркала, который преследовал ее после сеанса созерцания у дуба.

Интента старалась не ругать себя за это, но, конечно же, понимала, что сделала глупость – подобные погружения впечатывали событие в память втрое сильнее, и вместо того, чтобы аккуратно прикурить пламя своей страсти, она невольно раздула его.

А отдаваться на волю каких бы то ни было страстей, влюбленности, привязанности к кому-либо – это деградация созерцателя внутри нее. Это отбрасывает назад, ослабляет, делает невозможной практику полноценных медитаций и, конечно, ухудшает ее возможности по созерцанию. Интересно, это и есть то самое испытание, которое уготовил ей Просветленный?

Полная тревожных предчувствий, осознания полной своей ничтожности и раздражения в связи с этим, Интента вернулась в замок. Время близилось к завтраку, и, пересекая холл, она услышала приглушенные голоса горничных из гостиной, но многие обитатели западного крыла еще, конечно, спали, поэтому на втором этаже, когда она взлетела по лестнице, царил полная тишина, и цоканье каблучков гулко и звонко отдавалось от стен галереи.

Уже поворачивая к своей комнате, она вдруг услышала звуки шагов на лестнице, ведущей с третьего этажа – оттуда, где располагалась спальня лорда Мерсье и другие помещения, находящиеся в его личном распоряжении. И словно что-то дернуло, когда стало понятно, что это женщина: ее чуткое ухо различило шелест юбок, да и шаги были намного легче мужских.

С колотящимся сердцем Интента поняла, что надо уходить, но не смогла сделать ни шагу, словно кто-то заколдовал ее, приковал к месту. Поэтому вместо того, чтобы бежать, она медленно повернулась и пару ударов сердца спустя встретила взглядом со своей студенткой Аннет, которая накануне на ее глазах флиртвала прямо на уроке литературы. Вид ее, хоть и не был совсем непристойным, все же указывал на весьма распущенное для студентки поведение: губы распухли, лицо не припудрено, щеки красные, длинные золотистые волосы кое-как перехвачены лентой и находятся почти в полном беспорядке, платье измято. Было совершенно очевидно, что ночь девушка провела не в своей постели.

Застигнутая преподавательницей практически на месте своего грехопадения, фея вздрогнула и замерла, в первый момент как-то съежившись, но затем резко подняла подбородок и наградила Интенту вызывающим взглядом. Затем девушка так же резко повернула голову в сторону, развернулась и, ускорив шаг, бросилась по коридору в противоположном направлении.

Фея уже убежала, а созерцающая все стояла, под влиянием того же неведомого колдовства прикованная к месту, тяжело дыша и не в силах даже закрыть слегка приоткрытый рот, потому что казалось, если она сомкнет губы, то немедленно задохнется. Как всегда в подобных случаях, Интента могла немного замедлить свои эмоции, благодаря специальной технике, которую созерцающие проходили едва ли не в младенчестве.

Эта техника называлась «выбор» и защищала психику от чересчур сильных неконструктивных эмоций, сглаживая дальнейшие переживания. Смысл ее был в том, чтобы дать себе время на поиск альтернативной реакции в шокирующих обстоятельствах. Ей нужно было срочно найти альтернативу чувству беспомощности и унижения, потому что нет ничего хуже, чем чувствовать себя оскорбленной жертвой. Но что еще она могла почувствовать после того, как предавалась мечтаниям о лорде Маркале в то самое время, как он развлекался в постели со студенткой? Она могла противопоставить этому только искреннюю злость.

«Не поеду с ним никуда. Не поеду», – процедила себе под нос Интента, сознательно впуская ярость в свое тело, позволяя кулакам сжаться, а зубам – слегка заскрипеть. Но тут снова послышались звуки шагов и прежде, чем она успела опомниться, на галерею с нижней лестницы шагнул лорд Маркал – усталый, задумчивый, в запыленном костюме – явно не такой, какого она представляла секунду назад, полагая, что он у себя в спальне. Его лицо при виде созерцающей сначала отразило искреннее удивление, а затем – радость:

- Леди Интента, как удачно, что я вас встретил, – начал он, не заметив ее состояния. – Боюсь, нам придется отложить поездку на вечер – я всю ночь провел на заводе из-за аварии.

- Аварии? На заводе?

С ее лица отхлынули все краски, когда до Интенты дошло: ббзбзбг его не было в спальне всю ночь. От кого бы не уходила с утра Аннет – это был не Маркал. И ее сердце сделало кульбит.

- Да, у нас тут пивное производство, вы, наверное, слышали. И там поздно вечером обнаружилось неполадки оборудования... сразу в виде взрыва, к сожалению, – сказал он, подходя немного ближе, и теперь Интента хорошо видела вымоченный утренней росой плащ, и его всклокоченные волосы. А ещё на лорде Мерсье был вчерашний жилет, и это окончательно убедило ее, что он не заходил в свою спальню с вечера.

- Какая жалость. Надеюсь, никто не пострадал? – сказала она, стараясь держать брови

сдвинутыми и не улыбаться глупой улыбкой, абсолютно неуместной в таких обстоятельствах.

- К счастью, нет, но серьезно пострадало оборудование, так что мне пришлось распорядиться о ремонте и покупках. Надеюсь, что не создал вам неудобства этой переменной планов, но мне надо немного передохнуть.

- Разумеется, милорд. Я уверяю вас, что найду, чем себя занять.

- Что ж, тогда хорошего дня.

Он повернулся и скрылся на лестнице, но перед этим посмотрел на нее так, что у Интенты едва не остановилось сердце. Ей показалось, что лорд Маркал едва ли не впервые бросил на нее простой взгляд, полный искренней симпатии, без каких-либо пошлых подтекстов и иронии. Может, это с ним случилось от усталости? Но так или иначе, она сразу ответила простой доверчивой улыбкой, что было, конечно же, весьма неосмотрительно.

ГЛАВА 16.

Ульрис Кетим, плоть от плоти и кровь от крови самых жирных сливок общества темной вотчины, был плодом жесткого традиционного воспитания – скорее даже его жертвой. Ни мать его, ни отец, ни их отцы и матери понятия не имели, что значит любить. Основным своим занятием и целью жизни они полагали сохранение и преумножение влияния и достояния семьи. Они ревностно следили за соблюдением приличий – так, как это понимали и сбережением репутации рода – в том виде, в каком она досталась им от предков. Детей приучали к соблюдению этикета едва ли не с пеленок – каждый из них был представителем всей семьи, а значит, не имел права ни на какие оплошности.

Так, например, Ульрис с трех лет узнал, что девочек бить нельзя. Тогда ему это казалось в высшей степени несправедливым, учитывая, что его постоянно лупили собственные старшие сестры – не руками, конечно, а заклинаниями, оттачивая свои навыки на беспомощной жертве. Но стоило лишь замахнуться на них в ответ каким-нибудь простеньким водным шаром, как он оставался без сладкого или, что ещё хуже, получал огромный водный шар в лицо от отца у всех на виду. И захлебывался потом, как притопленный щенок, сплевывая воду на четвереньках под мерзкое девчоночье хихиканье.

Когда ему исполнилось четырнадцать, и он поступил на обучение в Королевскую магическую академию, Ульрис установил собственные правила. Он поклялся себе, что не коснется даже самым слабым атакующим заклинанием ни одной женщины, покуда она не нападет сама. Но стоило кому-нибудь сделать малейший выпад в его сторону, как он бил наотмашь жесточайшим образом – всем, что приходило в голову, от отравляющих до обжигающих и даже разъедающих кожу заклинаний.

Разумеется, Кетим никогда не использовал того, от чего не мог предложить противоядия, но несколько крайне неприятных минут любому нападающему обеспечивал. Он, к тому же, не реагировал ни на какие наказания, которыми пытались его усмирить профессора, так что вскоре вся академия знала, что с ним связываться себе дороже.

Делия Серебрянко этого, разумеется, не знала. Когда наутро после восхитительной ночи Кетим сообщил прелестнице, что ее успехи в улаживании его тела не означают автоматического вида на жительство в замке Мерсье, фея рассвирепела и попыталась ударить его какой-то пылью. Делия, вероятно, ожидала, что в худшем случае он отобьет нападение, а в лучшем заклинание заставит его хорошенько почихать прежде, чем темный маг сможет прошептать антизаклятие.

Не рассчитала она лишь одного – молниеносной, годами натренированной реакции и привычки Ульриса всегда наносить ответный удар, не давая скидок ни на возраст, ни на пол соперника, ни на его явную слабость в магической практике. Получив два удара крапивницей по обеим щекам, фея сначала задохнулась от первого шока, а сразу затем завизжала от боли. Кетим несколько секунд наблюдал за феей без малейших признаков жалости на лице – как она мечется, полуголая, по комнате, вслепую пытаясь отыскать воду, как окунает лицо в умывальник, пытаясь охладить горящие щеки.

Но вода лишь усиливала боль от крапивницы, так что Делия, в отчаянии взвизгнув ещё громче, наконец бросилась к нему, уже почти ничего не видя и, рухнув на колени, вцепилась в край мантии:

- Пожалуйста... пожалуйста... Я прошу прощения.

- Еще бы, – с кривой ухмылкой фыркнул Кетим и легким движением руки ото лба девушки до ее подбородка снял эффект заклинания.

Мгновенно отпустив его мантию, она мешком обрушилась на пол и какое-то время шупала лицо, а потом, пошатываясь, поднялась и бросилась к зеркалу. И только когда убедилась, что с кожей все в порядке, повернулась к магу. Ее взгляд теперь выглядел иначе – немного испуганным и слегка заискивающим:

- Прости меня, я не подумала.

- Естественно, милая. Ты ведь создана не для того, чтобы думать, верно? – сказал он, указывая глазами на постель.

- Хочешь еще? – удивилась Делия, но тут же выпрямила спину и обворожительно улыбнулась: было заметно, что в такой ситуации фея всегда в своей тарелке.

- Не сейчас, – сказал Кетим. – Но к вечеру ты снова мне понадобишься.

- Позвольте мне остаться, ваша темнота, и вы не забудете эту ночь никогда, – улыбнулась фея, шаловливо накручивая прядь на пальчик.

- Я и так не страдаю провалами в памяти, крошка, – хмыкнул он, приближаясь к ней, но не

прикасаясь, только пристально глядя снизу вверх, - и нет, ты не останешься, потому что лорд Мерсье велел тебе убратся.

С наслаждением вдохнув ее гнев, всколыхнувшийся вновь после этой фразы, Кетим подмигнул девушке, блаженно улыбаясь:

- Но я, так и быть, устрою тебя в моем доме в Нуарессе, если будешь хорошо себя вести.

Фея размышляла не более двух секунд. Вновь окинув его взглядом, полным томления, она высунула язычок и провела им по своим розовым губкам:

- А как же ночью, милорд? Ночью вы тоже ждете от меня хорошего поведения?

- Нет, моя прелесть, я жду, что ночью ты будешь такой плохой, какой только сможешь, - улыбнулся Кетим, покровительственно погладив ее по голове.

Четверть часа спустя он уже посадил Делию в одну из своих самоходных карет с кучером, отправив вперед себя в Нуаресс. И лишь убедившись, что фея точно отбыла, направился в академию - разгребать вал накопившихся бумаг. Накануне у него вышла весьма неприятная беседа с Маркалом, и если с утра Ульрис ещё думал как-то уломать его оставить златовласку в замке, то к вечеру стало понятно, что лучше об этом не заикаться.

Слишком долго Маркал был его самым близким другом, чтобы ссориться из-за всякой ерунды, вроде гуляющих девок. Хватило того, что они сцепились из-за вампира и маленькой леди-созерцающей.

- Ты что, позволишь им надуть себе в уши этим ветром из гномьей жопы? - взорвался Кетим, как только они с Маркалом остались вдвоем. - Он же пил ее кровь.

- Они помолвлены, - устало сказал Маркал, потирая лицо своей здоровенной пятерней. Кетим стиснул зубы, усилием воли унимая бешенство:

- Я не про Амалию. Интента давала ему кровь, разве это не очевидно?

- Я этого не знаю, - раздраженно бросил Маркал. - У нее следы на руке затертые.

- Да потому, что их затирали, - рявкнул Кетим.

- Не ори на меня! - взревел в ответ Маркал так, что задрожали стекла, и резко встал, выпрямляясь.

- Ладно. Извини, - тут же понизил голос Кетим, подняв обе руки в воздух, - Я просто не хочу, чтобы какой-нибудь кровосос слопал тут созерцающую у нас под носом. Сам знаешь, что после этого сделает с нами Просветленный в Совете лордов. Тут камня на камне от академии не останется.

- Никто никого не слопает. Ты прекрасно знаешь, что если Интента и дала ему кровь, то добровольно.

- Не если, а точно дала, - пробурчал упрямо Кетим, отходя к окну.

- И ты это знаешь, потому что сам все организовал, да?

Под внимательным взглядом Маркала Кетим слегка смутился и отвел глаза, делая вид, что засмотрелся на звезды:

- Ладно, забудем об этом.

- А еще Афрон мне сказал, что ты прячешь у себя в комнате Делию.

- Прячу? - изумился Кетим, и весьма искусно, учитывая, что ожидал этого вопроса, - Да, помилуй, как же ее спрячешь, когда она поперек кровати растянулась и храпит, будто и не фея вовсе, а кикимор какой-то? Хочешь - иди, посмотри, какие между нами могут быть секреты?

- Не хочу. Ты знаешь, что я имею в виду - я велел отослать ее. И какого кикимора ты помешал моему камердинеру это сделать?

- Ну, это был порыв страсти, - не моргнув глазом, ответил Кетим.

- Чего порыв? - переспросил Маркал, и его лицо искривилось с такой смесью скепсиса и злости, что темный маг сразу же махнул рукой и обещал отослать фею в Нуаресс.

Сразу за этим Маркал хотел что-то еще добавить, насчет леди Интенты, но в это самое мгновение его катушка подпрыгнула на столе, и больше они ни о чем не успели поговорить – пришло сообщение об аварии на заводе.

«Леди Интента... леди Интента», – пробормотал Ульрис себе под нос. Ее взгляд на Маркала о многом сказал ему накануне, но даже ради друга темный маг не собирался отказываться от охоты за столь интересной целью. Наоборот, теперь он решил активизировать усилия в этом направлении после того, как столь долго выжидал.

Пожалуй, что те взгляды, которыми обменялись Маркал и Интента, даже подзадорили его – давно уж лорд Кетим не находил ничего особенно интересного в соблазнении никем не заинтересованных девиц. А вот влюбить в себя девушку, уже соблазвившуюся кем-то другим – такая цель могла всерьез увлечь его. Тем более, что он лично взрастил достойного себя соперника, но еще ни разу не вступал с ним в настоящее соревнование.

Разгребая корреспонденцию в своем кабинете все утро, Кетим не переставал размышлять об этом, а затем вернулся в западное крыло замка, где отыскал поочередно трех горничных, которым постоянно хорошо приплачивал к жалованью за то, чтобы держали ушки на макушке. И через полчаса знал все о том, как проводила день леди Интента: и о том, что «изволила прогуливаться утресь» и «чегой-то с деревцем обнималась, как заполошенная», и о том, что ушла в деревню после завтрака, а также и о том, что леди намеревалась вечером отбыть в Нуаресс с лордом Мерсье.

Последним обстоятельством Кетим оказался весьма удивлен, и его глаза мгновенно превратились в щелки. Он вспомнил о том, как Маркал уверял его за ужином, будто совсем не заинтересован, и на секунду почувствовал себя так, словно его ученик уже превзошел учителя и вонзил кривой кинжал ему между лопаток. Но тут же ухмыльнулся: нет, игра только начиналась. Просто оказалась, что его слегка опередили в начале, что, в общем, ерунда, ибо легко поправимо.

Более не задумываясь, Кетим зашел в свою спальню лишь затем, чтобы сменить мантию на плащ, поскольку небо слегка нахмурилось, и спорым шагом направился на выход из замка, а затем через пустырь в деревню. Пройдя путь примерно до половины, темный маг сделал небольшую остановку посреди поля и поднял голову, уставившись пристальным взглядом на серые облачка. Небо выглядело так, что следовало ожидать дождя – но, скорее всего, несильного и, возможно, не скоро.

Прикрыв глаза, маг вдохнул, набирая энергию от земли. За такие штуки, конечно, можно было и поплатиться временным ухудшением здоровья, но Кетим редко позволял себе подобное, а потому надеялся избежать возмездия природы. Еще несколько полных вдохов – и нужное заклинание задрожало на кончиках пальцев. Воздев руки к небу, Ульрис громко произнес древние слова – простые, известные каждому темному магу.

Погодные заклинания всегда были столь же элементарны в произнесении, сколь бесконечно сложны в сопровождении нужным потоком энергии от земли, даже зачерпнуть который мог далеко не каждый. Но Ульрис Кетим это умел – и наверх к облакам от его пальцев потекли яркие синие-белые струйки, а затем тучки буквально на глазах стали расти, сердито закружились и угрожающе потемнели.

Оценив результат своих действий очень довольным взглядом, темный маг вздохнул и покачал головой:

- Как же я хорош, раздери меня верховная ведьма. Жаль, никто не видел.

Впрочем, Кетим по обыкновению слегка кокетничал, даже перед самим собой – заклинание сверкнуло столь яркой вспышкой, что его заметили многие – другое дело, что далеко не все сельчане и обитатели замка, кому полоснула по глазам молния, могли понять, что это такое было.

К тому времени, как Ульрис пришел в деревню, первые капли дождя уже падали на землю. Прямоком направившись на местную ярмарку, где сельчане, встревоженные резкой переменой погоды, спешно сворачивали свои лотки и скатерти, он без труда нашел там Интенту. Созерцающая укрылась под единственным навесом со столиками, где в хорошую погоду гости ярмарки перекусывали, а в плохую – пережидали ненастье.

Других точек, где собирались бы не местные, в маленькой деревеньке просто не было, так что вежливое удивление, появившееся на лице Ульриса при виде созерцающей было совершенно неискренним. Другое дело, что отличить настоящие эмоции темного лорда Кетима от ненастоящих вот уже двадцать лет, как не мог никто, включая его родную матушку, и потому он нисколько не опасался разоблачения.

- Леди Интента, какое совпадение. Не знал, что вы тоже любите прогуляться до деревни.

- Лорд Кетим.

Как всегда при виде его магистр подобралась, дополнительно выпрямив и без того прямую спину и настороженно окинула его взглядом – иногда Кетиму казалось, что она ждет физического нападения или атаки с помощью магии. И его крайне интересовало, на самом ли деле созерцающая чувствует, что он способен на такое, или просто страдает повышенной тревожностью?

Будто не замечая ее напряжения, темный безмятежно улыбнулся:

- Похоже, собирается нешуточная гроза. Поразительно, какие сюрпризы иной раз преподносит погода, не правда ли?

- Вы правы, милорд. Кажется, я здесь застряла, – немного растерянно сказала Интента, опустив глаза на подол своего легкого платья, раздуваемого ветром, и обхватила себя руками, потирая замерзшие плечи.

- Позвольте предложить вам мой плащ, – мгновенно отреагировал Кетим, снимая плащ с мягкой утепляющей подкладкой. Он с удовольствием отметил и удивление в ее глазах, и легкое смущение.

- О... это очень любезно с вашей стороны, ваша свет... ваша темность, – поправилась она и поднялась, позволяя ему закутать себя в мягкую темно-коричневую ткань.

- Почему вы так удивленно смотрите на меня, леди Интента? Мне случается быть любезным, – прикинувшись немного обиженным, заметил Кетим.

- Очевидно, что так, – улыбнулась она примиряюще. – Я удивилась лишь нашей встрече.

- Леди Интента, если вы позволите пригласить вас, то всего в двух улицах отсюда есть небольшая секретная таверна. Там теплее и уютнее переждать грозу, чем здесь.

Приложив массу усилий к тому, чтобы выглядеть бесстрастным, Кетим ждал ее ответа. Некоторые колебания так явно отразились на лице, что он едва не расхохотался. Но, прекрасно понимая, что Интента не так глупа, как некоторые студентки, Ульрис быстро опустил ресницы и отвел взгляд, чтобы не выдать себя.

- Секретная таверна? – наконец, нерешительно переспросила она.

- Да, это такое место, где хранятся образцы экспериментальных сортов пива с нашей пивоварни, – с готовностью пояснил он, – Лорд Мерсье, я и некоторые наши друзья иногда наведываемся туда для праздного вечернего времяпрепровождения и необычного угощения. Вы позволите мне провести экскурсию для вас? Если да, то нам следует поторопиться, пока дождь еще не так силен.

Словно в подтверждение слов Ульриса, где-то рядом громыхнул первый раскат грома, и Интента, наконец, кивнула, решаясь:

- Хорошо. Я снова благодарю вас, лорд Кетим.

- Вы часто бываете в деревне? – осведомился он, приподнимая перед ней навес и предлагая свой локоть.

- О да, я люблю прогулки и местную еду. Но я не разу не видела вас здесь, милорд.

- Это, вероятно, потому, что часы нашего отдыха не совпадают. Вам не холодно, леди Интента?

- Нет, что вы, – улыбнулась она с благодарностью. – Это я должна спрашивать – мне, право, неловко оставлять вас без вашего плаща.

- Уверю, я в полном порядке, миледи, – улыбнулся Кетим такой нежной улыбкой, какой только мог, и с удовлетворением отметил, как порозовели ее щеки.

Когда ряды деревенских домов закончились и остались немного позади, они прошли ещё какое-то время по главной дороге, а затем Кетим свернул на еле заметную тропинку, ведущую сквозь перелесок. Какое-то время их защищали деревья, но дождь усиливался с каждой минутой, и тогда он на секунду остановился, повернулся к споткнувшейся об него Интенте, и быстрым движением, не спрашивая разрешения, развязал ленты ее шляпки.

Сняв шляпу с ее головы, он все так же молча накинул на изумленную девушку огромный капюшон своего плаща и быстро завязал шнурок. Протянув ей ладонь, Ульрис крепко взял Интенту за руку, и они почти побежали по петляющей, размокающей на глазах тропинке, пока не выбежали прямо к небольшому свежесрубленному домику с изящным резным крыльцом, покрытым таким же изящным навесом.

Задыхаясь от быстрого бега, леди Интента, все ещё удивленная, смотрела на то, как он достает из-под декоративного брусочка ключ и отпирает дверь.

- Прошу вас, - с улыбкой сказал Кетим, наблюдая за ее реакцией на маленькое приключение и на его поведение на тропинке.

- Благодарю, - чуть суховаато отозвалась она, проходя внутрь. Держась с подчеркнутым достоинством, Интента повернула голову вполоборота, поскольку он стоял теперь сзади, закрывая дверь.

- Наконец-то мы немного полили вашу шляпку, миледи, - с улыбкой сказал он, протягивая ей головной убор.

- Я предпочла бы, чтобы вы в другой раз не брали на себя труд переодевать меня, - ответила Интента, все ещё не глядя в его сторону, - Даже если это продиктовано заботой о вашей любимой шляпке, лорд Кетим.

- Я боялся, что вы простудитесь, - с обезоруживающе честным взглядом ответил он.

Этот взгляд Кетим подсмотрел несколько лет назад у одного редкостного дуболома, служившего при дворцовой канцелярии. Парень отличался такой прямолинейностью, словно весь его разум представлял собой единственную линию, одним концом упирающуюся в упрямство, а другим - в непоколебимое, раз и навсегда приобретенное знание о том, что есть на свете правильно, а что не правильно. Согнуть эту линию, насколько мог заметить Кетим, не умел никто - как и противостоять этому честному взгляду. И не удивительно - за ним стоял чистейший разум, ни разу в жизни не замутненный никакими сомнениями.

На тренировку такого взгляда во всем его совершенстве у Ульриса ушло, как он помнил, не меньше пары месяцев - вкуче с постоянным поглядыванием на первоисточник. Но зато когда вышло - он мгновенно почувствовал эффект. Даже лорды-представители отворачивались на обсуждении крайне важных для королевства вопросов, опуская или отводя глаза, не говоря уж о прочих, менее сведущих в дипломатическом искусстве людях.

Не вынесла этого взгляда и Интента: девушка открыла свой маленький ротик, потом закрыла и прерывисто вздохнула, смуглившись:

- Я не хотела показаться брюзгой.

- Забудем, - безмятежно улыбнулся Кетим и прошел мимо нее вглубь помещения. - Какое пиво вы предпочитаете, миледи? Ягодное, фруктовое, сливочное, натуральное? Есть необычные ароматы: древесный, травяной, даже мятный и цветочный привкус.

- Честно говоря, даже не знаю. Я положусь на ваш вкус, лорд Кетим.

Интента опустила капюшон, не спеша сняла плащ и положила на один из стульев, расположенных вокруг большого дубового стола. Ульрис положил на край ее шляпку и устремился по лестнице в огромный погреб, где хранились бочонки с экспериментальным пивом. Гроза снаружи шумела поистине устрашающе: теперь то и дело громыхал гром, в окнах сверкали молнии, а дождь лупил по крыше так, будто на деревню впервые за два последних столетия обрушился град. Кетим даже замер на месте, прислушиваясь: если и впрямь будет град, придется проворачивать обратное заклинание, иначе в окрестных деревнях перебьет все посевы.

Когда он вернулся с кувшином земляничного пива, Интента сидела возле окна, жадно наблюдая за разыгравшейся стихией.

- Я тоже люблю грозу, - негромко заметил Кетим, поставив кувшин на стол. Его взгляд скользнул по ее влажным вьющимся волосам, слегка присобранным в небрежный узел, но не полностью, так что пряди все равно падали на плечи. На нежных губах в ответ на его слова расцвела доверчивая улыбка:

- Я в детстве всегда сидела у окна, когда шел сильный дождь. А если начиналась гроза с громом и молниями - меня за уши никто оттянуть не мог.

- А я убежал на улицу. Меня наказывали потом, но я все равно убежал. Мне нравилось в грозу промокать насквозь, - сказал Кетим, наполняя две кружки пивом. - Угощайтесь, миледи. Это земляничное - и если не понравится, не стесняйтесь: в нашем распоряжении полный погреб других сортов.

- И что же скажет лорд Маркал, если мы выпьем весь его погреб? - с улыбкой осведомилась Интента, отхлебывая из своей кружки.

- Это наш с ним общий погреб, если быть точным. А весь его выпить мы с вами не сможем, моя дорогая, даже если поселимся здесь на месяц.

- Пиво изумительное. Я и не думала, что этот напиток может мне понравиться. То, что я раньше пробовала...

- Горькое и слишком крепкое? - поддержал Кетим.

- Да. Но это - совсем другое дело. Почти как детский ароматический напиток, только намного вкуснее.

- Когда этот продукт поступит в продажу, мы рассчитываем, что наше пиво начнут пить и женщины, - кивнул темный маг. - Рад, что вам понравилось.

- Спасибо, что угостили меня.

Его взгляд, остановившийся на ее пальцах, обхватывавших кружку, поднялся чуть выше, к запястью, и Интента перехватила его, тут же перевернув руку тыльной стороной. Но сразу подняла настороженный взгляд и выпрямилась.

Кетим ответил прямым взглядом в глаза, которым всегда обжигал женщин, и созерцающая мгновенно отвернулась:

- Вы ведь знаете, что это я дала магистру Вермару кровь? - пробормотала она.

- Разумеется.

- Я должна вам сказать, лорд Кетим, что совершенно не в восторге от того, что вы вчера проделали.

- Я понимаю.

- Нет, вы не понимаете. Это возмутительно, - срывающимся от волнения голосом проговорила Интента и бросила на него краткий гневный взгляд. - Зачем?

- Это сложно объяснить.

- Нет, просто. Вы использовали этого мальчика, вы подослали его ко мне.

- Дорогая леди Интента, - быстро ответил Кетим, отодвигая кружку с пивом, - когда вы таким тоном говорите: «подослал мальчика», мне слышится: «убил и расчленил». Но ведь это обычное дело, к чему столько переживаний?

- Вы спровоцировали меня. Вы...

- Я беспокоился о вас, - перебил Кетим с новым обезоруживающим взглядом. Он излучал спокойствие и искренность с легким налетом вины.

- Как вы смеее оправдываться? Вы же сами и создали опасную ситуацию!

- Вчера я все контролировал. Уверяю, вы были в безопасности, леди Интента. Чего я не могу гарантировать на будущее, пока вы водите дружбу с кровопийцами.

- А с кем надо водить дружбу? - возмутилась она. - С вами?

- Со мной у вас это вряд ли получится, - улыбнулся Ульрис, отхлебывая пива.

- Почему?

По тому, как она сразу нахмурилась, стало ясно, что вопрос вырвался случайно, но тем не менее, Кетим счел этот момент слишком удобным, чтобы не дать ответа.

- Потому, миледи, что мне хотелось бы другого рода отношений с вами.

- Не смейте делать мне такого рода намеки, - резко вскинулась Интента, подскочив из-за стола. Ульрис автоматически встал из уважения к ней, но девушка восприняла это как элемент агрессии и отлетела шага на три, прижавшись спиной к стене.

Кетим наклонил голову:

- Я ни на что дурное и не думал намекать вам, миледи. Но если вам настолько неприятно мое общество, не смею навязываться.

С этими словами он пересек комнату и на глазах у изумленной девушки открыл дверь, выходя на улицу, прямо под стену проливного дождя. Намеренно проигнорировав ее негромкий от волнения оклик, Ульрис закрыл дверь и сделал несколько шагов прочь. Одежда сразу вымокла до нитки и

прилипла к телу, громкость дождя и ветра почти оглушала, но все же он услышал, когда его вновь позвали.

- Лорд Кетим! - прорвался сквозь грохот громкий отчаянный крик Интенты. - Пожалуйста, вернитесь.

Качнув головой, он продолжал стоять там, где стоял, запрокинув лицо. Последний раз он так наслаждался грозой, и впрямь, только в детстве. Тогда, правда, это казалось интереснее, и вода так противно не щекотала шею, затекая под ворот. Или он просто не обращал внимание?

- Лорд Кетим! - прозвучало снова с крыльца, и на этот раз он краем глаза заметил, как Интента спускается с лестницы.

Резко повернувшись, Ульрис щелкнул пальцами и беззвучной молнией переместился на крыльцо, намеренно, на этот раз, пугая девушку. Не удержавшись от вскрика, созерцающая могла бы кубарем скатиться с лестницы, не поймай он ее за талию.

- Осторожнее, - шепнул он и аккуратно поставил Интенту на крыльцо. С них обоих теперь текла вода. Промокнуть так же, как Кетим, она еще не успела, но каштановые волосы уже потемнели от влаги, платье прилипло к груди, и даже на носу дрожала капля воды.

- Зачем вы так со мной? - спросила она с абсолютно беспомощным, как у ребенка, взглядом. Кетим слегка сузил глаза и наклонил голову на бок:

- Вы меня неправильно поняли, леди Интента.

- Я слышала, что вы сказали.

- Я сказал, что не хотел бы дружеских отношений с вами. Я предлагаю вам выйти за меня замуж.

- Что-о-о?

Кетим понимал и полностью разделял то изумление, которое заставило созерцающую широко распахнуть глаза и округлить рот. Секунду назад он и сам не знал, что скажет. Это была чистая импровизация с его стороны - просто как-то вырвалось само. Но теперь, когда уже вырвалось, глядя в ее глаза, полные удивления, он чувствовал, что все правильно. События последнего часа, возможно, один из самых блестящих спектаклей, которые он когда-либо в жизни разыгрывал. А для хорошего спектакля, безусловно, нужен красивый драматический финал.

Ожидая ответа, он опустил ресницы и посмотрел чуть в сторону. Его лицо заранее закаменело - каков будет этот ответ, Ульрис не сомневался. В голове пронеслась пара подходящих фраз, но он знал, что в последнее мгновение снова симпровизирует. Она, разумеется, будет какое-то время мяться, потом медленно подыскивать мягкие формулировки, мучительно долго объяснять отказ. А ему останется только быть трогательно всепрощающим, нежным, добрым и понимающим. Лучше сценария и не придумаешь.

- Лорд Кетим, - тихонько позвала Интента, и он посмотрел на нее, но услышал совсем не то, чего ожидал, - Я должна подумать и... я дам вам ответ завтра.

- Что? - выпалил темный маг прежде, чем успел прикусить язык.

- Я говорю, что мне надо подумать. Понимаю, это звучит не очень-то вежливо, но ваше предложение так неожиданно, что...

- Конечно. Думайте, сколько вам угодно, миледи, - улыбнулся Кетим, как только взял себя в руки. Но внутри него застыло то, что темному магу в последние годы крайне редко доводилось испытывать - полное и абсолютно беспомощное замешательство.

В стремлении скрыть это уязвимое состояние, Кетим проявлял чудеса галантности, высушивая заклинаниями ее одежду, ухаживая за ней, расспрашивая о ее лекциях и учениках. Немного захмелев, Интента даже пригласила его на ближайшее внеклассное чтение, и он заверил, что непременно придет, поскольку весьма наслышан о ее первой лекции.

Он почти ни на минуту не прекращал сыпать шутками и остротами, заставляя ее смеяться снова и снова все то время, что они допивали земляничное пиво, дожидаясь окончания дождя, а затем шли обратно в замок через мокрое поле. И все же, прощаясь с ней, он ощутил секундную неловкость и знал, что она заметила.

- Хорошего вам вечера, моя дорогая, - сказал Ульрис, не пытаясь провожать ее и назначать следующее свидание.

И Интента посмотрела на него испытующе, словно догадывалась, в какую ловушку он попал из-за

ее неопределенного ответа, а точнее, из-за того, что она допустила возможность согласия. Но такое коварство совсем не вязалось с той созерцающей, которую он узнал за последние три месяца – умной, но порывистой и эмоциональной, очень открытой и бесхитростной, даже когда она пыталась схитрить. Строгой, но доброй.

Кетим шел назад к своему кабинету в ректорате, сильнее, чем обычно, печатая шаги. Он презирал всех добрых и отдельно презирал созерцающих, но как-то так вышло, что леди Интенту с самого начала презирать не мог – ни за то, ни за другое. Порой бывал к ней снисходителен, как и ко всем, и все же в целом симпатизировал этой девушке, а он мало кому по-настоящему симпатизировал в жизни, и почти никогда – женщинам. Но и это не отменяло желания рано или поздно заманить ее в свою спальню.

На секунду показалось, что предложение – отличный ход. Он никак не мог влюбить ее в себя, но мог надавить на чувство вины. Если бы она отказала ему, то тем самым вручила бы отличное оружие. И она должна, обязана была отказаться. Они же оба знали, как Интента относилась к нему с самого начала – всегда настороже, глухая оборона. Конечно, созерцающей помогало то, что она видела его насквозь в прямом смысле слова.

Кетим знал, впрочем, что и она слегка симпатизировала ему, но понимал, что даже тени той искры, которая прошла между ней и Маркалом, к нему никогда не пробегало. Он планировал получить ее лишь хитростью, лишь затуманиванием разума, и только на одну ночь – большего и не требовалось. Но теперь забрать предложение назад не мог. В каком-то смысле было бы проще забрать назад грозное заклинание, чем предложение о замужестве.

Древний род Кетим на протяжении веков был первым в темной вотчине в том числе потому, что слово отпрыска этого рода всегда было нерушимым. Ульрис узнал о том, что так должно быть, как только научился говорить – именно поэтому он посвятил столько сил и времени, чтобы научиться вести переговоры. Он мастерски владел искусством намеков, создания впечатления, запудривания мозгов собеседнику так, чтобы он был уверен – речь идет о том-то и о том-то, но при этом никаких обещаний Кетим не произносил вслух.

Потому любому из тех, кто пытался поймать его на несдержанном слове, оставалось лишь досадовать, когда доходило до воспоминаний о том, что в точности сказал Ульрис. А в точности он обычно не говорил ничего, и с девушками вел себя так же. Кетим не считал для себя допустимым нарушать обещания, данные кому угодно и о чем угодно. А предложение о замужестве, безусловно, относилось к числу обещаний. И если Интента согласится, то разорвать помолвку впоследствии сможет только она сама.

Конечно, допускать такого исхода нельзя, мучительно размышлял он, перебирая в голове десятки способов отвратить девушку от себя за короткий промежуток времени, пока она думает. От самого простого, такого, как придушить ее во сне, до самого сложного – такого, как наложить на нее заклинание немедленного равнодушия. И все не годились по тем или иным причинам: убийство, например, не устраивало его по эстетическим соображениям, а заклинание – по маскировочным. Трудно скрыть такое в академии, полной темных. И ещё этот вампир все время рядом крутится, досадовал Ульрис – тот, конечно, почует и слабейшую темную магию на своей ненаглядной подружке.

Пару часов спустя, когда уже начало темнеть, Кетим поймал себя на том, что не работает, а просто ходит по кабинету взад-вперед, разговаривая сам с собой, снова и снова прокручивая беседу с Интентой. Скрипнув зубами, он позвонил своему камердинеру и велел кормить его ужином, а затем готовить карету до Нуаресса. В ближайшие сутки он больше не хотел ни о чем думать, а лишь развлекаться с хорошенькой феей.

ГЛАВА 17.

Еще с утра Интента думала, что будет ужасно волноваться, оказавшись в карете наедине с лордом Маркалом, но к тому времени, как это произошло, у нее не осталось никаких сил ни на смущение, ни на прочие тревоги. Длинный день, полный переживаний, вымотал ее, и обменявшись буквально парой вежливых фраз с лордом Мерсье, Интента надолго замолчала, воспользовавшись тем, что ему пришлось отвечать на три нити подряд.

Черный лорд себе не изменял – и вышел к карете во всем черном. Скользнув взглядом по бархатному плащу, Интента рефлекторно сжала пальцы: каждый раз, когда она его видела, ей хотелось потрогать ткань. О том, хочется ли ей прикоснуться также к самому лорду Маркалу, созерцающая изо всех сил старалась не думать.

Сама она выбрала для поездки удобное муслиновое платье вишневого цвета, поскольку к вечеру потеплело, но на всякий случай прихватила коричневую накидку – одну из обновок, купленных с первого жалования.

Роскошная самоходная карета темно-синего цвета сияла полированными панелями и серебряными вензелями с инициалами лорда Мерсье. Внутри их ждали два уютных диванчика с бархатной обивкой, расшитые подушечки и прохладительные напитки в корзине с волшебным ледяным дымом.

Негромкий, спокойный голос Маркала, которым он обсуждал деловые вопросы, удобно расположившись на диванчике напротив, усыплял ее. Карета мягко укачивала, и скоро ее глаза сами собой закрылись. Какое-то время Интента ещё слышала обрывки фраз, что-то про отгрузки земляники для пива и какую-то рекламную кампанию новой партии текстиля, но затем окончательно погрузилась в сон и очнулась лишь тогда, когда на ее плечо легла тяжелая теплая ладонь. Ее сознания достиг настойчивый голос, на этот раз обращенный к ней:

- Леди Интента. Мы приехали в Нуаресс.

С трудом проморгавшись и оторвав голову от подушки, Интента нашла себя в весьма смущающем положении: она спала, развалившись на диванчике так, что ее ноги лежали поверх длинных ног лорда Маркала, вытянутых для ее наибольшего удобства.

Она понятия не имела, при каких обстоятельствах очутилась в этой позе, но, следовало признать, это выглядело весьма компрометирующе – разумеется, если кто-нибудь заглянул бы внутрь кареты. «Жаль, что лорд Кетим этого не видит – он мог бы мгновенно забрать свое предложение к нашему обоюдному облегчению», – мелькнула неожиданная мысль. Но тут же Интента выбросила из головы темного мага, резко подобрала ноги, едва не свалившись с диванчика, и смущенно посмотрела на лорда Мерсье:

- Простите. Я и не думала засыпать.

- Это вы меня простите, – мягко ответил он, поддержав ее за локоть, – Мне и в голову не пришло осведомиться, достанет ли вам сил в конце дня для этой поездки.

- Я рано встала, – призналась Интента, – но теперь, пожалуй, чувствую себя выпавшейся.

- Если все же вы не настроены на прогулку, я могу предложить тихий ужин и отдых, леди Интента. Мне не хотелось бы утомлять вас.

- Благодарю. Но я вполне готова немного размяться, если только вы сами не передумали, милорд.

- Нисколько. В таком случае – идемте, нас ждет вечерний город, – сказал Маркал, делая знак кучеру, чтобы тот открыл дверцу.

Следующие три часа Интента провела в личном раю. После небольшой прогулки по Нуарессу лорд Мерсье привел ее в крупнейший книжный магазин города и дал столько времени на изучение ассортимента, сколько ее душе было угодно. А больше всего восхитило разрешение брать все, что она считала нужным, для академической библиотеки. И все то время, что она провела в изучении полок, сравнении цен на различные издания и выборе лучших образцов, ее мучило лишь одно: что здесь нельзя поселиться на целую неделю для детального изучения каждой секции и полки.

Сам Маркал довольно быстро ушел на подземные этажи магазина, где располагался отдел иномирной деловой литературы, а Интента начала с отдела созерцания на первом этаже, в ассортименте которого отлично ориентировалась, и без труда выбрала несколько ключевых изданий для библиотеки. Затем она переместилась в секцию художественной литературы и едва не прослезилась: эта секция занимала весь второй этаж и половину третьего.

Когда первый час истек, Интента начала действовать быстрее, а под конец второго – почти лихорадочно. Она боялась, что лорд Мерсье вот-вот скажет: достаточно, и заберет ее из этого удивительного места, а она не успеет осмотреть и половины того, что хотела бы. Но Маркал, казалось, не меньше нее увлекся книгами, поскольку все не появлялось, и остановило ее лишь то, что тележка с книгами внезапно оказалась переполнена, хотя и была заколдована магией на вместимость более двухсот томов крупного размера.

Озадаченная Интента сперва подумала, что тележечная магия дала сбой, но затем, пересмотрев загруженный в нее товар, похолодела: она все же чересчур увлеклась. При входе в магазин ей и в голову не пришло, что можно выбрать столько книг сразу, но, с другой стороны, каждый том, попавший в тележку, Интента полагала совершенно необходимым приобретением, стараясь не жадничать: всего-то три-четыре фолианта из каждого раздела.

Вот только здесь было столько разделов, что и это оказалось чересчур: одной вампирской литературы восемь секций, от древних веков до современных авторов, а ещё романтика и философия, книги периода нарочитости. Но это только вампиры, самые неплодовитые литераторы из всех народов, не считая троллей, а что говорить о творчестве магов, ведьм, эльфов, созерцающих? А ведь она еще даже не заходила в отдел иномирной художественной литературы, но там обязательно нужно набрать хотя бы десяток томов.

Интента растерянно стояла над тележкой минуты две, не зная, что предпринять, а затем, скрепя сердце, начала перебирать ее заново, вынимая некоторые книги, чтобы освободить место. Через пятнадцать минут, сама не замечая, она начала шмыгать носом от отчаяния и всхлипывать, а потом заревела с эльфийским каноническим романом эпохи трех войн в руках, который не могла выложить, но и взять тоже не могла – если хотела оставить хоть немного места для иномирных книг.

- Сударыня, не смейте плакать, – внезапно прошипел кто-то у нее над ухом, и цепкая рука вырвала у нее фолиант. – Не смейте капать своими слезами на книгу. Что за неуважение?

Подняв глаза, Интента даже вздрогнула – таким сердитым взглядом смотрела на нее высоченная, как живая башня, и худая, как ведьминская метла, эльфийка в красной форме – консультант отдела эльфийской литературы.

- Я не капала на нее слезами, – быстро вытирая глаза, сердито ответила она.

- Нет, капали. А вы за эту книгу еще не заплатили, – упрямо заявила эльфийка, демонстративно протирая кожаную обложку романа бархатной тряпочкой.

- Я оплачу ее, когда закончу выбирать покупки, – возмущенно заявила она, протягивая руку, – отдайте мне книгу.

- Когда оплатите, тогда и отдам. Это дорогое издание, его нельзя просто так пачкать.

- Я прошу прощения? – послышалось внезапно из-за ее спины, и Интента резко повернулась: к ним подошел лорд Маркал. Едва завидев его, эльфийка поменялась в лице и застыла с какой-то глупой улыбкой:

- Лорд Мерсье... как мы рады видеть вас в нашем магазине, – залепетала скандалистка.

- Будьте добры, передайте мне книгу, – сказал Маркал, не обращая внимания на этот лепет, и мгновение спустя фолиант переключивал в его руку. Даже не взглянув на обложку, он обратился к Интенте:

- Леди Интента, мы берем этот роман?

- Д... да, – кивнула она, сосредоточившись на протирании очков, чтобы спрятать покрасневшие увлажненные глаза – но он все-таки заметил.

- Почему вы плакали? – растерянно спросил Маркал, резко понизив голос, когда эльфийка ретировалась.

- Ну, дело в том..., – Интента посмотрела на тележку, и беспомощные слезы снова подступили к глазам. Она чувствовала себя ужасно и помотала головой, не в силах произнести что-либо или даже посмотреть на него.

- Миледи, прошу вас, успокойтесь. Если вас обидела эта сушеная дылда, то...

- Нет, не она.

Помотав головой, Интента всхлипнула, закрыла рукой рот и сделала два-три глубоких вдоха прежде, чем снова смогла говорить:

- Боюсь, что из меня плохой помощник, лорд Маркал. Оказалось, я не умею выбирать.
- Я не понимаю, - он перевел взгляд с Интенты на ее тележку и снова посмотрел ей в лицо, - вы же выбрали все эти книги, так?
- Да, но... разве вы не видите, как их много? Тележка уже переполнена. А я еще не была в трех секциях, - прошептала она, огорченно опуская плечи.
- Вы не были в трех секциях? Из скольких? - Маркал обернулся по сторонам, - Восьми? Двенадцати?
- Четырнадцать.
- Но это значит, что вы почти закончили?
- Но - иномирная литература! - в отчаянии простонала Интента.
- Так возьмите вторую тележку, - глядя на нее все с тем же непониманием, предложил Маркал.
- Вто... вторую тележку?
- Вторую тележку, да. Вы же сказали, что первая уже полна, так возьмите вторую, - терпеливо повторил он, - Вам помочь? Я уже закончил, и могу составить компанию. Кстати, у меня тоже две тележки, и в одной из них еще есть место. Идемте. Идемте же, леди Интента.

Его настойчивое подталкивание, наконец, вывело ее из ступора, и они вдвоем отправились дальше. Как ни странно, полчаса спустя выяснилось, что и трех тележек для набранных книг мало, так что Маркал без всякого колебания взял четвертую. Он живо интересовался всеми книгами, которые Интента показывала, и в результате из оставшихся трех секций она, с его разрешения, набрала почти столько же литературы, сколько из предыдущих одиннадцати.

Когда они спустились на первый этаж для оплаты всего приобретенного товара, Интента снова готова была разрыдаться - на этот раз от счастья.

- Вы довольны, миледи? - осведомился он на выходе, когда все хлопоты по оформлению оплаты и доставки их покупок в замок Мерсье остались позади.

Интента молча кивнула, улыбаясь, не желая спугивать словами волшебство момента. Похожего удовлетворения она не испытывала давно - а стоило лишь вспомнить о том, что все выбранные книги в ближайшие месяцы будут в ее ближайшем доступе и распоряжении, и вдобавок представить, как уютно зимой листать хрустящие страницы под потрескивание камина в ее комнате, как счастье накрывало буквально с головой, и даже хотелось смеяться.

Они молча шли по улице, и Интента не сразу поняла, что наступила глубокая ночь - так ярко светила полная луна, так много было вокруг огней и фонарей.

- Который час? - спросила она, встрепенувшись, пытаясь подсчитать, сколько же времени им понадобится на ужин и возвращение в замок.

- Половина одиннадцатого, - ответил Маркал, не взглянув на часы. - Я позволил себе отпустить кучера, миледи - слишком поздно для возвращения в замок. К тому же, не вполне безопасно в полнолуние. Мы переночуем в моем особняке - это рядом, и экономка уже ждет нас с ужином.

Интента открыла рот, но возразить ей было нечего: следовало ожидать, что вечерняя поездка в Нуаресс обернется ночевкой. Да и полнолуние обязывало к мерам дополнительной безопасности - конечно, редкий безумец отправится сегодня среди ночи в долгий путь на самоходной карете. Разве только с вооруженной до рогов охраной из бешеных троллей, которые могли бы выстоять перед стаей оборотней.

- Я не знала, что у вас здесь дом, - негромко отметила она.
- Полагаю, это прозвучит, как хвастовство, если я замечу, что у меня есть дома почти во всех городах, где я бываю по делам?
- Разумеется, лорд Мерсье. Вам следовало бы быть скромнее и останавливаться в гостиницах, - ответила она, не удержавшись от улыбки.
- Но это неудобно.
- Умеренность украшает человека, лорд Маркал, - вздернув брови, сказала Интента скрипучим голосом леди Лизергейн.

- Сказала леди, купившая четыреста восемьдесят семь книг за один вечер, - почти таким же скрипучим голосом отозвался он, и они оба расхохотались.

Все ещё хихикая, Интента остановилась, чтобы накинуть плащ, а Маркал посмотрел сверху вниз на ее лицо, освещенное фонарем, шагнул ближе и вдруг коснулся кончиками пальцев ее щеки:

- Вы очень красивы, леди Интента, особенно, когда смеетесь.

Она подняла глаза, и застыла, когда он обхватил ее голову обеими здоровенными ладонями, но не успела что-либо сказать или сделать. Маркал наклонился, касаясь губами ее губ так быстро, словно крал этот поцелуй, не позволяя ей ни о чем подумать и запротестовать. Он не дал ей возможности даже согласиться и ответить.

Лишь на одно мгновение его теплый рот накрыл ее губы нежным касанием, и сразу затем лорд Маркал выпрямился. Они медленно пошли по улице дальше, так невозмутимо, словно он и не целовал ее, а просто вытряхнул камешек из ботинка. На мгновение Интенте даже показалось, что у нее помутился рассудок, и она выдумала этот поцелуй, поскольку слишком часто мечтала об этом.

Но ей не показалось, и весь остаток вечера сохранялось странное чувство, будто лорд Маркал продолжает целовать ее - только не губами, а взглядом, словами, комплиментами. Он внезапно сделался таким мягким и обходительным, что в это невозможно было поверить. Вся язвительность, все его стремление к издевкам куда-то испарилось, словно это и не он однажды так безжалостно посмеялся над ней на лестнице, а потом снова - ночью, в гостиной замка.

И час-полтора спустя Интента внезапно нашла себя полностью расслабленной и сытой, смеющейся над очередной милой и забавной историей о быте королевской семьи. После двух бокалов великолепного эльфийского вина Маркал, обычно не столь многословный, внезапно разговорился. Интенту завораживало то, с какой простотой он упоминал о короле и королеве, о наследном принце и лордах-представителях.

Каждую минуту ей приходилось напоминать себе, что для него это всего лишь семья, круг друзей и деловых партнеров, а вовсе не небожителей, которыми эти люди всегда представлялись ей. Хотя для созерцающей и не достойно склоняться перед титулами, но все же Интента до сих пор не изжила детское восхищение королевской семьей - и особенно королевой.

- Ваша матушка кажется очень доброй и милой женщиной, - заметила она, задумчиво поворачивая в руке бокал. Вино в неровном свете волшебных свечей слегка искрилось, и Интента смотрела на него, чтобы хоть на какое-то время отвести глаза от Маркала. Она понимала, что находилась под властью его естественного обаяния, а также в некоторой степени - выпитого вина, но никак не могла перестать думать о поцелуе, и снова и снова поглядывать на его губы - полноватые, красивые. Такие теплые и ласковые на вкус.

- Так и есть, - отозвался он, точно также, как она, созерцая свой бокал. - Правда, она бывает временами немного нервной - тревожится обо всех нас понемногу. А ваши родители волнуются за вас? Вы же тут у нас вроде как в логове порока и тьмы.

Интента рассмеялась, реагируя на его шутливую интонацию, хотя и не нашла ничего шуточного в самой фразе. И качнула головой:

- Мои родители - очень уравновешенные люди, довольно близко подошедшие к просветлению. То время, когда они могли тревожиться о ком-либо всерьез, закончилось ещё до моего рождения.

- Должно быть, это немного обидно, - таким же ровным голосом ответил Маркал, внезапно вперив в нее внимательный взгляд. Интента открыла рот, чтобы запротестовать: такое мнение мог высказать лишь тот, кто совсем не понимает сути созерцания и цели жизни Вставшего на путь Просветления. Но под его мягким, полным понимания взглядом так и не смогла произнести ни слова возражения. Из груди внезапно вырвался вздох, и плечи опустились:

- Да, наверное, вы в чем-то правы. Мне бывало холодно в детстве.

- Я прошу прощения, леди Интента, - спохватился Маркал и отвел глаза, - С моей стороны было бестактно...

- Нет, - перебила она, покачав головой и с трудом улыбнулась ему, - все в порядке.

Они посидели какое-то время молча за столом, с которого эконожка уже убрала всю еду, оставив лишь вино, орехи и фрукты.

- Леди Интента, вы выглядите немного уставшей. Я искренне наслаждаюсь вашим обществом, но не хотел бы второй раз за день мешать вам выспаться, - сказал он, наконец.

- Благодарю вас за чудесный ужин, милорд, - ответила она, но помедлила перед тем как встать, сама не зная, чего ждет.

Маркал поднялся из-за стола, обходя его, чтобы подойти, и Интента в очередной раз поразилась тому, каким огромным он выглядел рядом с ней - да и по сравнению с другими мужчинами тоже, с тем же Кетимом, рост которого был едва-едва выше ее. А когда лорд Мерсье стоял рядом, ей приходилось запрокидывать голову, чтобы взглянуть в лицо.

- Не смотрите на меня так. Я ведь не святой, - прошептал он, касаясь ее щеки пальцами, как там, на улице, когда поцеловал. Интента прикрыла глаза - в голове шумело вино, а его пальцы казались такими нежными. Никто никогда не касался ее так ласково. Скосив глаза на дверь, которая оказалась закрыта, она положила ладонь на его плечо, твердое и горячее под мягкой, словно сливочное масло, шелковой тканью рубашки, желая подольше чувствовать это нежное касание и, возможно, получить ещё один поцелуй.

Но в следующую секунду лорд Маркал сжал ее в объятиях так, что она даже испугалась. С неправдоподобной легкостью он поднял ее в воздух и развернулся, усаживая прямо на стол. Интента пискнула и попыталась возразить, выставив вперед руки, но он лишь перехватил их нетерпеливым движением, почти силой отвел в стороны - и его рот обрушился на ее губы.

Поцелуй, который последовал за этим, не имел ничего общего с тем, который он подарил ей на улице. По правде, это не имело ничего общего с любым поцелуем, которые у нее когда-либо были - а Интента Валиар в юности не отказывала себе в поцелуях, так что опыт у нее имелся вполне обширный. То, что лорд Маркал делал с ее ртом, походило на возмутительное нападение - бесстыдное, безудержное и странно демонстративное.

Когда до нее дошло, что он просто пугает ее, нарочито крепко сжимая в объятиях, бессовестно комкая и слегка - но не слишком сильно - задирая юбки, она собралась с силами и смогла слегка отодвинуться, внимательно поглядев на нападавшего:

- А что вы станете делать дальше, милорд? Зарычите на меня?

Он замер, ответив неожиданно недружелюбным взглядом, и Интента подняла брови:

- Так-так. И в чем же дело, лорд Маркал? Или мне следует называть вас «ваше чернейшество»?

- Замолчите, - заревел он так натурально, что она невольно фыркнула:

- Ну вот, теперь вы действительно рычите. Может, и правда, оборотень? Надеюсь, не укусите?

- Довольно.

Его голос изменился, и Интента замолчала. Задиристая улыбка соскользнула с ее губ, уступив место растерянности. Когда лорд Маркал отошел на несколько шагов, она прыгнула со стола и поправила платье, коснулась кончиками пальцев распухших, немного болевших губ.

- Вы разозлились на меня из-за лекции? Решили отомстить? - тихо спросила она, глядя в широкую прямую спину.

- Нет, - глухо отозвался он. - Ваше внеклассное чтение мне не по вкусу, это правда. Но если бы я решил отомстить - вы бы сейчас лежали в моей постели голенькая и тихонечко попискивали от наслаждения.

Интента дернула головой и вонзила ногти в собственные ладони. Ей хотелось бы расхохотаться, фыркнуть ему в лицо и заявить, что этого не могло случиться. Но созерцающие никогда себе не лгут, если не хотят свернуть с пути навсегда, заблудившись в крошечной тьме. Они оба знали, что Маркал был прав. Если бы он хотел - он ещё полчаса назад мог бы усыпить ее бдительность поцелуями и ласками, а затем отвести покорную жертву в свою спальню. Она почти полностью доверилась ему - не хватило самой малости до полной капитуляции и то, лишь потому, что он отказался от решающего удара.

- И что же вам помешало? - хриплым голосом спросила она, смаргивая выступившие на глазах слезы.

- Вы, - яростно процедил он. - Вы с вашими тритоновыми слезами над этими книгами.

- Что?

- Скажите мне, леди Интента, какая нормальная женщина в наше время рыдает над книгами? И какая женщина, ради всего святого, может пройти под руку с самым богатым мужчиной в этой треклятой вотчине по всей Золоченой улице, ни разу не остановившись ни перед единой витриной?

- Золоченой улице? – переспросила Интента, хлопнув ресницами, когда поняла, что не уследила за длинным вопросом. А не уследила она потому, что все ее внимание было привлечено не столько к его словам, сколько к сжатым огромным кулакам и темным глазам, полным гнева. Он и вправду злился – но она никак не могла понять, почему.

- Вот. Вы опять это делаете, – обвиняющим тоном загремел он, – Как, ради богини, вы можете не знать о Золоченой улице? Вы что, вообще не заметили, как мы шли по ней?

- Это было до или после книжного магазина? – решила робко уточнить она, но в ответ его глаза полыхнули так, что Интента сочла за благо отступить на шаг.

Правда, сразу затем он хрипло рассмеялся и покачал головой:

- Вы, и правда, не лжете. Это главная ювелирная улица всего королевства, леди Интента. Здесь, в Нуарессе, живут и работают лучшие мастера.

- А-а, – озадаченно протянула она и пожала плечами, растерянно кивая. – Я не знала.

- Любая женщина это знает. Даже попаданки узнают о Золоченой улице на второй день.

- Выходит, я не достаточно женственна для вас?

- Я хотел купить вам подарок: какие-нибудь серьги или ожерелье, – с блуждающей на лице саркастичной улыбкой пояснил он, пропуская ее вопрос мимо ушей, – Мне было интересно, как долго вы будете отказываться и насколько дорогое украшение выберете после, когда согласитесь.

Интента хмыкнула, качнув головой, чтобы спрятать взгляд, полный тоски:

- Простите, что разочаровала, но мне нет дела до украшений, лорд Маркал. И никогда не было никакого дела. К тому же, когда мы гуляли, вы говорили о том, как открыли свое первое производство.

- И вы меня слушали? – спросил он тоном, полным скептицизма.

- Конечно, слушала. Вы интересно рассказываете.

Слезы подступили уже слишком близко, чтобы она могла продолжать говорить. В горле что-то сдавило и ужасно першило. Интента поняла, что вот-вот разрыдается у него на виду и пошла к выходу из столовой.

У самого порога он окликнул ее, но она качнула головой, не глядя, и прохрипела перед тем, как выскочить за дверь:

- Спокойной ночи, милорд.

ГЛАВА 18.

Лишь оказавшись в гостевой комнате, которую приготовила для нее экономка, и заперев за собой дверь, Интента позволила себе расплакаться. Ей казалось, что лорд Маркал не мог бы ранить ее больше, даже если бы хитростью затащил в свою постель, а потом высмеял. Подумать только, он намекнул на то, что в ней нет ничего женского. Нет, не намекнул – практически сказал прямо. И он даже отказался от мысли соблазнить ее, решив вместо этого просто запугать. Неужели она до такой степени непривлекательна?

Теоретически Интента знала, что женская привлекательность зависит не столько от внешнего вида, сколько от всяческих уловок, природного обаяния, умения завораживать. Но на практике она прежде не сталкивалась с тем, чтобы ее отвергали столь демонстративно из-за того, что она не заметила каких-то там украшений в витринах и невольно показала свою любовь к книгам.

Так плохо ей не было давно. Причем страдала не только та ее часть, которая была уязвлена словами Маркала, но и другая, которая в ужасе наблюдала за этой реакцией и за ее рыданиями. Ее внутренний наблюдатель находился почти в полуобмороке от того, насколько ее чувства вошли в противоречие представлениям Интенты о себе как о созерцателе. Насколько громко что-то внутри нее кричало: «Хочу, хочу! Я все равно с ним хочу, хоть он и мерзавец».

- Ты рехнулась, – прошептала она себе, посмотрев в зеркало на свое зареванное лицо получасом спустя. Кое-как умывшись, все еще икая и вся дрожа от холода, Интента расплела волосы, стянула платье и нырнула в постель, не понимая, удастся ли уснуть, хотя бы на пару часов. Но, к счастью, ее усталость была такой сильной, что ее все же сморило, сквозь все мысли, которые крутились в голове и даже сквозь обиду, которая засела в груди кривым осколком, словно от разъедающего темного заклятия.

А проснулась она снова рано и снова не выспавшаяся. Но, конечно, едва разомкнув глаза, сразу вспомнила о вчерашней беседе с Маркалом, так что настроения нежиться в постели не возникло. Резко подскочив, Интента в рекордные сроки оделась, умылась и взяла сумочку в надежде на то, что хозяин дома еще не проснулся, и ей удастся сбежать. Но, уже спускаясь по лестнице, поняла, что надежды не оправдались: негромкий голос Маркала доносился снизу.

Услышав ее шаги, он появился в проеме двери:

- Доброе утро, леди Интента.

- Доброе утро, милорд, – прошелестела она, едва размыкая губы, но невольно жадно изучая его взглядом в попытке найти следы того, что и он тоже переживал прошедшей ночью. Но лорд Маркал выглядел намного свежее, чем она – хотя бы потому, что сменил одежду. И, похоже, неплохо выспался.

- Прошу вас, присоединяйтесь к завтраку, – пригласил он, слегка отступая, но Интента буквально вросла в пол, понимая, что не желает приближаться к нему даже ради того, чтобы войти в столовую, и покачала головой:

- Я не голодна, благодарю.

- Леди Интента, я хотел бы поговорить с вами. Пройдемте тогда в гостиную, – предложил он, жестом приглашая в другую сторону.

- Я не хочу говорить о...

- Этот вопрос касается вашей работы в Академии, миледи, – перебил он тоном, от которого повеяло холодом.

Больше всего Интенте хотелось выбежать из дома и хлопнуть дверью, но, оценив его тяжелый взгляд, она приняла решение поступить благоразумно. Что бы между ними ни происходило, он все еще ректор и владелец Академии, с которой она связана контрактом. А значит, сила определена на ее стороне.

Проходя за ним в уютную гостиную, Интента невольно оглядывалась вокруг, с любопытством изучая обстановку – обнаружить ничего особенного не удалось, но в целом она нашла комнату весьма уютной за счет хорошей мебели и приятного глазу цветового оформления: много кремового и салатного, занавески фейского шелка, изящные диваны, гномья керамика. И белоснежный ковер эльфийской работы.

Опустившись на краешек кресла с расшитой обивкой, Интента холодно посмотрела на Маркала. Несмотря на то, что в ее планы не входил прямой конфликт, она не намеревалась скрывать свое недовольствие.

Но если он и заметил это, то ничем не дал понять.

- Я хочу снова спросить вас о том, кто дал кровь магистру Вермару. И я хочу на этот раз услышать правду, леди Интента, - внезапно потребовал он, стоя между ней и выходом из комнаты так, будто отрезал путь.

На ее лице отразилось искреннее удивление - она полагала, что речь пойдет об уроках, а к такой теме оказалась не готова.

- Я не понимаю, о чем вы, милорд. Мы, кажется, уже все выяснили, - твердо и сердито сказала Интента, отводя глаза, как только он попытался заглянуть в них. Ее взгляд упал на великолепный камин, керамическая отделка которого была расписана ветками цветов с нераскрытыми бутонами. Кажется, она даже припоминала их название - это были волшебные цветы эмонны, которые как-то раз показывал на уроке магистр Вермар.

- Миледи, я прошу вас посмотреть мне в глаза и сказать, правда ли, что это ваша подруга, а не вы на самом деле дали кровь вампиру?

Голос Маркала налился такой силой, что ей стало не по себе - Интенте и в голову не приходило, что этот вопрос так принципиален для него. Она подняла глаза и нашла на его лице весьма раздраженное, если не сказать - разгневанное выражение.

- Кровь магистру Вермару дала его невеста, магистр Амалия Делиор, - отчеканила Интента, поднимаясь с кресла, поскольку больше не могла сидеть, куда собеседник стоял на ногах.

Маркал смотрел ей в глаза не более пары мгновений - и она не выдержала, вновь отвела взгляд. А он тем временем запустил руку в карман, из которого, к досаде Интенты, появился Мутный камень на цепочке, сияя таким зеленым цветом, как будто изо всех сил прикидывался изумрудом.

- А вы, оказывается, лгунья, - негромко констатировал Маркал.

Разоблачитель всех обманщиков, Мутный камень был одним из сокровищ темной вотчины, возможно, самым полезным ископаемым в этих землях. Он самопроизвольно окрашивался в разные цвета при произнесении разных типов лжи: в красный, если собеседника вводили в заблуждение с корыстной целью, в синий - если хотели манипулировать, в зеленый - если обман имел целью защитить кого-то.

И только в одном случае камень оставался прозрачным или слегка замутненным - если собеседники были более-менее искренни друг с другом, не произнося прямой лжи. Сотни магов веками бились над этим камнем, пытаясь разгадать его свойства и переколдовать так, чтобы научить распознавать и не прямые способы вранья, например, намерение ввести в заблуждение, но пока этого никому не удалось. Так что получение результата требовало прямого вопроса - такого, который только что задал ей Маркал - и прямого ответа, который она, по глупости, дала.

Пойманная на обмане, Интента пережила приступ такого мучительного стыда, какого не испытывала лет с пяти - даже глаза заслезилась. Резко отвернувшись, она обхватила себя руками:

- Что ж... вы меня поймали. И что теперь? Я уволена?

- Нет. Так просто вы не отделаетесь, миледи, - сказал он и усмехнулся, к ее удивлению, а затем не спеша подошел к ней сзади.

- Что вы хотите? - тихо спросила она убитым голосом. С тех пор, как Интента вышла из раннего детского возраста, ее никто не ловил на вранье, потому что она никогда не лгала. Созерцающие не лгут. И она гордилась этим, даже не понимая, что прежде просто никогда не попадала в ситуации, в которых ложь была бы по-настоящему необходима.

- Хм... дайте подумать.

Он стоял теперь непозволительно близко, и его дыхание шевелило волосы на ее макушке, а затем - Интента вздрогнула - наклонился, вдыхая ее запах. Неужели с него станется требовать чего-то непристойного, подумала она.

Теплые пальцы коснулись ее шеи, и она закрыла глаза от невесомой ласки. Ее тело внезапно стало очень легким, и ноги ослабели. Погладив ее кожу, Маркал намотал на палец прядь волос и слегка потянул, склоняясь к уху:

- А на что вы готовы, миледи? - шепотом спросил он, опалая кожу своим дыханием.

Дернувшись всем телом, Интента шарахнулась в сторону и споткнулась обо что-то. В следующее мгновение она поняла, что уже падает, но тут ее подхватили и поставили на ноги. Сбоку что-то

грохнуло и разбилось – обернувшись, она поняла, что это была глиняная ваза на небольшой подставке.

- Чтоб тебя, - прошептала она, обращаясь к расколотому сосуду, тяжело дыша.

Теперь ее чувства невозможно было бы описать как просто стыд – это была целая прорва стыда, позора, вселенской срамоты. В ней и впрямь было не больше женского, чем в косолапом тролле. Она действительно не способна достойно вести себя дольше пяти минут подряд в присутствии лорда Маркала: то падает в классе, то спит на нем в карете, то плачет посреди магазина. И, возможно, вместе с этой вазой она уже разбила ему вещей на сумму всего своего квартального жалованья – если не больше.

Закрыв лицо руками, Интента какое-то время просто стояла, окаменевшая, пока не услышала странные всхлипы со стороны все еще молчавшего лорда Мерсье. Испугавшись ещё больше, она мгновенно отняла ладони от щек, чтобы взглянуть на него – неужели эта ваза была настолько ценной, что он расплакался?

Но Маркал, разумеется, не плакал. Точнее, чуть не плакал от смеха, поняла она в следующий миг – он смеялся так, что не мог произнести ни слова и только покачивал головой, всхлипывая, давая ей знак немного подождать, пока он сможет продолжить беседу. С каждой секундой его смех становился все более громким и явным, так что к тому моменту, как в дверях появилась экономка, привлеченная грохотом разбитой вазы, лорд Мерсье хохотал во весь голос.

Едва взглянув на задыхающегося от смеха хозяина и покрасневшую Интенту, экономика мгновенно ретировалась, решив, что ее присутствие нежелательно, и от этого он почему-то засмеялся ещё громче, а Интента, не до конца понимая природу веселья, сердито нахмурила брови и сложила руки на груди:

- Может, хватит смеяться надо мной, ваша светлость? - негромко и сердито спросила она.

Маркал в ответ на это взвыл от нового приступа хохота и замахал руками. Интента скрипнула зубами, выпрямилась и пересекла комнату, усевшись в кресло. Она пронзила его самым холодным взглядом из своего арсенала, тут же передумав стыдиться своей неловкости: это он напугал ее своими домогательствами. За что же ей чувствовать стыд? Как он вообще смеет хохотать над ней после того, что вытворял вчера и сегодня?

Немного успокоившись, Маркал тем временем стал отдуваться, как вылезавший на берег болотный бормотун, и сдавленным голосом поинтересовался:

- Слышали ли вы когда-нибудь, миледи, детскую песенку о толстошмяке в посудной лавке?

Лишь взглянув на то, как она изменилась в лице, Маркал снова залился хохотом. И, хотя Интента не удостоила его ответом, продолжил, лишь слегка отсмеявшись:

- Как вы думаете, может, мне тоже объявить курс внеклассного чтения и рассказать всей академии о тостошмяке, разбившем восемьдесят колб с зельями, которые я собирал в своем кабинете три года, и, не удовлетворившись результатом, принявшемся громить домашнюю утварь?

- Это не смешно, – взвилась она, но тут же осознала свою ошибку, когда лорд Маркал буквально зарыдал от очередного приступа смеха и на этот раз повалился в кресло, поскольку совсем обессилел от своего гоготанья:

- Умоляю, миледи, больше ни слова, – прошептал он, задыхаясь. - Вы добьетесь моей смерти.

В это почти невозможно было поверить, но около часа спустя Интента больше не злилась. Чем больше она смотрела на то, как искренне он хохочет, тем больше ей самой становилось весело, и она в конце концов сдалась, посмеявшись от души вместе с Маркалом. А после этого вся горечь словно испарилась, и она позволила ему пригласить себя на завтрак и на прогулку.

- Позвольте мне купить вам пару книг в подарок, – мягко предложил он, когда поймал ее на разглядывании витрин книжного магазина, – Я был безмерно удивлен вчера, когда понял, что вы совсем ничего не выбрали для себя при такой-то любви к этим романам.

Интента сглотнула и выпрямилась. Они вернулись к тому магазину, где были вчера и стояли прямо у входа. Искушение купить себе книги накануне было так велико, что она едва не поддалась, но затем усилием воли заставила себя вспомнить: денег почти нет, все жалование растрчено на дурацкие тряпки, а следующее – только через две недели.

- Вы хотите подарить мне книги? - холодно осведомилась она. Его слова мгновенно напомнили о

вчерашнем и отозвались ледяным уколом в солнечном сплетении. - Чтобы посмотреть, насколько дорогие я выберу?

- Нет, не для этого.

Маркал спокойно смотрел на нее сверху вниз, но под ее обиженным взглядом все же немного смутился:

- Ладно, я виноват, признаю.

- Признаете? - возмутилась она. - Приличные люди в таких случаях...

- Я прошу прощения, - перебил он ее, и Интента осеклась. На лице его явственно читалось недюжинное усилие, которое Маркалу пришлось сделать, чтобы выцедить, почти выплюнуть ей в лицо это извинение. Но вместо того, чтобы рассердиться на него за это, она смягчилась - Интента знала, что некоторым людям тяжело даются извинения, но не потому, что они не чувствуют своей вины - наоборот, иногда из-за того, что они чаще других ощущают ее.

- Хорошо, - тихо, совсем другим тоном ответила она, - Я принимаю ваши извинения. Но мне не нужны подарки от вас, милорд. Поймите, я не могу их принять, особенно после вчерашнего.

- Хорошо, я понял, - с удивившей ее легкостью кивнул он, но прежде, чем она успела улыбнуться ему и поблагодарить, быстро продолжил, — Но, должен заметить, моя дорогая, что вы тоже пока не извинились за ложь. А приличные люди в таких случаях...

- Простите, - поспешила выпалить Интента, едва успев осознать, что он снова вероломно напал на нее, стоило лишь проявить малейшее великодушие.

- Нет-нет, я вовсе не собираюсь вас прощать, - к ее изумлению, возразил Маркал. - Честно говоря, я намерен заключить с вами сделку.

- Сделку?

Интента задохнулась от возмущения, мгновенно забывая о решении не сердиться на него больше - хотя бы в течение одного часа.

- Да, сделку. Вы ведь хотите, чтобы ваши друзья продолжили работу в академии, по крайней мере в тот год, который вынужденно проводите у нас?

Его ослепительная улыбка в мгновение ока едва не довела ее до бешенства, когда она осознала, что он все знает про обстоятельства ее приезда - разумеется, лорд Кетим рассказал ему. Интента стиснула зубы и кулаки, и уже готовилась выпалить нечто, о чем обязательно пожалела бы впоследствии, но в это самое мгновение к ним с тротуара шагнула пара гномов весьма недовольного вида:

- Миледи, вы так и будете стоять перед дверью, или все-таки позволите людям свободно проходить в магазин? - накинулся на нее один из них.

Только после этого осознав, что слишком долго закрывала собой проход, вынуждая посетителей книжного магазина обходить себя, Интента молча отшагнула в сторону. Она снова открыла рот, чтобы высказать лорду Маркалу все, что думала о его манипуляциях. Но он, к ее ещё большему раздражению, воспользовался заминкой: повернулся спиной и довольно спорным шагом двинулся по улице дальше, не дожидаясь ответа на свое возмутительное заявление.

Лишь немного поразмыслив, Интента бросилась догонять его:

- Милорд, постойте. Какую сделку? Что вы хотите от меня?

Ответом ей был веселый смех Маркала:

- Все расскажу за обедом. Наслаждайтесь Нуарессом, миледи, мы же гуляем. Смотрите, какая чудесная погода.

- Лорд Мерсье, вы не смеете так себя вести со мной.

- Напротив, очень даже смею, моя дорогая. Замечу, что лорд Кетим, например, был решительным образом настроен в пользу увольнения магистра Вермара. Если бы не я, вашему сердечному другу уже пришлось бы паковать чемоданы.

- Я замечу, что ваш шантаж просто отвратителен, - закипела она, невольно повышая голос. И, поскольку на них начали оборачиваться, Маркал резко остановился и повернулся к ней:

- Не так отвратителен, как высосанный досуха человеческий труп, леди Интента, - парировал он, более не улыбаясь.

- Магистр Вермар никогда бы...

- Мне плевать, - отрезал Маркал. - В моей академии я устанавливаю правила, ясно?

- Вы ведете себя, как мужлан, лорд Мерсье, - пробормотала потрясенная Интента, глядя на него широко распахнутыми глазами.

- Это, наверное, потому, что ваш скандальный тон, миледи, располагает к откровенности.

- Вы невыносимы.

- А вы сварливы.

- А вы...

- Но красивы, особенно когда кипятитесь.

- Вы...

В тот самый момент, когда Интента разгорячилась так, что, казалось, из ее макушки вот-вот вырвется струйка пара, Маркал внезапно улыбнулся - да такой безмятежной улыбкой, словно именно этого и добивался.

- Ну, хватит заигрывать со мной, миледи. Возьмите же себя в руки, - промурлыкал он, и в темных глазах заплясали искорки смеха.

- Я вас ненавижу. Я хочу вашей смерти, серьезно, - выпалила она, ни капли не кривя душой.

Лорд Маркал шагнул ближе, из-за чего Интента выпрямилась всем телом, испепеляя его взглядом. Но она не намеревалась уступать ни дюйма, сколько бы он не давил. Тогда, еще немного наклонившись и почти касаясь губами ее лба, он прошептал:

- Знаете, леди Интента, если вы - созерцающая, тогда я - оборотень.

- Что?

- Я говорю, что теперь понимаю, почему Просветленный направил вас к нам.

- И почему же?

- Полагаю, он знал, что здесь вам самое место, - с улыбкой сказал Маркал и повернул голову, чтобы сориентироваться на перекрестке, - Вы позволите мне показать вам Золоченую улицу, миледи? Обещаю, это будет исключительно для расширения вашего кругозора.

Прогулка по Золоченой улице получилась мучительно долгая, и все это время сияющий улыбкой Маркал соблазнял ее разнообразными украшениями, в том числе такими, о существовании которых Интента не подозревала.

- Браслет на щиколотку? - осведомилась она у Маркала, когда он показал ей эту изящную вещь из тончайшего золотого плетения с драгоценными камнями, имитирующего виноградную лозу. Ее взгляд, изучающий этот браслет, не выражал ничего, кроме растерянности:

- Я не могу представить, в какой ситуации это было бы уместно, - добавила она, но тут же пожалела об этом, когда продавщица - пожилая темная магиня бросила на нее укоризненный взгляд и закатила глаза, а Маркал наклонился и прошептал на ухо:

- В спальне, моя дорогая.

Судорожно сглотнув, Интента широко раскрыла глаза и отдернула руку от браслета так, словно он внезапно превратился в ядовитую змею:

- Я не хочу больше ничего об этом знать.

- Но мы только начали, - сладко улыбнулся Маркал и повел ее в следующий магазин, не слушая возражений.

Очень скоро Интента поняла, что браслеты для ног - далеко не самое непристойное в местном ассортименте. От разглядывания разнообразных цепочек и сережек для самых невообразимых мест у нее вскоре начался приступ паники - поневоле представляя все это на себе, она не испытывала ни малейшего удовольствия. И даже посмеялась бы над легким разочарованием во взгляде лорда

Мерсье, который, видимо, на самом деле намеревался заинтересовать ее этим – но смеяться не могла от какого-то подспудного страха.

В самом последнем магазине ее взгляд упал на браслет, который действительно понравился – и, разумеется, это украшение предназначалось для запястья. Кроваво-красные тонкие побеги из волшебного металла и мелкие изумруды – далеко не самый дорогой товар, но и он ей был не по карману. С сожалением положив ювелирное изделие обратно на прилавок после примерки, Интента поблагодарила продавца улыбкой и подняла глаза на Маркала:

- Я немного устала, милорд. Мы могли бы закончить на этом с магазинами?

- Позвольте мне...

- Нет, – отрезала она, едва он потянулся к карману за золотой бесконечной монеткой. Интента уже рассмотрела ее накануне, когда они расплачивались за книги. Интересное волшебное изобретение, предназначенное для богатых, не желающих таскать с собой кучу денег. Монета была связана со счетом в банке и позволяла магическим образом вызывать оттуда необходимую сумму, которая тут же появлялась перед продавцом по велению владельца.

- Поверьте, это никак не отразится на моем мнении о вас.

- Я верю. Дело не в этом, лорд Маркал.

- Тогда в чем же?

- Полагаю, мы можем поговорить об этом за обедом. Наслаждайтесь Нуарессом, милорд, – улыбнулась она и вышла из ювелирной лавки с гордо поднятой головой.

Об условиях своей сделки Маркал объявил ей за обедом, как и обещал. Когда Интента поняла, чего он хочет, ее лицо просветлело, а брови удивленно поползли вверх:

- Частные уроки? И все? – переспросила она, слегка сузив глаза в попытке созерцать его: важно было понять, нет ли под этим какой-нибудь гадостной подоплеки. Но лишь только она начала сосредотачиваться, как голова закружилась и в глазах опасно потемнело, так что пришлось немедленно оставить попытки.

- С вами все в порядке? – уточнил Маркал, вглядываясь в ее заметно побледневшее лицо.

- Не знаю, – выдавила она, схватившись за край стола, и тут в его глазах отразилось настоящее беспокойство. Резко отодвинув кресло, он встал и жестом подозвал официанта:

- Воды. Воды, пожалуйста, побыстрее.

Через пару мгновений Интенте стало легче, но к тому времени уже подбежал официант с огромной миской холодной воды и салфеткой – и, прежде, чем она успела возразить, Маркал намочил ткань в воде и приложил к ее лбу. Действовал он так заботливо и ловко, словно был не принцем, а выпускником курса молодого целителя, жаждущим практики.

- Мне уже лучше, – прошептала она, но послушно выпила пару глотков освежающего лимонада и посидела пару минут с закрытыми глазами, позволяя Маркалу на пару с официантом ухаживать за собой. Ей в четыре руки натирали льдом виски, прижимали ко лбу полотенце, делали массаж рук и обмахивали широкой папкой с меню, пока она не замерзла окончательно.

- Пожалуй, хватит, у вас уже губы синие, – спохватился Маркал, убирая, к ее облегчению, лед и холодное полотенце.

- Спасибо, уже и впрямь достаточно, – вежливо улыбнулась она, пряча глаза. Меньше всего хотелось бы, чтобы он понял, чем был вызван приступ.

- Миледи, я и не думал, что доведу вас до обморока предложением провести дополнительные уроки со мной. Неужто я произвел впечатление настолько плохого ученика? – поинтересовался он, снова занимая свое место за столом.

Обозначив новую улыбку, Интента качнула головой и протянула руку к стакану с лимонадом:

- Полагаю, это из-за резкой перемены погоды. Вчера была такая гроза, а сегодня очень ясно.

- Возможно, – глядя на нее с нескрываемым сомнением, сказал Маркал.

- Так вы заинтересовались литературой, милорд?

- По правде, лишь с тех пор, как прослушал вашу лекцию, Интента, – признался он и положил руки на стол, – я сохранию вашу тайну, если вы сохраните мою.

- Вы хотите, чтобы наши занятия были тайными? Но что здесь может вас скомпрометировать? - удивилась она, широко раскрыв глаза.

- У меня есть причины держать это в секрете, – уклончиво ответил Маркал, опуская глаза в меню, - так вы согласны?

- Хорошо. И вам не обязательно было меня шантажировать, чтобы попросить о такой услуге, – не удержалась Интента.

- Не сочтите за невежливость, но я не верю в способность женщин держать язык за зубами... без особых к тому оснований, – добавил он, невозмутимо продолжая разглядывать меню.

- Должна ли я понимать это так, что кое-какое сходство с женщиной вы все же обнаружили во мне?

Маркал на секунду замер, затем медленно опустил тяжелую кожаную папку, и Интента поняла, что сделала очередную ошибку – прошибить его подобными язвительными фразами было невозможно. В его взгляде не отразилось ни малейшего признака вины – напротив, он стал насмешливым и нахальным. Мало того, ещё и уставился на область ее скромного декольте с таким интересом, будто ткань внезапно стала прозрачной.

- Кто бы мог подумать, миледи - вы такая кокетка, – с улыбкой заметил он, вдоволь насмотревшись, и сразу подозвал официанта, нарочно не предоставив ни секунды на достойный ответ.

ГЛАВА 19.

Лишь поздно вечером, уже вернувшись в замок, Интента вспомнила о том, что в мире существуют другие люди, кроме нее и Маркала, а у нее с этими людьми сложились своеобразные отношения. Весь день и вечер, часть которого они провели вдвоем в карете на обратном пути, она едва ли могла подумать о ком-то, кроме своего спутника, сосредоточенная на не прекращающейся пикировке, завуалированной множеством шуток.

Но едва мрачноватые башни замка Мерсье показались в окошке кареты, как перед ее внутренним взором возникло худощавое лицо темного лорда, кожа которого своим цветом частенько напоминала ей местный коричневый камень, из которого был возведен и замок, и многие другие здания.

«Я предлагаю вам выйти за меня замуж». Казалось, это было вечность назад, а на деле прошло немногим больше суток. Но темный маг, конечно, будет ждать ответа – вот только какого? Интента сама на себя поражалась: за прошедшие сутки она почти не вспоминала об этом, поглощенная то препирательствами, то флиртом с Маркалом. А ведь должна была с ума сходить, раз ее участь была столь же печальна, сколь и неизбежна.

Путь к просветлению, безусловно, тернист для каждого созерцающего, но в то же время прям как стрела – знай себе, следуй советам Просветленного и запасись терпением. О том, получится или нет, узнаешь лет через тридцать-сорок. И не надо быть просветленным, чтобы понимать: за быстрыми результатами – не сюда. За гарантиями – тоже. С другой стороны, подразумевалось, что терпение и послушание созерцающего непременно вознаградится сторицей.

Интента тоже это знала с детства, и была счастлива, что имеет возможность идти по пути созерцателя с младенчества. Тем, кто начинал взрослым – как ее отец, например – приходилось гораздо сложнее. С самого раннего детства она привыкла говорить Просветленному «да» ещё до того, как он заканчивал фразу. Также она поступила и в последнюю встречу с Лилайтом. Так почему же она не сказала: «да» Кетиму? Ведь не всерьез же она взвешивала возможность отказа?

Нет, Интента, конечно, всерьез не думала нарушать напутствие Лилайта. Но что-то остановило ее в тот момент, когда Кетим ждал ответа. Конечно, это прозвучало очень неожиданно – казалось, что он и сам был удивлен тем, что произнес. С темного, конечно, стало бы и пошутить – но что за дело ей до того? Ее дело – согласиться, а если бы жених отказался после – тем лучше, тем спокойнее. Ведь что бы ни двигало лордом Кетимом, то были явно не романтические побуждения, понимала Интента.

И все же она взяла время на раздумья не из-за этого, а из-за Маркала – ей хотелось быть свободной для игр с ним, для беззаботного флирта, и не только – даже для хождения по лезвию ножа, как нынче ночью. Несмотря на то, что он вел себя возмутительно и даже оскорбительно – его нежность в другие моменты, его теплые взгляды, нежные руки и даже его смех нравились ей, и искупали все мальчишеские дерзости, которые, несомненно, во многом являлись напусковой бравадой.

Она и сама не заметила, насколько сильно заинтересовалась тем, что за всем этим кроется. Действительно ли он был всерьез уязвлен бросившей его невестой? Переживал ли раньше, когда его называли жирным принцем? Судя по тому, как сильно изменилась его внешность – должен был переживать, ведь для подобных преобразований нужен сильный мотив. Но глядя на него нынешнего, ей так трудно было поверить в уязвимость этого мужчины.

Закрывая глаза перед сном, Интента вспомнила, как он хохотал утром над разбитой ею вазой, и невольно улыбнулась. Пусть она и не могла созерцать его сегодня, но интуиция подсказывала: Маркал все же добрый человек, несмотря ни на что, и потому его шутки так редко могли по-настоящему уязвить. А ещё что-то в нем наводило на мысль: стоит объявить о помолвке с Кетимом, как все шутки кончатся. Каким бы беспринципным новоиспеченный Чёрный лорд не хотел казаться, он все же не походил на человека, который стал бы флиртовать с невестой близкого друга.

Снова вспоминая о поцелуе – не о том, который был в доме, а том, который случился на улице, под фонарем – она засыпала со сладкой улыбкой на губах. А рано утром проснулась резко, словно от кошмара. Но тяжелых снов не было – всего одна мысль, которая пришла к ней, словно молчаливый призрак, глядящий с упреком: неужели ты всерьез поставила всю свою жизнь на одну чашу весов против влюбленности в какого-то проходимца с лучистыми глазами?

Следовало признать: она почти это сделала. Хуже того, проходимец начал перевешивать. Возможно, именно потому последние пять дней Лилайт не отвечал на ее записки, направленные по сети. Ведь он и на расстоянии чувствовал всех своих подопечных, и каким-то непостижимым образом узнавал все, что происходило с каждым. Похолодев, Интента вскочила с кровати и умылась – нарочно ледяной водой, чтобы прийти в себя, смыть все, что произошло, начиная с вечера

субботы, и осознать себя на краю пропасти.

Быстро позавтракав в пустой из-за слишком раннего часа столовой, Интента не поддавшись соблазну отправиться на прогулку и потратила все время до начала уроков на работу.

Она проверяла сочинения студентов, писала планы будущих лекций и заглянула в учебник, чтобы подготовиться к первому уроку – собранная, холодная и сосредоточенная. Интента так напугала этим утром сама себя, что приняла твердое решение сказать лорду Кетиму «да» чем скорее, тем лучше – и сразу же отписать об этом Лилайту.

А потому в ректорате темного мага уже ждала записка от нее с предложением встретиться в учительской столовой на большой перемене. Теперь ей оставалось лишь провести две лекции – обе, как нарочно, по созерцанию – до того, как все будет кончено.

С этой группой Интента встречалась не каждую неделю – перерыв в занятиях был необходим, чтобы студенты могли самостоятельно изучить полный объем теории по пройденной теме и попрактиковаться в медитациях с учетом данных ею рекомендаций.

- Итак... кто считает, что у него получилось? - мягко спросила она, оглядывая разношерстную группу взрослых, записавшихся на этот курс еще тогда, когда предполагалось, что вести его будет ведьма. Большинство из них, как и следовало ожидать, полагали это скорее развлекательным, чем образовательным мероприятием для себя – и настроить таких на серьезные занятия оказалось сложнее, чем подростков.

Но были и некоторые, кто очень старался соблюдать все рекомендации и получить результат. В основном благодаря им Интента более-менее еще справлялась с этой группой и с собственным раздражением от того, что вынуждена была преподавать созерцание людям, которые не только не были созерцающим, но еще и не собирались ими становиться.

- Если я заснул во время медитации и видел дивный сон с участием одной феи, это считается? - оскалил зубы молодой темный маг, развалившийся за одним из задних столов.

Не удостоив его ответом, Интента посмотрела на девушку-вампира, которая бросила на мага осуждающий взгляд и молча подняла руку.

- Да, Азалия?

- Мне кажется, пару раз у меня возникло то состояние, которое мы обсуждали – словно нет мыслей, - смущенно начала девушка, - Как будто я вообще не могла думать. Но мне стало страшно, и все мгновенно вернулось обратно.

- Это нормально, - кивнула Интента с ободряющей улыбкой. - Полагаю, у вас действительно получилось. Дело в том, что страх – естественный предохранитель, который необходим для того, чтобы нас при выключенном разуме не унесло в места, откуда нет возврата.

- А такое может произойти во время медитации? - спросил другой студент, и Интента кивнула:

- Теоретически. Практически страх как раз и не позволит этому случиться. Другой вопрос – как договориться с этим своим внутренним защитником, чтобы суметь побыть в этом полезном состоянии какое-то время и при этом обеспечить себе безопасное возвращение? Об этом мы сегодня и поговорим. Но для начала давайте я отвечу на оставшиеся вопросы.

- А что делать тем, у кого не выходит? – с плохо скрываемой досадой спросила фея с третьей парты, которая секундой раньше обменялась флиртующими взглядами с темным магом.

- Отличный вопрос. На прошлых занятиях мы говорили о том, как сберечь энергию. Я просила вас в течение недели постараться приглушить эмоции. Сократить дружеские возлияния, подольше спать, воздержаться от флирта, - сказала Интента, посмотрев в сторону. - Все ли справились с этим? Помните, это краеугольный камень не только созерцания, но и любой магии, будь она белая или темная, эльфийская или фейская. Разве вы прежде не сталкивались с необходимостью накапливать энергию? – уточнила она, на этот раз прямо поглядев на фею, сразу поскучевшую видом и поджавшую розовые губки.

- Ну, да, - не слишком уверенным тоном ответила та, и Интента отвернулась, окинув взглядом всю группу.

- Поймите, пока вы не накопите достаточно энергии, наши с вами разговоры останутся для вас сухой теорией, - сказала она. - Более того, даже если у вас начнет получаться, это не значит, что так будет всегда. Энергию приходится накапливать всю жизнь, по крупице, и, невзначай потратив слишком много, вы можете лишиться всего. А, поскольку здесь только взрослые, замечу, что сексуальная энергия – один из мощнейших источников вашей силы. На что ее направить, вы

решаете сами, только учтите, что река не может течь одновременно в обе стороны.

- Что же теперь, и на хорошенькую женщину посмотреть нельзя? – округлил глаза эльф, сидевший прямо перед Интендой.

- Посмотреть можно, – улыбнулась она в ответ. – Но если вы будете думать о хорошеньких женщинах день и ночь, давая волю фантазии, то вся ваша сила будет уходить.

- А я с женщинами могу и не думая, – снова подал голос темный маг, скалясь до ушей и глядя на Интенду таким взглядом, словно мысленно срывал с нее платье.

Внезапно в ней забурился гнев – сказала усталость от этого студента, который не первый раз пытался делать похабные замечания на уроках. Она уже собралась набрать воздуха в грудь и потребовать грубияна покинуть занятие, когда, к ее удивлению, из-за своего стола молча начал подниматься полугоблин, который просиживал молча все лекции напролет и до этого никак себя не проявлял.

Этот здоровенный юноша сидел наискосок от темного на некотором отдалении, но одного его взгляда и угрожающего движения хватило, чтобы в аудитории воцарилась тишина, а маг мгновенно осекся, стер с лица ухмылку и опустил голову, тихо пробормотав нечто, слабо напоминавшее извинение в адрес учительницы.

Удивленная, Интенда послала благодарный взгляд в сторону крепкого юноши и вознамерилась продолжить урок, как вдруг юная вампирша вновь подняла руку:

- Леди Интенда, не сочтите мою просьбу невежливой, но... вы не могли бы показать, как сами созерцаете? Нам было бы интересно увидеть своими глазами.

Лишь мощное усилие воли позволило ей удержать на лице спокойное выражение. Робкая просьба девушки была немедленно поддержана почти всеми студентами, и на секунду Интенде показалось, что ее ноги наливаются свинцом – она не могла. Не могла показать им, потому что сама в выходные нарушила все собственные рекомендации для новичков. Но, к счастью, в этой аудитории не было ни одного человека, который мог бы созерцать ее саму и заметить эту панику, поэтому она быстро прошла, сменившись тупой тяжестью под сердцем.

- К сожалению, – мягко сказала Интенда с натянутой улыбкой, – такая демонстрация была бы бессмысленной – заметить подобное состояние со стороны вы будете способны лишь тогда, когда сами научитесь созерцать. А пока я могу с тем же успехом просто стоять перед вами и молчать – или даже говорить, созерцая, и это останется полностью незаметно для вашего глаза.

- Говорить? То есть созерцание – это не медитация? – удивленно уточнил полугоблин, впервые за все время подавая голос – и Интенда снова улыбнулась ему:

- Медитация. Но кто сказал, что во время медитации нельзя говорить?

- Вы. Вы нам так сказали, – возразили ей студенты почти хором и со всех сторон, так что она рассмеялась:

- Нет-нет, дорогие мои. Я не рекомендовала вам разговаривать во время медитации, потому что для новичков это почти невозможно. Но для опытных созерцателей это...

Интенда запнулась, внезапно пораженная страшной догадкой. Как наяву ей представились сухое лицо и черные глаза лорда Кетима – то тусклые и невыразительные, то вдруг такие яркие, словно угли, то слегка подернутые мглой, как будто его взгляд бывал повернут внутрь. Черный маг и созерцатель? Возможна ли такая гремучая смесь? Но если так, значит, всякий раз, когда они разговаривали, когда она испытывала страх и отвращение к нему, когда раздражалась и злилась, скрывая это шутками и улыбками – все это было на виду.

Спохватившись, что оборвала фразу на полуслове, а студенты нетерпеливо ждут продолжения, Интенда усилием воли заставила себя выбросить все пугающие мысли из головы и продолжить занятие. Но на перемене снова ощутила приближение паники. Если Кетим, при его очевидной силе, которая только что не плескалась через край, был еще и созерцающим – значит, ей конец. Значит, она сможет парировать его уколы лишь до тех пор, пока он это позволяет, значит, он играет с ней как сытая кошка с мышкой, которая все равно никуда не денется. В таком случае выходило, что у нее перед ним вообще нет преимуществ, и значит, соглашаться на помолвку – безумие. Но такое же безумие – нарушать прямой наказ Лилайта: после этого путь домой ей будет заказан. Нет места в вотчине Созерцающих для тех, кто перечит Просветленному.

- Леди Интенда, на вас лица нет, – услышала она знакомый мягкий мужской голос и всем телом

вздрыгнула, застигнутая врасплох. Оказалось, что лорд Маркал уже стоял у входа в аудиторию с небольшим кусочком пергамента в руке:

- Мне передали вашу записку для лорда Кетима, но его сегодня не будет в замке. Если это что-то срочное по занятиям - я готов его заменить, - сказал он, помахав бумажкой.

- Это.., - Интента осеклась и выдавила улыбку, - Нет-нет, милорд, ничего срочного. Я подожду его возвращения.

- Если вам нездоровится, мы можем перенести сегодняшние лекции на другой день, - предложил Маркал, но Интента снова отрицательно покачала головой:

- Благодарю, ваша светлость, я в полном порядке. Надеюсь, и лорд Кетим в добром здравии?

- Признаться, дело обстоит иначе, - неожиданно ответил Маркал на ее вопрос вежливости, - Он передал, что вынужден остаться в Нуарессе из-за некоего ранения и даже не знает, сможет ли появиться до конца недели. Но я боюсь представить, какое ранение могло помешать ему вернуться, чтобы предоставить себя нашему штатному целителю. Поэтому я намерен навестить к нему в город сегодня же.

- Ранения? - изумленно спросила Интента, вспомнив, в какой экипировке путешествует лорд Кетим, - Но его плащи светятся так, что глаз слепит от защитных заклятий.

- Да, вы правы. Именно поэтому его сообщение беспокоит меня ещё больше - боюсь, это может быть серьезно. По всем вопросам вы пока можете обращаться к леди Лизергейн.

По тому, как быстро Маркал повернулся и ушел, едва закончив фразу, было заметно, как сильно он беспокоится и встревожен - прежде Интента никогда не видела, чтобы вечно степенный лорд Мерсье перемещался столь стремительно. Подобная манера ходьбы была скорее свойственна лорду Кетиму, к которому он так спешил.

Едва успев оправиться от этого потрясения, Интента услышала сигнал к началу второй лекции. Студенты, вышедшие погулять в перерыве, повалили обратно в аудиторию, снова не оставляя ей времени на размышления.

К обеду весть о внезапной болезни лорда Кетима распространилась по всей академии - по дороге в столовую Интента слышала его имя на каждом углу. Новость и впрямь была поразительная - даже самый юный студент понимал, что речь идет о действительно серьезном недуге, раз столь сильный маг не смог самостоятельно вернуться в замок. О ранении ещё никто не знал, и Интента сохранила эту информацию в секрете - даже от леди Лизергейн, которая решила разделить с ней трапезу и сообщила, что намерена навестить лорда Кетима, как только лорд Мерсье даст знать, что это уместно.

- Вы давно знакомы с лордом Кетимом, миледи? - осторожно осведомилась Интента, без особого аппетита поглощая свой суп.

- Сорок три года, - ответила та с непроницаемым лицом и, в меру насладившись изумлением на лице своей собеседницы, обозначила легкую снисходительную улыбку, - его матушка, леди Аликанта Кетим, была моей близкой подругой. Таким образом, Ульриса я знаю с рождения.

- Понимаю, - после небольшой паузы сказала Интента, - Я надеюсь, лорд Кетим уже идет на поправку.

- Действительно надеетесь? Если хотите его смерти, не стесняйтесь, будьте откровенны - здесь многие этого хотят. Да и не только здесь, - сказала леди Лизергейн, улыбнувшись так криво, что ее лицо сильно исказилось, - надеюсь, его не отравили, помоги ему темный дух.

- Я вовсе не желаю лорду Кетиму ничего плохого, - негромко сказала Интента, для которой такая откровенность декана стала неожиданным сюрпризом - кого-кого, а леди Лизергейн нельзя было назвать сплетницей. И даже просто разговорчивым человеком. Но в тот день, видимо, ей хотелось с кем-то поговорить, потому что в следующую минуту темный маг продолжила:

- Он стал очень злым в последние годы, и нажил массу врагов, заслуженно - что правда, то правда. Он стал жестоким. Но он исключительный человек, миледи, поверьте моему слову. Такие маги рождаются раз в столетие.

- Он ведь ещё и созерцатель? - повинувшись порыву, стараясь сохранить лицо невозмутимым, вставила Интента, и этим простым вопросом снискала полный уважения и удивления взгляд со стороны своей многоумной собеседницы.

- Разглядели? Молодец, девочка, - негромко сказала она. - Об этом немногие догадываются.

- Как он, - Интента поперхнулась и мучительно закашлялась, приложив салфетку ко рту. Но леди Лизергейн молча ждала окончания фразы, и наконец она смогла выдать, - как он это совместил?

- А вы как думаете?

На этот раз в темных глазах магини отразилось сомнение в ее умственных способностях. Интента ответила непонимающим взглядом:

- Это невозможно. Просветленный не допустил бы его к занятиям, не откажись он от...

И тут глаза Интенты расширились - до нее вдруг дошло.

- Так он отказался? Отказался от своей природы темного? - потрясенно прошептала она, обернувшись по сторонам, чтобы никто не услышал, кроме Лизергейн - не только из-за того, что это походило на страшную интимную тайну темного мага, но ещё и потому, что Интенте казалось, будто она несет полную чушь.

- Попытался отказаться, если говорить точнее, - поправила леди Лизергейн. - На три года, не более.

- А почему...?

- Полагаю, - резко перебила ее леди Лизергейн, внезапно спохватываясь, - что уже наговорила довольно. Простите мою старушечью болтливость, сударыня, и не сочтите за труд сохранить наш разговор втайне.

- Разумеется, наш разговор останется между нами, - сказала Интента, отодвигая тарелку супа. - А вы, леди Лизергейн, не сочтите за труд сообщить мне тоже, когда получите какую-нибудь весточку от лорда Кетима о его самочувствии. Я не решаюсь беспокоить его сообщениями, как и лорда Мерсье, но очень хотела бы убедиться, что он идет на поправку.

- Конечно, - кивнула декан, и ее глаза потеплели.

К концу дня Интента почувствовала себя ужасно одинокой. В ней бурлило столько эмоций, о стольком хотелось бы рассказать той же Амалии, но ее не было, а магистр Вермар все еще скрывался из-за полнолуния. От лорда Маркала и лорда Кетима не приходило вестей, хотя леди Лизергейн тоже ждала сообщения и даже спросила у нее к вечеру, не получала ли нитки она, но Интента смогла лишь растерянно пожать плечами.

Пару раз ее рука тянулась к катушке, но она никак не могла решить, кому из двух мужчин в такой ситуации можно позвонить с меньшим чувством неловкости. Тогда она отправилась на прогулку, но, увидев, как отъезжает в город последняя пассажирская карета, внезапно сдалась на волю собственных эмоций и бросилась к ней, не прихватив даже сумочки. Монет, которые она наскребла по карманам, хватило лишь на билет в один конец, но Интента и не думала беспокоиться об этом. Она боялась только за лорда Кетима, вспоминая их последнюю встречу и слова леди Лизергейн: «он исключительный человек».

Не согласиться с этим было невозможно, ведь для того, чтобы почувствовать эту особенность, не надо было быть созерцателем. За всю жизнь ей никогда не доводилось встречать подобных людей, и лорд Кетим действительно нравился ей, хотя почти не вызывал романтических фантазий. Просто с ним было интересно, даже когда он раздражал идиотскими шутками про шляпку. И еще она видела, что тоже ему нравится - тепло нет-нет, да и проскальзывало между многочисленными уколами, которыми он регулярно сыпал. словно они вдруг поняли, что могут стать друзьями - не сразу, но когда-нибудь в будущем.

Или все это ей только казалось, размышляла Интента по дороге. Возможно, все это тепло в глазах - лишь часть спектакля, как выбегание под дождь от мнимого оскорбления и его нелепое предложение? Но правда в том, думала она, глядя во мрак за окном, что это совершенно неважно. Главное, что ее чувства в тот вечер указали ей путь в Нуаресс - а то, что за этим последует, остается на волю духа.

Уже когда карета подкатывала к городу, Интента внезапно получила сообщение по сети. Сначала ее катушка завибрировала, а затем, стоило коснуться, как в ее руке материализовался небольшой пергамент - письменное сообщение. Бросив на него единственный взгляд, она мгновенно опознала почерк Лилайта, и ее сердце ускорило ритм, а голова инстинктивно втянулась в плечи. Но написанное оставило лишь чувство глубокого недоумения.

«Будь осторожна сегодня, милая. И передай лорду Кетиму мои наилучшие пожелания».

Интенте пришлось перечитать это сообщение трижды, прежде чем она осознала, что зрение ее не

подводит. Наилучшие пожелания? Просветленный передает наилучшие пожелания сильнейшему темному магу, с которым по природе своей находился в состоянии противоборства? Или он передает наилучшие пожелания своему бывшему ученику? А в следующее мгновение до нее дошло: не просто передает, передает через нее, хотя посредничество в такой ситуации совершенно не обязательно. Что Лилайт пытается этим сказать и кому: ей или Кетиму?

Только оказавшись в Нуарессе, Интента поняла, что понятия не имеет, куда идти дальше. Вечер истекал, стремительно переходя в ночь, а у нее - ни денег, ни адреса темного мага, ни даже каких-либо сведений о том, дома он или в больнице? Жив ли еще?

Выезжая, она надеялась получить по пути сообщение от Маркала или от Лизергейн, но кроме записки от Лилайта, ничего не приходило. И, скрепя сердце, пришлось бросать нить лорду Мерсье - поскольку беспокоить больного в такой час было бы и бессердечно, и неприлично.

К ее облегчению, Маркал отозвался быстро, даруя надежду на то, что не придется выбирать между ночевкой на станции и непрошеным визитом к нему домой, подобно бродяжке.

- Почему-то я совсем не удивлен, леди Интента, - заметил он, услышав, что она прибыла в Нуаресс, - Пожалуйста, не уходите со станции: полнолуние еще не кончено, в городе неспокойно.

- Вы... приедете за мной? - удивилась она, полагая, что лорд Маркал скорее посмеется над ней и предоставит самостоятельно добираться до места.

- Конечно, приеду. Неужели вы думаете, что я позволю каким-то оборотням покусать вас на улице?

- Благодарю вас, - искренне выпалила она в трубку.

- Не благодарите. Я с удовольствием покусаю вас сам, - мурлыкнул он в трубку и прервал разговор, не дожидаясь ответа.

Но Интенту нисколько не рассердило его замечание - наоборот, обрадовало. Широко улыбнувшись, она села на скамью: если Маркал шутит - значит, лорд Кетим как минимум не при смерти.

ГЛАВА 20.

Долго ждать на станции ей не пришлось – уже через пятнадцать минут через центральные двери таким же стремительным шагом, как и утром, влетел лорд Мерсье. Бросив на него единственный взгляд, Интента высоко подняла брови:

- Поверить не могу – вы не в черном, – изрекла она, разглядывая его синий бархатный плащ и светлый бежевый – только что не белый – костюм с контрастным коричневым шейным платком и блестящими туфлями цвета кофе с молоком.

- В больнице черного пугаются, – коротко объяснил Маркал, подавая ей руку, – поспешим, пока Ульриса не сморил сон.

- Как он? – негромко спросила Интента, пока они шли к карете, стараясь не думать об огромной теплой ладони, в которой покоилась ее рука и о том, как это приятно.

- Лучше. Целители говорят, через пару недель будет как новенький.

- А чем его ранило? – еще тише, чтобы не слышал даже кучер, решила уточнить она.

- Его же собственным заклятием. Нападающий был весьма сообразителен и приобрел отражающий свиток с трехкратным усилением.

- Поверить не могу. Это же детский прием. Как он попался? – округлила глаза Интента.

- Как все попадают. Он не ждал удара от этого человека, – сухо пояснил Маркал, пожав плечами.

- Но ведь свитки с усилением запрещены, – припомнила она.

- Еще как запрещены. Ее уже ищет королевская полиция.

- Ее?

- Достаточно вопросов на сегодня, Интента, – мягко прервал Маркал и посмотрел прямо в глаза, – Лучше скажите, как вам в голову пришло путешествовать в одиночку в полнолуние?

- Но это ещё был вечер, – растерялась она, почувствовав, как он серьезно пеняет ей за это.

- И много с вами было пассажиров в той карете?

- Э-ммм, – Интента опустила глаза, вдруг задним числом сообразив, как рискованно повела себя. – По правде, я была одна.

- Пожалуй, вам надо все-таки показать, что могло случиться, – хрипло заметил он, и в следующую секунду оказался рядом, переместившись на ее диванчик со своего.

- Не смейте, – взвизгнула она, но он только негромко рассмеялся, обхватывая за талию и ласково проводя пальцами по щеке:

- Испугались? Меня?

Их глаза встретились, и Интента мгновенно перестала соображать. Ее губы приоткрылись сами собой, и в следующую секунду он нежно поцеловал ее – так нежно, что не поддаться было невозможно.

- Вы очень соблазнительны, моя дорогая, – пробормотал он в ее шею секунду спустя, не затягивая надолго поцелуй в губы, зато опаяя теперь самые чувствительные места за ухом и ниже своим дыханием и нежными касаниями. С ее губ сорвался стон, в голове зашумело. Кончики его пальцев, немного жестковатые от постоянного письма, прошлись по всей верхней части ее груди прямо над декольте, и дыхание сбилось окончательно. Его губы вернулись, и на этот раз поцелуй стал куда более непристойным и откровенно жадным, совращающим. И Интента с не меньшей жадностью отвечала, не находя никакой возможности контролировать сметающий все ураган, в эпицентре которого оказалась. Ее пальцы сжались на его плечах. Прижимаясь всем телом, она тихо постанывала, позволяя его рукам скользить поверх платья, изучая и лаская ее тело.

Но всего пару мгновений спустя карета встала, и лорд Маркал мгновенно переместился обратно – так что к тому времени, как кучер открыл им дверцу, оба пассажира чинно сидели друг напротив друга, разве что дышали втрое чаще обычного.

Стараясь не встречаться с ним взглядом, Интента позволила Маркалу выйти первым, чтобы затем

помочь выйти ей – и они очутились прямо перед центральным входом в старинный особняк, с таким мрачным фасадом, какие бывают только на старинных зданиях в вотчине темных.

- Это место выглядит так, словно людей здесь не лечат, а убивают, – заметила Интента, разглядывая темно-серый камень и лепные фигуры горгулий. При входе стояли две статуи темных целителей в плащах, скрывающих всю фигуру, с факелами в руках.

- Мрачновато, согласен, но это обычный местный стиль, – ответил Маркал, проходя с ней через непропорционально высокие – в два человеческих роста – двери.

Внутри, к облегчению Интенты, горгулий и статуй с факелами не было, зато запах лекарственных трав и зелий ударил в нос так, что она даже чихнула.

- Будьте здоровы, – хором сказали две дежурных сестры в салатových халатах – одна темная, другая, как ни странно, эльфийка.

Маркал молча кивнул девушкам, и они прошли по коридору направо, а затем ступили на платформу, парившую в воздухе на высоте двух пальцев от пола. Интента редко пользовалась такими приспособлениями, поэтому невольно вцепилась в перила, когда конструкция пришла в движение, повинаясь какому-то рокоту снизу, и медленно стала подниматься.

- Вы не знаете, этот подъемник работает по волшебству? – спросила она у Маркала, чтобы унять свой страх.

- Нет, волшебства здесь нет – только мощный поток воздуха снизу.

- А если он вдруг отключится?

- Тогда мы упадем, – невозмутимо ответил Маркал, но, глянув в ее широко раскрытые от ужаса глаза, тихо рассмеялся, – шучу. Видите эти тросы, которые идут к потолку? Они натягиваются по мере подъема. Если поток воздуха внезапно отключится, мы просто повиснем между этажами и будем ждать, пока нас освободят. Честно говоря, этот вариант мне даже нравится, – добавил он, понизив голос, и Интента поняла, что его взгляд направлен на ее грудь, часто вздымающуюся в такт дыханию.

- Мое лицо располагается выше, лорд Маркал, – сказала она, складывая руки на груди.

- И в самом деле, что это я?

С этими словами он так демонстративно уставился на ее губы, что Интента закрыла глаза и смущенно засмеялась:

- Хватит, пожалуйста. Мы же в больнице.

- А с каких пор поцелуи вредят здоровью, моя дорогая?

- Довольно, – снова улыбнулась она, забывая о всех страхах, и, когда платформа остановилась на нужном этаже, сама открыла проем в ограждении и выбралась наружу.

Едва взглянув на лицо лорда Кетима, бледное до такой степени, будто пыталось перещегоолять белизной подушки, Интента сразу поняла, почему целители отвели на его выздоровление так много времени. Когда вошли посетители, больной лежал с прикрытыми глазами, и дыхание вырывалось из его груди с заметным трудом.

- Ульрис, – шепотом позвал Маркал, приближаясь к кровати, и тот мгновенно открыл глаза. При появлении Интенты улыбка коснулась сухих посиневших губ:

- Миледи, не могу поверить в то, что вы решили навестить меня. А где же цветы и фрукты? Может, я умираю от голода? – еле слышно проскрипел он.

Мгновенно испытав приступ раскаяния, Интента порозовела:

- Простите, лорд Кетим, я не успела.

Но хриплый смех в ответ принес ей мгновенное облегчение:

- Вы все так же доверчивы, миледи. Это не может не радовать.

- Не могу поверить, что у вас ещё есть силы дразнить меня, – с мягким упреком заметила Интента, располагаясь на единственном кресле возле изголовья кровати, в то время как Маркал остался стоять в изножье. С опозданием она заметила две громадных корзины с фруктами и напитками возле постели больного – похоже, нетронутых.

- Я дразнил бы вас даже на смертном одре, моя милая, - криво усмехнулся Ульрис, проводив ее взгляд.

- Возможно, я принесу вас завтра хорошенький букетик, - с улыбкой поддела Интента.

- Только попробуйте это сделать, миледи, и я соберу силы на заклинание, которое засунет вам этот букетик в такое место...

- Ульрис, - необычно холодным тоном внезапно прервал друга Маркал, когда Интента вспыхнула, и темный недовольно взмахнул рукой:

- Не будь занудой. И оставь нас на пару минут, пожалуйста.

- Если леди Интента не против, - все с тем же льдом в голосе отозвался Маркал, сверля друга взглядом.

- Я не против, - примиряюще мягким тоном ответила Интента, переводя взгляд на лорда Мерсье. - Уверена, лорд Кетим больше не станет делать необдуманных замечаний.

- Что ж, я пойду попрошу чаю, - скрепя сердце, согласился Маркал.

- Хорошо, - улыбнулась ему Интента и повернулась к больному.

- А кто вам сказал, что я не обдумал последнее замечание? - проскрипел лорд Кетим, едва за его другом закрылась дверь палаты. - Уверен, что знаю несколько мест на вашем теле, где цветочки смотрелись бы просто прекрасно.

Глядя на созерцающую, слегка сдвинувшую брови, темный маг невинно улыбнулся:

- Прическа, декольте. А вы о чем подумали?

Но Интента уже взяла себя в руки и безмятежно улыбнулась, а сразу затем, почти помимо воли, переключилась в созерцание и тут же нахмурилась:

- Вам очень больно.

- Не надо созерцать меня такой руиной, - мгновенно потребовал Ульрис. - Прекратите.

- Хорошо. Извините меня.

- Просветленный сегодня писал мне, - внезапно сообщил он. - И сказал, что передаст какое-то сообщение через вас.

Интента растерянно уставилась на Кетима, и тот сузил глаза:

- Неужели ничего не передал?

- Он написал мне, - негромко ответила она. - Но все, что просил передать - это наилучшие пожелания.

- Наилучшие пожелания? Это по какому же случаю?

Взгляд Кетима на секунду остекленел, а зубы скрипнули. Наблюдая за его лицом, Интента сглотнула и взволнованно приподнялась:

- Вы в порядке? Позвать врачей?

Но Ульрис, поиграв желваками и резко втянув в себя воздух, внезапно схватил ее за запястье:

- Миледи. Скажите мне, сейчас же, что Просветленный не давал вам никаких рекомендаций относительно моего предложения?

Прерывисто втянув в себя воздух, невольно розовея, Интента недоуменно посмотрела на его сухие пальцы, сильно, почти до боли стиснувшие ее запястье, и осторожно коснулась их другой рукой:

- По правде, давал. Еще до моего отъезда, - призналась она упавшим голосом.

- Да чтоб ему провалиться, - разжав руку и с досады стукнув кулаком по своей постели, закатил глаза Кетим.

- И, кстати о вашем предложении, милорд, - совсем тихо добавила она.

- Не соглашайтесь, - внезапно выпалил он, - Вы же знаете, что это была шутка.

- А вы заберите его обратно, - отрешенно глядя в сторону, сказала Интента, слегка задетая. Хоть она и ждала подобного, но прозвучало это все равно нелестно.

- Я не могу. Откажите мне. Откажите мне, гоблин бы вас драл, - выпалил Кетим, даже слегка приподнимаясь на кровати, но Интента снова качнула головой:

- Я не могу вам отказать. Просто заберите предложение обратно.

- Я не могу его забрать, - рявкнул Кетим, слегка повысив голос, и она вздрогнула, поднимаясь с кресла:

- А зачем тогда предлагали? - завопила она, невольно перекрикивая его. Ее руки сами собой легли на бедра так, словно созерцающая от прилива гнева внезапно перевоплотилась в торговку с деревенского базара, которая раскричалась на охотника, затребовавшего непомерную цену за дичь.

- Затем, что это была просто шутка! - ещё громче зарычал Кетим, раздувая побелевшие ноздри.

- Так никто не шутит! Заберите ваше драное предложение обратно! - заорала она.

- Я шучу как мне угодно. Просто откажитесь - и все, не будьте гусыней!

Дверь, слегка хлопнувшая за спиной Интенты, заставила ее резко обернуться. Выражение лица вернувшегося в палату лорда Маркала свидетельствовало о крайней степени изумления, но уже через мгновение приобрело обычный невозмутимый вид:

- Стоило ли просить меня выйти, если вы секретничаете так громко? - осведомился Маркал. - Кстати, если не прекратишь орать, тебя выпишут недолеженным за нарушение правил больницы, Ульрис. А вас, леди Интента, внесут в черные списки посетителей.

- А я все равно уйду завтра вечером, - парировал темный маг, раздувая ноздри от гнева. Он продолжал сверлить взглядом Интенту, и та в ответ подняла подбородок, воинственно сложив руки на груди.

- Чаю? - предложил Маркал, все такой же невозмутимый, с двумя кружками в руках.

- Не надо, - хором ответили ему Интента и Ульрис.

- Как пожелаете, - пожал плечами лорд Мерсье и, поставив одну кружку на низкий столик в изножье кровати больного, с демонстративным наслаждением отпил из второй, - Так что с предложением? Вы намерены согласиться, миледи?

Видимое безразличие и напускное веселье Интенту не обманули - каким-то чудом она снова переключилась в созерцание, второй раз за вечер, и с легкостью обнаружила внутри Маркала клокочущее облако бессильной злости и какой-то застарелой боли.

- Я бы не хотела. Меня вынуждает лорд Кетим, - сухо ответила она, пряча глаза, стараясь не думать о том, как выглядит в глазах мужчины, с которым целовалась пять минут назад. Но что-то внутри нее еще и возрадовалось, тихонько запевая тошнотворно сладким голоском: «ему не все равно, ему не все равно».

- И каким же образом? Шантажом? Угрозами? Подкупом? - насмешливо уточнил Маркал.

С досадой цокнув, Ульрис сухо пояснил другу, в чем дело, и тот застыл, неприятно пораженный:

- Никак не возьму в толк, зачем Просветленному такое понадобилось?

- Да кто его разберет, этого чокнутого, - процедил Кетим.

Но по тому, как темный маг отвел глаза, каким напряженным выглядело и лицо его, и даже все тело, Интента поняла, что он что-то скрывает. Что-то, о чем знал только он и Лилайт. Вот только думать об этом ей было не досуг: лицо Маркала с каждой секундой все больше и больше напоминало маску, и внезапно она почувствовала, что теряет решимость.

Стало понятно, что если каким-то чудом в эту самую минуту он решит сделать ей предложение вместо Кетима, она согласится, хоть он и не темный и, стало быть, не вполне подходит под предсказание Лилайта. Но чем больше лорд Мерсье молчал, глядя в сторону, тем больше ей становилось ясно, что ничего подобного он делать не собирается. Поцелуи в карете, очевидно, не означали, что он испытывает серьезные чувства.

- Значит, вы не заберете своего предложения назад, - сухо уточнила Интента у темного, чувствуя, как и ее лицо теперь закаменеет.

- Я бы рад, но не могу.

- О, Вы такой романтик, лорд Кетим, ну, как вам отказать?

- Нет! - выкрикнул он в таком ужасе, словно Интента прицелилась в него смертельным заклинанием.

- Я отвечу вас согласием, как только вы выздоровеете, - сказала она, насмешливо поглядев на Кетима, снова приподнявшегося на постели. - Если вы не перестанете упрямяться, милорд.

Со стоном опустившись на подушки, лорд Кетим закрыл глаза:

- Убирайтесь оба к паленому дракону. Я хочу поспать, - прошелестел он обескровленными губами так тихо, словно вмиг лишился остатка сил.

- Ну что ж, если наш визит принес уже достаточно радости больному, - пожал плечами лорд Маркал с холодным непроницаемым лицом, поставив и вторую чашку чая рядом с первой.

Губы Интенты, несмотря ни на что, слегка дрогнули, и она молча вышла из палаты первой.

Следующий час Интента провела с лордом Маркалом почти в полном молчании. Они обменялись двумя фразами в карете, уговорившись отправиться на ужин, и с тех пор он не проронил ни слова. Ужасно проголодавшись, она наелась до отвала в ресторане, но без особого удовольствия, почти не наслаждаясь вкусом, поскольку его молчание давило и сообщало нешуточную нервозность.

- Вы осуждаете меня, лорд Маркал? - наконец, не выдержала она, воинственно приподняв подбородок.

- Мне осуждать вас? Было бы нелепо, вы не находите? - искренне удивился он, но в его голосе промелькнула какая-то горечь. Маркал залпом допил половину бокала вина и посмотрел в сторону, положив руки перед собой на стол. - Просто я принимал вас за другого человека, леди Интента. Знал, что многие созерцающие фанатичны, но полагал, что нашел в вас приятное исключение.

- Это не фанатизм, - резко возразила она, откинувшись на спинку кресла. С ее лица отхлынули краски, чего, как она надеялась, он не заметит в тусклом свете свечей.

- Выйти замуж за темного мага, чтобы устремиться к свету - что тогда фанатизм, если не это, миледи? Это как развязать войну ради мира, как ненавидеть ради любви, как...

- Как влюблять в себя женщин и бросать их ради удовлетворения своего эго, расстроенного тем, что его никто не любит? Продолжайте, лорд Маркал - это как дружить с темными и стараться быть хорошим, как мошенничать с вебинарами по-честному? Как добиться всего благодаря исключительному таланту и водить за нос тех, кому повезло меньше, обещая, что так сможет каждый, если немного заплатит вам. Что еще? Продолжайте!

С каждой фразой Интента распалаясь все больше и сама не заметила, как возвысила голос. Зато это заметил Маркал и официанты, стоявшие без дела в пустующем из-за позднего часа и полнолуния зале - и даже стали оборачиваться на них.

- Не смейте повышать голос на меня, миледи, - произнес он так тихо, что Интента еле услышала, но сразу же поняла, что каким-то образом ухитрилась довести его до белого каления. Но она и сама была задета за живое, а потому не могла остановиться, все больше выходя из себя.

- Вы просто ревнуете, признайтесь, лорд Маркал. Вы злитесь, что я не отказалась от всего, что мне дорого, ради сомнительного удовольствия терпеть ваши домогательства и рассчитывать на особое расположение. Как же, особа королевских кровей обратила на меня, такую простушку, свое внимание, сам Черный лорд удостоил приязни - какое необыкновенное счастье! - издевалась она, глядя в его полыхающие от ярости глаза.

- А все, что вам дорого - это лорд Кетим, миледи? Полагаете, он обойдется с вами лучше? - прорычал Маркал в ответ.

Интента вздернула подбородок и замолчала. Ей хотелось ответить, что ей дорог путь света и ее жизнь созерцателя, но произносить это вслух показалось немного наивно, и она предпочла оставить вопрос без ответа. Но после долгой паузы ее внезапно что-то дернуло, какая-то глубокая обида, и не успев подумать, она выпалила:

- Лорд Кетим, по крайней мере, предложил мне выйти замуж.

Маркал, глядевший в окно и погружившийся глубоко в какие-то тяжкие раздумья, удивленно посмотрел на нее:

- Замуж - по крайней мере? Как это возвышенно. Страшно сидеть рядом с такой романтической особой, - сказал он и поднялся из-за стола. - Идемте, миледи. Стоит немного поспать перед возвращением в замок. У нас обоих завтра работа, верно?

- Я никуда не пойду с вами, - прошептала она, чувствуя, как глаза защипало, но, к счастью, лорд Маркал не смотрел на нее, нарочно отведя взгляд в сторону.

- Полно. Вам некуда больше идти этой ночью, - ответил он, буравя взглядом стену.

- Тогда я останусь здесь, - вне себя от злости и обиды, прошипела Интента.

- Что ж, счастливо оставаться. Я хочу спать, и возиться мне с вами некогда. Надеюсь, когда ресторан закроется, у вас хватит ума вызвать самоходную карету до моего дома, - процедил он и, резко повернувшись, пошел к выходу.

Только когда он ушел, Интента осознала, что ресторан скоро закроется, а у нее по-прежнему нет с собой ни единой монеты.

ГЛАВА 21.

Решимости Маркала бросить нахапку в ресторане хватило ровно на десять минут, за которые быстроходная карета домчала его до порога дома. Он, было, даже вышел из нее наружу, но тут же понял, что не может так поступить. В другой ночь – наверное, ее и стоило бы проучить, но не теперь, когда полная луна все ещё сияла в ночном небе, как гигантский фонарь, провоцирующий создания тьмы на все самое худшее.

Устало махнув удивленному кучеру, Маркал велел возвращаться в ресторан и снова залез в салон. Его ладони все ещё рефлекторно сжимались в кулаки, стоило вспомнить о том, что эта пигалица наговорила ему. Назвать его мошенником и ревнивцем – подумать только. Да ему нет никакого дела до нее, даже если бы ее и правда укусил оборотень. Ему ни до одной женщины больше нет дела – у него их теперь столько, сколько ему даже не надо.

Выскочив из кареты возле ресторана ещё до того, как она полностью остановилась, Маркал быстрым шагом влетел в еще не запертые двери. Он намеревался забрать упряму домой даже силой, если понадобится, чтобы спокойно поспать хоть пару-тройку часов. Но внутри, к его изумлению, уже было пусто.

Гном-швейцар позади него кашлянул:

- Миледи ушла несколько минут назад, ваша светлость.

- В каком смысле ушла? – переспросил Маркал, полностью меняясь в лице – оно вытянулось и отразило тревогу, почти полностью заменившую собой гнев.

- Пешком, – ответил гном и на этот раз как-то неловко спрятал глаза.

Вылетев на пустую улицу, Маркал повертел головой в разные стороны, и сердце его провалилось куда-то в район желудка: Интенты не было видно.

- Езжай в больницу, ищи ее по дороге и там, внутри. Если найдешь – доложишь, – отрывисто выпалил он кучеру и побежал в противоположном направлении, на ходу бросая нить местному начальнику стражи. Но сколько ни носился Маркал по близлежащим улицам, сколько не бросал нитей кучеру, который успел уже добраться до больницы и проверить, Интента все не находилась – как сквозь землю провалилась.

Пятнадцать минут спустя на ногах была уже вся городская стража – ни один стражник в городе не сомневался в щедрости Маркала и стремился ему угодить, не говоря уж о начальнике, который спал и видел оказать личную услугу члену королевской семьи. В результате операция поиска девушки обернулась грандиозной невиданной облавой, какой улицы Нуаресса не видывали лет десять.

Спустя пару-тройку часов были задержаны десятки вампиров, оборотней, болотных ведьм и хищных магов-птиц, нарушивших комендантский час. Но Интенту нашли лишь под утро, когда Маркал, готовясь к худшему, молча глядел в пустоту и пил десятую кружку чая в компании начальника стражи, который каждые пять минут орал по катушке то на одного, то на другого подчиненного.

- Жива, – коротко выдавил тот, сначала бледнея, а затем краснея под требовательным взглядом Маркала, – но ранена. Мои ребята в больницу ее повезли.

- Оборотень? – спросил Маркал, зеленея, все еще не веря в удачный исход, но стражник мотнул большой круглой головой и успокаивающе замахал руками:

- Вампир, зараза. Но не высосал, только руки искусал – немножечко.

- Немножечко?

Едва глянув на лицо лорда Мерсье, стражник предпочел замолчать и громко сглотнул.

ГЛАВА 22.

К величайшей досаде Интенты, лорд Кетим каким-то образом почти мгновенно узнал о ее укусах и настоял на предоставлении ей места в собственной палате вместо одной из общих, перегруженных пострадавшими за три дня полнолуния людьми.

- В городе бардак, - проворчал пожилой белый маг - целитель, обрабатывая заклинаниями три свежие раны на руках еще плохо соображающей и медленно приходящей в себя девушки - раненая полулежала кровати, установленной наискосок от койки лорда Кетима.

- За всю жизнь не припомню такого количества пострадавших, - продолжал качать головой целитель.

Ворчание это, как вскоре догадалась очнувшаяся Интента, было рассчитано на уши Ульриса, и тот в конце концов недовольно крикнул:

- Ладно, ладно. Я отпишу в совет лордов, чтобы ужесточили контроль, мессир. Скажите нам лучше, не потребуется ли переливание?

- Нет, не потребуется. Только шоколад, чай и хороший отдых. А потом - усиленное питание.

- Это мы ей обеспечим, - сказал Кетим. Однако, стоило белому магу покинуть палату, как он приподнялся в своей кровати и склонил голову на бок, изучая Интенту взглядом:

- Не представляю, что такое вы наговорили лорду Маркалу, чтобы он бросил вас посреди улицы в полнолуние.

- Он бросил меня в ресторане, - уточнила Интента, жадно поедая слиток шоколада, врученный ей целителем. К ее удивлению, тот так хорошо знал свое дело, что на руках не осталось и следа от укусов, включая старый, неумело затертый Амалией.

- И ничего особенного я ему не наговорила. Просто, по-видимому, он ваш достойный ученик, - продолжила она, гордясь бесстрастностью своего тона.

- Вы полагаете, я мог бы оставить девушку в полнолуние без помощи? - осведомился Кетим, приподнимая бровь. И, получив в ответ лишь прямой скептический взгляд Интенты, лишь улыбнулся, - впрочем, может, вы и правы. Так что, вампиров было трое?

Интента прикрыла глаза, содрогаясь от отвращения при одном воспоминании. Супружеская пара и их взрослый сын. Сдуру она не поняла, что это вампиры, и сама подошла к ним, спросив дорогу до станции - фактически спровоцировала нападение. Но она совсем не ожидала, что с ней на самом деле может случиться нечто подобное, почти у дверей того самого ресторана.

Она почти не испытывала страха, отправляясь в одиночку пешком и рассчитывая купить билет в кредит на утреннюю карету. Но ее спокойствие в этот раз было неуместно - едва почуяв запах крови, вампиры почти мгновенно затолкали свою жертву в самоходную карету, заткнули рот и вцепились в руки. А затем она оцепенела от вампирского гипноза и ничего не помнила до того момента, когда ее вышвырнули на окраине, словно грязную обертку от съеденного пирожка.

Она и понятия не имела, что может когда-нибудь почувствовать себя такой использованной, такой грязной.

- Тихо, тихо, я не заказывал в палату водопада, - еле слышно прошептал кто-то совсем рядом, и Интента очнулась, с удивлением заметив, что Кетим невесть как оказался рядом, в темном балахоне от шеи до пят, и без каких-либо церемоний улегся рядом на ее кровать, заключая в объятия. Только тогда поняла, что плачет, дрожа всем телом в его руках.

- Вы что, утешаете меня? - фыркнула она, когда немного согрелась, прямо сквозь слезы. Сухая рука мага размеренно гладила по волосам, объятия успокаивали.

- Я? - изумился он так, словно был уличен в каком-то неблагородном деле, и теплая ладонь застыла на ее макушке.

Интента улыбнулась, поднимая лицо: в глазах Кетима светилось тепло.

- Спасибо, - прошептала она, вытирая слезы. - Кажется, мне лучше.

- Если хотите вознаградить меня - не стесняйтесь. Полчасика плотских утех внесут приятное разнообразие, - мгновенно отозвался он, заглядывая в вырез платья.

Но Интента на этот раз не проявила той реакции, на которую Кетим, безусловно, рассчитывал, а

лишь спокойно наклонила голову, встречаясь с ним взглядом:

- Я сильно сомневаюсь, милорд, что вы позволили бы себе даже пять минут подобных утех. Энергия созерцателя стоит дороже, не так ли? - спросила она, не спуская с него глаз и игриво коснувшись его ладони кончиками пальцев.

Вздвогнув всем телом, Кетим отдернул ладонь и уставился на нее, не мигая:

- Миледи, мне кажется или воздействие вампира чересчур сильно сказалось на ваших способностях здраво мыслить?

- А давайте проверим, - не обращая внимание на его слова, сказала Интента и поднесла губы к его губам. - Как насчет маленького поцелуя перед плотскими утехами? Продолжайте, лорд Кетим, я в вашем распоряжении.

Когда темный маг спешно скатился с ее кровати, едва не рухнув на пол, Интента хрипло рассмеялась:

- Передумали?

- Спокойнее, миледи, не распяйтесь так, - почти агрессивно огрызнулся Кетим и, выпрямившись, гордо прошествовал обратно к своей койке, - вы уж точно не настолько сильны, чтобы разбрасываться силами.

- Это правда, - не стала спорить Интента, опуская глаза. — Но как вам удастся скопить столько энергии?

- Считайте меня загадкой природы, - зевнул Ульрис и завернулся в одеяло, едва ли не до ушей, словно опасаясь новых домогательств с ее стороны. - Кстати, вам неплохо бы поспать, Интента. Я уже отписал Маркалу, чтоб не беспокоил, и леди Лизергейн, чтобы перенесла ваши занятия.

- Ох, я совсем забыла о занятиях, а ведь уже рассвет, - спохватилась она, не желая ни словом поддерживать беседу о Маркале, - Спасибо вам.

- Достаточно благодарностей на сегодня, - проворчал Ульрис и отвернулся. - Спите.

- Вы чувствуете себя неловко, когда вас благодарят? - все же спросила Интента, не сдержав улыбки.

- Нет. Лишь когда меня донимают дурацкими вопросами, - отрезал он, но она лишь снова улыбнулась и с улыбкой на губах закрыла глаза, незаметно для себя погружаясь в глубокий сон.

А проснулась Интента со жгучим чувством голода и таким же жгучим любопытством. И потому, едва умывшись и расчесавшись в удобной ванной, прилегающей к палате, она принялась додумывать лорда Кетима вопросами.

- Так что вы делаете с девушками, которых соблазняет? - весело осведомилась она, не чувствуя ни малейшего смущения.

- Ради темного духа! - простонал Кетим, обращая взгляд к потолку.

- Ему не до вас, смертный, - отозвалась Интента потусторонним голосом и сама засмеялась собственной шутке, поймав кислый взгляд темного. - Так что там с девушками? Я не понимаю, как вы вводите их в заблуждение, ведь они уверены, что они с вами... что вы с ними...

- Усыплю и конструирую ночи из их воспоминаний, - снисходительно пояснил темный маг.

- И высасываете из них темную силу, да? - не отставала Интента, сама поражаясь на то, как запросто, с каким любопытством спрашивает об этом, даже без всякого возмущения, словно поведение темного могло представлять собой образец для подражания.

- Из воспоминаний и фантазий много не высосешь, - заметил Кетим, симитировав сосательное движение губами и громко цокнув языком.

Интента засмеялась, все так же заинтересованно глядя на него:

- Тогда откуда?

- Откуда и обычно. Из разочарования, злости. Утром, - уточнил он все еще непонимающей Интенте. - Хотите поучиться темной магии и соблазнению?

- Нет, благодарю.

- Напрасно. Вы прирожденный исследователь. А созерцатель из вас так себе.

- Знаете, что, - начала Интента, но тут ее прервал скрип открывающейся двери, и в палату боком вдвинулся тролль с двумя подносами, которые так угрожающе покачивались в его лапищах, словно грозили вот-вот обрушиться на пол.

- Обед, милорд, - гнусаво объявил он, грохнув один поднос на столик в изножье кровати Кетима, а другой - возле Интенты, но так неаккуратно, что капли супа попали на ее измятое со сна платье, окончательно испортив его внешний вид.

- Вот так сервис, - пробормотала она, стряхивая с себя капли супа платком.

- Сервис тут так себе, это правда, зато врачи хорошие, - заметил лорд Кетим, когда тролль вышел. - Еда, кстати, вкусная. Не передадите мне тарелку?

- Врачи хорошие, это правда, - согласилась Интента, поднимаясь, чтобы подать ему суп, и вновь бросила взгляд на чистую кожу своих рук. Ее сердце беззвучно истекало кровью при мысли о том, что произошло накануне, а самую сильную боль причиняла мысль о том, что Маркал совсем не любит ее. И когда только она успела впасть в такую губительную иллюзию, будто у него к ней чувства, с которой так мучительно теперь расставаться?

Какое-то время они молча ели, но потом она не выдержала, возвращаясь мыслями к тому, о чем сказал Кетим:

- Почему вы считаете, что из меня плохой созерцатель?

Лорд Кетим улыбнулся, но не ответил, продолжая поглощать свой суп.

- Ульрис, пожалуйста. Это важно для меня, - попросила она, едва ли не умоляюще.

- О, вы назвали меня по имени. Как это мило, Интента, - просиял он, отставляя тарелку в сторону, - Что ж, хорошо, я отвечу. Вы эмоциональны, порывисты и задиристы. Но это ещё полбеды для Просветленного - все бы ничего, но вы к тому же ещё добры. Вы слишком добры для созерцателя, Интента.

- Это нелепо, - удивленно и даже обрадованно моргнула она. - Все созерцатели добры. Просветленный тоже добр.

- Заблуждаетесь, миледи, - качнул головой Кетим, - Вы плохо читали ваши трактаты, и принимаете за доброту то, что ею вовсе не является. Ваш Просветленный безжалостен и уж точно ни капли не добр, хотя и не зол, это тоже надо признать.

- В вас как будто много жалости, - огрызнулась Интента.

- Немного, - кивнул он. - Но все она во мне есть. Уж если бы я заранее знал, что вас покусает вампиры, будьте уверены - предупредил бы.

- Что? - поразила она.

- Лилайт разве ничего не писал вам вчера? Будьте осторожны и все такое? - поднял бровь Кетим, сделав широкий жест в сторону.

- Откуда вы знаете?

- Сообщение выпало из вашего кармана, - сухо пояснил Кетим, кивая головой на тумбочку возле ее кровати, где обнаружился слегка смятый пергамент.

- Лилайт мог не знать, просто чувствовал опасность, - возразила она.

- Он знал, - резко возразил Кетим, - Он знал, что вас покусает вампиры, как знал и то, что я сделаю вам предложение, и наверняка - даже то, что к тому времени вы будете по уши влюблены в другого мужчину. И именно поэтому потребовал от вас согласиться.

- Я не по уши, - запротестовала Интента, заливаясь краской, но Кетим лишь хрипло засмеялся:

- Он знал, что вы попадете в эту сложную ситуацию, как знал и то, что я буду проклят собственной матерью. И он не пошевелил даже пальцем, чтобы предотвратить это. Он редкая бесчувственная тварь, ваш ненаглядный просветленный, Интента.

- Будете прокляты? - тихо переспросила она, изумленно приоткрывая рот, и Кетим дернул уголком рта, покачав головой:

- Да. Она прокляла меня за то, что я сделал, выполняя распоряжения Просветленного. Я верил ему даже больше, чем вы ему сейчас верите. Стыдно признавать, но вы сейчас ведете себя разумнее, чем я - тогда. Вы хоть немного, но сомневаетесь, - с горечью заметил он, отворачиваясь.

- Как это произошло? - севшим голосом спросила Интента, отодвигая поднос подальше. Она села на кровати, вглядываясь в его напряженную темную руку, комкающую одеяло, в строгий профиль исхудавшего после болезни лица. На секунду ей показалось, что Кетим больше не произнесет ни слова, но порыв его откровенности ещё не кончился.

- Он велел мне отречься, - продолжил маг. - Темная магия с созерцанием не ладит, вы знаете, и это ещё мягко сказано. Но я начал изучать его потому, что Просветленный дал понять, будто это нормально. Только через три года все равно выяснилось, что надо отречься. От карьеры, семьи, даже от собственного титула и от самой своей природы.

- Ваша семья была в гневе? - тихо уточнила Интента.

- Это еще слабо сказано. Отпрыск с блестящими перспективами, наследник - а тут вдруг такое.

- Сколько вам было лет?

- Чуть меньше, чем вам сейчас, леди Интента. Я был самоуверен, молод, очень талантлив и упрям. У меня были сложные отношения с семьей, так что Лилайт показался глотком свежего воздуха. Я доверял ему безгранично. Мне хватило одного его заверения, что все будет хорошо. Кто же знал, что хорошо в его понятии - совсем не то, что в моем.

- А какое проклятие выбрала ваша матушка?

- О, моя матушка большая затейница, - рассмеялся злым смехом Кетим, - поверьте, это было весьма неприятно, все пятнадцать лет.

- Пятнадцать лет, - в ужасе прошептала Интента, припоминая различные проклятия, о которых читала в книгах. От некоторых из них и за год недолго было с ума сойти.

- А Просветленный? - быстро спросила она.

- А Просветленный сказал, что проклятым среди созерцающих не место, и велел возвращаться, когда действие заклинания кончится. Спасибо, хоть отец меня принял назад, иначе быть бы мне нищим отщепенцем.

- Не может быть, - прошептала Интента, вцепляясь обеими руками в свою юбку, когда ощутила внезапную тошноту.

- Может, может, - засмеялся Кетим, снисходительно глядя на нее, - Еще как может. Так что если вы думаете, что этот прохиндей вознаградит вас за вступление в брак с темным магом - подумайте еще раз. Может, он нарочно хочет избавиться от вас, как от меня в свое время.

Погрузившись в длительное молчание, Интента уставилась в стену, сама не замечая, как погружается в медитацию. Ведь мир вокруг постепенно растаял, и ее эмоции улеглись, а тошнота прошла - осталась лишь горчинка под языком. Кетим не мешал ей, все это время отдыхая с закрытыми глазами. Их катушки молчали.

Мысль о неестественно долгом молчании катушек первой оформилась в мозгу после глубокого созерцания, и Интента вздрогнула:

- Вы отключили катушки? А как же Маркал? - вдруг спохватилась она, резко открывая глаза. За окном начинало темнеть, и уже горели фонари.

- Обойдется. Более того, я велел не пускать его к нам.

- Ну, зачем же? - с досадой спросила она, вскакивая, чтобы найти катушку.

- Затем, что нечего отдавать девушку на съедение вампирам. Особенно если эта девица - моя без пяти минут невеста, - добавил Кетим, взял из корзины яблоко и с хрустом укусил его за глянцевый бок.

- Кстати об этом, лорд Кетим. Я даю вам свое согласие, - на одном дыхании выпалила Интента, стоя к нему спиной. Она включила катушку, на которую мгновенно, одна за другой посыпались оборванные нити от Маркала и других абонентов.

Какое-то время в палате раздавался только тихий свистящий прерывистый звук от этих ниток, пока Кетим не скрипнул зубами и не прорычал, с каждым словом повышая голос:

- Да чтоб вас вампиры сожрали на первом же углу!

- И я, - сладко пропела Интента в ответ сразу же, словно ждала такой реакции, - И я тоже полна приятного предвкушения и любви к вам, ненаглядный мой.

ГЛАВА 23.

Такие эмоциональные взрывы Маркалу не приходилось переживать уже более трех лет – с тех самых пор, как его бросила Делия. Но за последние два дня произошло столько, что и за месяц не переваришь. Самое ужасное, конечно – невозможность увидеть Интенту, убедиться, что с ней все в порядке. Подлец Кетим – подумать только – не подпускал его к больнице второй день, и Маркал, привыкший к тому, что перед ним открывались все двери, поначалу впал в чистое бешенство.

И только после того, как раз двадцать пообещал себе отлупить Ульриса, даже если придется ради этого изучать темную магию остаток жизни, немного стал приходить в себя. Пару часов спустя его осенило, что не обязательно находиться в палате, чтобы знать о самочувствии Интенты – и он догадался справиться у докторов. Получив объяснения о том, что ее раны излечены, а сама девушка спит, Маркал испытал небольшое облегчение, но даже после того не мог ехать обратно в замок, и провел весь день в своем доме в Нуарессе, в обнимку с катушкой, вяло отвечая на деловые сообщения и нити.

К вечеру его сморил сон, но Маркал мгновенно пробудился, получив сообщение от Интенты – хоть сухое, но информативное. «Мне лучше, милорд. Вернусь в замок завтра вечером», – писала она. С облегчением глубоко вздохнув, он впервые за день смог полностью расслабиться, потому что до этого момента воображение то и дело подбрасывало жуткие картины с Интентой, умирающей по его вине.

Таким виноватым он не чувствовал себя прежде никогда, ежеминутно проклиная тот момент, когда в приступе гнева решил оставить ее в ресторане, хоть и не понимал, что могло ей помешать вызвать карету, что заставило поступить настолько беспечно и пойти пешком после его предупреждения. Леди Интента не походила на такого глупого человека, который стал бы рисковать жизнью ему назло.

Отправив, наверное, пятидесятую нить Кетиму и вновь не получив ответа, Маркал понял, что ужасно устал и поплелся в спальню, где рухнул на кровать, чтобы проспаться до самого утра. И проснулся от звонка начальника стражи, который только и ждал рассвета, чтобы доложить целых две отличных новости: пойманы вампиры, напавшие на Интенту, и найден след нападавшей на лорда Кетима – разумеется, в королевской вотчине.

Снова пообещав достойное вознаграждение за завершение этой миссии, Маркал направился завтракать и читать сообщение от Кетима, который соизволил все-таки написать ему ночью. Внимательно ознакомившись с длинным свитком, он отложил катушку и сцепил ладони перед собой, бессмысленно уставившись на собственные сильные и немного полноватые, побелевшие от напряжения пальцы.

Так он сидел очень долго, собираясь с силами для того, чтобы ответить. И только минут через пятнадцать смог встать, пойти в гостиную, взять пропитанный волшебством маленький свиток для коротких сообщений и написать: «Поздравляю с помолвкой, увидимся в замке. Мои наилучшие пожелания тебе и невесте».

Отправив сообщение, он тут же почувствовал, что больше не может оставаться в Нуарессе – и спешно вызвал кучера, чтобы вернуться в замок. Когда по дороге он снова задремал от накопившейся усталости, в его ушах откуда ни возьмись появился язвительный голос Интенты: «Вы просто ревнуете, признайтесь, милорд. Признайтесь... признайтесь».

Если бы Маркал хоть на секунду мог заподозрить, что, а точнее, кто ждет его в замке, он предпочел бы остаться в Нуарессе, и даже отправиться в больницу с цветами, чтобы лично поздравить с помолвкой Кетима и Интенту. Но до самого приезда об ожидающем его сюрпризе он понятия не имел, а когда вышел из кареты у парадного входа в замок, чтобы попасть прямо в эпицентр бушующего там скандала, было уже поздно.

В первые мгновения лорд Мерсье даже не понял, что происходит. В это время у входа в замок бывало людно: выходили освежиться между лекциями студенты и преподаватели, туда-сюда сновали слуги, строители, другой персонал. Но такое, чтобы все собиравшись в одном месте, случалось редко. Заметив, что люди толпятся возле парадного крыльца, он нахмурился и энергичным шагом прошел вперед, раздвинув толпу – но, увидев, кто был предметом всеобщего наблюдения, замер.

На крыльце, тяжело дыша и переругиваясь, стояли друг напротив друга его камердинер Афрон и Делия Серебрянко, которую он не видел уже больше трех лет и впредь не желал бы видеть никогда. В руках девушка сжимала приличных размеров дорожную сумку, недвусмысленно указывавшую на то, что эта упрямая особа вновь предприняла попытку переехать в замок Мерсье с вещами.

Скользнув взглядом по ее искаженному гневом лицу, Маркал отметил про себя, что Делия словно слегка подурнела за прошедшее с их последней встречи время – или, возможно, он теперь смотрел на нее другими глазами. Так или иначе, но особого блеска от этой дамы больше не исходило, и

объяснить это запыленностью платья было бы невозможно – словно какое-то внутреннее сияние погасло.

- А я вам в сотый раз повторяю: его светлости нет, и вам в любом случае здесь не рады, сударыня, - орал Афрон на какой-то совершенно не музыкальной, но здорово резонирующей в печенках ноте, которая свидетельствовала о полной потере терпения. Даже если бы Маркал не нашел здесь столько народу, наблюдающего за безобразной сценой, то по лицу камердинера понял бы, что схватка кипела уже некоторое время.

- А я сказала, что не уйду, пока его светлость не примет меня, - рычала в ответ Делия, стоя одной ступенькой ниже наступавшего на нее Афрона. Поднырнув в какой-то момент под его локоть, она умудрилась взбежать на три ступени выше и торжествующе поставила сумку на верх лестницы, усевшись сверху нее.

- Вы вынуждаете меня на крайние меры, - понизив голос, угрожающе произнес Афрон и принялся засучивать рукава. Но в этот момент многие уже заметили появление Маркала и, проследив за взглядами большинства, его, наконец, увидел и камердинер. На лице его отразилась сложная смесь чувства вины, испуга и облегчения, среди которых облегчение заметно превалировало.

Сделав два шага вперед, чтобы выйти на всеобщее обозрение, Маркал повернулся к собравшейся толпе, окидывая всех нарочито бесстрастным взглядом.

- Спектакль окончен, милорды и миледи, дамы и господа, - сухо произнес он, и все зеваки мгновенно начали расходиться - еще до того, как он успел протянуть руку Делии, бесцеремонным рывком поднять ее с лестницы и увести внутрь.

Афрон догнал их почти сразу.

- Я уже вызвал капитана стражи, милорд. Он через две минуты будет здесь.

- Хорошо, встретить его и проводи в гостиную, - бросил Маркал, и камердинер мгновенно отстал, по всей видимости, уже пресытившись общением с Делией. А сама девушка, едва опомнившись, повисла на локте Маркала и пыталась мурлыкать что-то, к чему он не особо прислушивался, быстрым шагом направляясь в гостиную, где довольно грубым движением отпихнул ее от себя в сторону ближайшей софы.

Изящно споткнувшись и мелодично охнув, потрепанная фея рухнула на мягкую обивку. Упала она сразу в очень изящную позу полулежачи, тяжело дыша и глядя таким незащитным взглядом, от которого сердце прежнего Маркала мгновенно растаяло бы. Однако теперь это вызвало лишь раздражение, так что в ответ Делия получила ледяной взгляд и кривую улыбку:

- Не трудитесь, сударыня. Ваш артистизм меня более не трогает, а к тому же вы в розыске за нападение на лорда Кетима. Так что я передаю вас в руки королевской стражи, и мы прощаемся.

- Маркал, - взвела фея, мгновенно вскакивая с софы и заламывая руки, - но ведь это не я нападала на Кетима!

Трагический надлом в голосе едва не заставил его расхохотаться, но, мгновенно овладев собой, он лишь слегка приподнял бровь.

- То есть, конечно, я, но... ведь я не знала про усиление, - прижимая руки к пышной груди, воскликнула Делия еще более трагичным тоном, - это недоразумение, поверь мне!

Продолжая холодно смотреть сквозь нее, Маркал сложил руки на груди. Ему даже не требовалось демонстрировать свое презрение как-то специально – оно читалось по всей его позе, и фея впала в секундное замешательство, но затем снова ринулась в бой.

- Пожалуйста, помоги мне, - прошептала она со слезами на глазах, опуская голос до шепота, на глазах превращаясь в незащитное трепетное создание, - ради всего, что между нами было...

Перевоплощение было выполнено блестяще. Теперь уже не имело никакого значения, говорит она правду или нет. Это создание в любом случае хотелось обнять за хрупкие плечи, погладить по опущенной голове, и все мужские инстинкты при одном лишь взгляде на трепетную фигурку завопили о том, что перед ним настоящая женщина, леди с большой буквы, нуждающаяся в его личной защите.

Маркал с большим интересом наблюдал за происходящим – и с Делией, и с его собственными ощущениями. На мгновение показалось, что он даже готов сделать шаг к ней, но тут же вспомнилось, какой она была на лестнице – отвратительной, базарной, настырной бабищей, без каких-либо признаков хороших манер и даже чувства собственного достоинства.

Кроме того, Кетим не зря целых два года постоянно показывал ему уловки самых разных женщин, заводя с ними беседы на светских приемах в Нуарессе, в академии, магазинах, в деревне и везде, где ещё возникала малейшая возможность. В какой-то момент Маркалу даже стало казаться, что женщины по природе своей насквозь фальшивы и неспособны на искреннее выражение своих чувств. Впоследствии ему пришлось проделать дополнительную работу, чтобы вернуть себе адекватное восприятие, но теперь, глядя на Делию, он понял, что и это того стоило.

- Ради того, что между нами было? – негромкий бархатистым голосом, повторил он прямо за ней, делая два шага к девушке.

- Да, - почти беззвучно прошептала она и подняла лицо с глазами-бездонными озерами, полными слез, неизъяснимой муки, нежности и ностальгии. - Ты ведь помнишь, Маркал?

Подавшись к нему, Делия с надеждой смотрела прямо в глаза – без малейших угрызений совести и каких-либо сомнений в своем праве напоминать ему о прошлом.

- Помню ли я? – повторил он за ней, снова почти повторяя ее интонации.

Тут опытный, хорошо настроенный слух этой блестящей актрисы что-то уловил – поскольку Делия по-птичьи наклонила голову, прислушиваясь, и даже на секунду вышла из образа. Дождавшись этого момента, Маркал сразу послал ей нескрываемо циничную улыбку:

- Еще как помню, сударыня, – кивая головой, заверил он. – Вы стоили мне целого состояния три года назад. И ещё тысячу золотых я пожертвовал в прошлом месяце. На этом, боюсь, благотворительность окончена: я порядочно поиздержался.

***

Возвращаясь в замок Мерсье вечером следующего дня, Интента невольно вспомнила свой день приезда, когда ей в прошлый раз вот так же довелось путешествовать с лордом Кетимом в его карете. Казалось, с того момента прошла целая жизнь.

В этот раз у темного мага не хватало энергии ни гипнотизировать ее, ни подтрунивать, ни даже поддерживать беседу – тяжесть его состояния, усугубившаяся преждевременным бегством из клиники, оставляла Ульрису сил лишь на то, чтобы молча сидеть, слегка привалившись к боковой стенке салона, и созерцать расстилавшийся за окнами осенний пейзаж.

- Может быть, вам прилечь, милорд? - тихо спросила Интента, уже изучившая его лицо до мелочей после двух дней совместного пребывания в палате. Теперь ей не требовалось прибегать к созерцанию, чтобы заметить болезненность в еле заметном движении темных бровей и мелких складочек между его губами и носом.

Приподняв тяжелые веки, лорд Кетим смерил ее недовольным взглядом:

- Вы теперь моя невеста, Интента, хоть и против моей воли. Сблаговолите, наконец, называть меня по имени. Если помните его, разумеется.

Невольно улыбнувшись от того, что расслышала в его ворчании теплые нотки, Интента еле заметно кивнула:

- Хорошо, Ульрис. Так ты приляжешь?

- Я пока не при смерти, дорогая, – все так же недовольно проскрипел он и вновь уставился в окно, где на полпути между замком и Нуарессом не было видно ничего, кроме нескончаемого леса.

- Я прочтала в новостях вчера вечером, что нападавшая на тебя поймана, – негромко добавила Интента после очередной долгой паузы, внимательно наблюдая за профилем Ульриса, но на нем не дрогнул ни один мускул.

- Так всегда бывает с преступниками. Не вижу темы для обсуждения, – отрезал он.

- А почему она напала, Ульрис?

- Хватит, Интента, я уже сказал, что не буду обсуждать это.

- Но ты ведь ударил ее заклинанием, иначе оно бы не отразилось. Я хочу знать, часто ли ты такое делаешь с людьми, – волнуясь с каждым словом все больше, настаивала она.

- Иными словами, часто ли я нападаю на женщин? – сухо осведомился он, на этот раз взглянув на нее – да так, что Интента мгновенно отвела глаза:

- Да, – сказала она, изучая свои сцепленные пальцы.

- Первым - никогда.
- Но вы все же ударили ее, - возразила Интента.
- Потому что сначала она ударила меня, - ещё суше пояснил он, не отводя тяжелого взгляда.
- Чем-то, что вы... что ты не мог отразить? - упрямо уточнила она.

Его губы презрительно дернулись, и ответа не потребовалось. Интента сглотнула, раздувая ноздри:

- Значит, вы всегда бьете в ответ наповал, стоит лишь немного на вас замахнуться? И неважно, насколько слаб и беспомощен противник?

- Да, всегда и всех без исключения. Так что не рекомендую замахиваться на меня, милая.

Интента против воли замерла на несколько мгновений, парализованная неожиданной агрессией в его гипнотизирующем взгляде и автоматически перешла в режим созерцания, уходя от прямого воздействия. Но тут же пожалела об этом - всколыхнувшаяся внутри лорда Кетима тьма напугала ее так, что даже замутило.

- Я такого и не планировала, Ульрис, - сглотнув, заметила она, найдя силы на то, чтобы разорвать сцепку взглядов.

- Хорошо, - прошелестел он, снова прикрывая веки.

Ему снова было больно, но теперь не физически, и как только мимолетный испуг прошел, Интента поняла, что сочувствует ему: Ульрис был в такой же степени жертвой, в какой и агрессором. Едва подумав об этом, она сама не поняла, как с губ сорвалась следующая фраза, совершенно не достойная созерцателя:

- А знаете, лорд Кетим, в нашей помолвке все же есть один плюс. Ваша матушка будет в бешенстве.

Ульрис снова повернул голову, но теперь его губы и даже уголки глаз тронула злорадная улыбка:

- В этом ты права, дорогая моя. Ты чертовски права.

Воцарилась пауза. После недолгого размышления его улыбка поменялась и слегка померкла:

- Но даже ради такого светопреставления я на тебе не женюсь.

- Ты хочешь расторгнуть помолвку? - с удивлением и неожиданной радостью встрепенулась Интента, даже не обидевшись на этот раз.

- Я подожду, пока ты сама это сделаешь, - быстро качнул головой Ульрис.

- Что ж, запаситесь терпением, милорд, - разочарованно и немного сердито ответила она, вновь откидываясь на сидение и отворачиваясь к окну.

ГЛАВА 24.

Осень в южных вотчинах – это всего лишь слово, убедилась Интента месяцем спустя. У нее дома на исходе первого осеннего месяца в ход шли теплые плащи с капюшонами, меховая обувь, перчатки. Только такая экипировка могла защитить от порывистого холодного ветра, частых дождей и постоянной сырости. Дома начинали отапливаться, двери и окна – плотно закрываться, а улицы – пустеть.

В замке Мерсье никто не заметил смены сезона – и теперь Интента с улыбкой вспоминала свои планы читать у камина длинными осенними вечерами. Такое, без риска получить тепловой удар, будет возможно только в самый разгар зимы, поняла она.

Но размышлять о погоде ей доводилось все реже, поскольку жизнь словно ускорялась с каждым днем: если первый месяц ее пребывания длился довольно долго, а следующие два пролетели как пара недель, то теперь ей и вовсе казалось, что она буквально позавчера приняла предложение Кетима в больнице.

Возможно, так ей чудилось потому, что академия до сих пор возбужденно обсуждала эту новость как вчерашнюю – студенты все не могли уgomониться, и Интента начинала привыкать, что все замолкают при ее приближении. Но даже такое неудобство стоило терпеть ради удовольствия наблюдать за переменами в поведении ее новоиспеченного жениха. В это было невозможно поверить, но Кетим почти прекратил флиртовать с другими женщинами.

Месяц назад Интента не посмела бы и надеяться на такое. Соглашаясь на помолвку, она осознавала, что одной из самых ужасных сложностей в ней будет ее унижительное положение подле жениха, который не скрывает интереса к хорошеньким студенткам и своих интрижек с ними. От Кетима, который ничего не желал так сильно, как расторгнуть эту помолвку, она никак не ожидала, что он станет упрощать ей жизнь. Но очень скоро поняла, что он избрал другую тактику, решив помочь ей вместо того, чтобы воевать.

Буквально за пару недель темный умело создал в глазах всей академии картину типичной помолвки по расчету. На публике он обращался к Интенте подчеркнуто уважительно, стал бывать на ее занятиях, иногда разделял с ней обеденную трапезу в столовой для преподавателей, где раньше почти никогда не появлялся. При этом никаких нежностей, флирта и фамильярностей не допускал – напротив, демонстрировал подчеркнуто холодность. Пожалуй, теперь можно было сказать, что даже с нерадивыми студентами-вампирами Кетим обходится нежнее, чем с невестой. В ее присутствии он фактически превращался в глыбу льда.

Но стоило им остаться наедине, как темный маг полностью преобразался и превращался в себя прежнего: со всеми шуточками, поддевками и оживлением – правда, с поправкой на их крепнущую симпатию друг к другу и доверие. Теперь они словно играли в тайную игру вдвоем, и постепенно Интента чувствовала все больший азарт, подыгрывая Кетиму – делала столь же холодное лицо в его присутствии на людях, вертела на пальце тяжелое кольцо с огромным магическим кристаллом синего цвета, напуская на себя таинственный вид.

Единственной, кто, казалось, видел их обоих насквозь, была леди Лизергейн, хотя она до сих пор не задала ей ни единого вопроса по этому поводу и, насколько Интенте было известно, не заговаривала о помолвке и с Кетимом. И именно поэтому ей все чаще казалось, что Мелиция и так все понимает – ей просто не о чем было их расспрашивать. Иногда, видя их вместе, одинаково холодных и подчеркнуто бесстрастных, она даже улыбалась. Но тут же делала вид, что страшно заинтересована чем-то в стороне, и отводила взгляд.

Долго сдерживал любопытство и магистр Вермар, но спустя неделю не выдержал, начал аккуратно расспрашивать. Интента, скрепя сердце, подтвердила ему «официальную версию» парой неопределенных фраз: помолвка – по расчету, что удручает, но она вынуждена согласиться из-за бедственного положения семьи. Кетим, разумеется, приобретает живой неиссякаемый источник энергии, ведь покорный созерцающий – отличная еда для темного.

Такие браки в истории королевства, увы, не были редкостью. Многие молодые созерцающие не выдерживали аскетичного образа жизни и мыслей, соблазнялись красивой жизнью темных и сбегали из родной вотчины именно на юг.

Редко, правда, такое делали ради оставшейся в вотчине семьи, но Интента знала, что Венсан не поверит в ее внезапное превращение в любительницу красивого образа жизни, поэтому и намекнула на самопожертвование. Врать было ужасно стыдно, и она впоследствии не раз и не два порывалась сказать другу правду, но с тем же успехом можно было и помолвку расторгнуть с Кетимом: если правда о поручении Просветленного выплывет наружу, задание будет провалено. А Венсан, увы, плохо умел держать язык за зубами.

Но тяжелее всего ей становилось, когда рядом появлялся Маркал. Каждый раз – словно ножом

поперек груди, и дышать невозможно, и сделать ничего нельзя. Возвращаясь в замок, она не отдавала себе отчет в том, как сильно обиделась на него за то, что оставил ее одну в Нуарессе. Перед отъездом она побывала у начальника стражи, и тот не скрывал от нее тот факт, что ее искали всю ночь и нашли в основном благодаря просьбе лорда Мерсье, так что Интента стало ясно – он вернулся тогда за ней. Вот только она уже ушла.

Досадуя на себя, она почти простила его, но все же хотела услышать хотя бы формальные извинения. Хоть полслова о том, что он все же чувствует вину за то, что ей пришлось пережить. Но Маркал так и не принес никаких извинений, лишь справился о ее самочувствии прохладным тоном и удовлетворенно кивнул, получив ответ, что все в порядке. По нему совсем не было видно, что он в чем-то чувствует себя виноватым. Наоборот, он теперь смотрел на нее так, словно это Интента в чем-то перед ним провинилась – только не понятно было, это из-за ее слов в ресторане о том, что он мошенник, или из-за помолвки?

Как ни странно, даже после этой истории Маркал не отменил своего намерения заниматься с ней литературой, и они начали эти уроки вскорости после ее приезда. Более скучных занятий в ее жизни, пожалуй, еще не было. Сидя в его кабинете, они оба старались сохранить полную невозмутимость, воздерживались от шуток и даже самых маленьких дискуссий. Маркал задавал уточняющие вопросы, но почти никогда не высказывал свое мнение о том, что говорила Интента.

О книгах, прочитанных по ее заданию, он отзывался сухо, анализируя сюжет только с логической точки зрения, и постоянно находил кучу нестыковок. В эльфийской трагедии прошлого века он умудрился заметить второстепенного героя, разбогатевшего на добыче сырых камней забвения, и отметил, что такого никак не могло быть: в те годы, к которым относится действие романа, цены на магические камни падали.

Не устроила Маркала и скорость передвижения героев на летучем корабле в романтической современной новелле: полет из ведьминской вотчины до темной в романе занял три часа, тогда как на самом деле путешествие требовало не более часа.

Его внимательный глаз схватывал во всех книгах любые технические, экономические и политические детали, упоминания о моделях карет и кораблей, ассортименте магазинов и ресторанов – словом, его интересовало почти все, кроме главной сюжетной линии. Описать которую и даже объяснить поведение героев он, впрочем, мог, но делал это так скучно, что Интента зевала, а ее мысли то и дело соскакивали на предметы, отдаленные от литературы ещё больше, чем ведьминская вотчина – от темной.

Например, стоило ее взгляду упасть на его губы, как она невольно вспоминала все их поцелуи: на улице, дома, в карете. Тогда она смотрела на его пальцы, но снова вспоминала поцелуи в карете или то, как он брал ее за руку, или поправлял ее волосы. А его равнодушный скучный взгляд в ее сторону причинял каждый раз такую боль, что впору было разрыдаться.

Иногда она так и делала после занятий – плакала у себя в комнате. А потом ругала себя на чем свет стоит, за то, что так попалась. Немного облегчал ее муки только Кетим, и как ни странно, делал это с помощью нещадного высмеивания ее чувств к Маркалу.

- Сегодня вы ещё не плакали, моя красавица, – заметил он по обыкновению, встретившись с ней для поздней вечерней прогулки после очередных занятий с Маркалом. – Неужели этот день прошел напрасно?

- Думаю, ещё успею перед сном, – парировала Интента, делая лицо непроницаемым скорее по привычке, нежели потому, что находила в этом толк: Кетим выздоровел, набрался сил, и созерцал ее все чаще. Так что любая ее мимика никак не могла его обмануть.

- Рассказать тебе, моя дорогая невестушка, как еще молодая леди может провести время перед сном в своей одинокой постельке? – слегка наклонившись к ее уху, предложил Кетим. – Необходимо всего лишь тереть не глаза, а одно потайное местечко, и вы будете приятно поражены. Перемена состояния разительная, даю вам слово.

Беззаботно рассмеявшись без какого-либо возмущения, Интента запрокинула голову, устремляя взгляд в темнеющее закатное небо:

- Вам-то откуда знать, милорд? Уже замучились, поди, мох счищать со своих потайных мест?

- Поосторожнее с провокациями, дорогая, – предупредил он, грозно сверкнув глазами – но так, что Интента снова засмеялась, теперь громче, и Ульрис довольно улыбнулся:

- Знаешь, моя милая, я мог бы в тебя влюбиться по молодости, – сказал он вдруг, изучая ее лицо, пока она смеялась.

- По молодости? Ульрис, помилуй, такому взрослому мужчине стыдно кокетничать. Сколько тебе

лет? Сорок три?

- Да, мое солнышко, я тебе в отцы гожусь.

- Только если бы ты вздумал обзаводиться потомством в четырнадцать, - фыркнула Интента.

- Я чувствую себя на все шестьдесят, - с необычной серьезностью сказал Ульрис, о чем-то задумавшись.

Они почти дошли до деревни, и Интента поняла, что немного замерзла - после очень теплого дня наступил довольно прохладный вечер, и сразу после заката стало зябко.

- Ульрис, ты не мог бы вернуть на небо солнце, пожалуйста? - шутливо попросила она. Темный маг накануне рассказывал ей, как вызвал грозу в тот день, чтобы устроить свидание с ней, но Интента все еще не до конца ему верила.

- Боюсь, это будет стоить мне десяти лет жизни, миледи, - отозвался он, почти не думая. - Дать вам плащ?

- Да.

Кетим заботливо завернул ее в плащ, и Интента на секунду поймала его взгляд - ей иногда казалось, будто он и впрямь начинает ухаживать за ней, но в следующую секунду она начинала смеяться над своими подозрениями. Маг оставался верен самому себе и тьме внутри себя. Например, какую бы доброту теперь он не проявлял, это не мешало ему периодически подсасывать из нее энергию - в том числе с этой целью он заставил ее носить свое кольцо - далеко не простое украшение, а заряженный артефакт, действующий в пользу хозяина.

Первые три дня Интента думала, что не выдержит - еще не выздоровевший Кетим пил ее энергию так жадно, что она все время чувствовала слабость. Но затем он заметно сбавил нажим, и теперь это выражалось лишь в неприятном тянущем чувстве время от времени, когда их взгляды перекрещивались. И еще она иногда чувствовала упадок сил, от которого почти невозможно было созерцать. Впрочем, созерцанию мешали и ее страдания из-за Маркала.

- Сто пятьдесят семь, - громко объявил Кетим, и Интента едва не подпрыгнула на месте:

- Вам никогда не надоест? - осведомилась она, слегка раздраженная.

Были вещи, которыми он все ещё здорово бесил ее - например, этот демонстративный подсчет того, сколько раз в его присутствии она думала о Маркале. Кетим посмотрел ей в глаза и с блаженной улыбкой втянул в себя порцию ее негативной энергии:

- Как вам сказать... нет. Но обещаю, что перестану считать, как только вы вернете мне кольцо.

- Очень удобно повесить на меня темный артефакт, и считать его возврат разрывом помолвки, верно? - все ещё сердясь, выпалила она.

- Конечно, удобно, милая. Я жду - не дождусь, - просиял он так, словно речь шла о каком-то подарке к празднику.

- Вот именно. Не дождетесь, - отрезала Интента со злорадной улыбкой.

- А если я назначу день свадьбы? - мурлыкнул Кетим, и улыбка соскользнула с ее лица:

- Вы не сделаете этого.

- Пока нет, - согласился он, немного поразмыслив. - От вас ведь чего угодно можно ожидать.

- Я сочту это комплиментом, милорд, - сказала Интента с нежной улыбкой, чуть приподняв подбородок.

- Это не комплимент.

- Я непредсказуема.

- Тобой манипулируют, Интента. Тут нечем гордиться.

- Обидно, что манипулятор - не вы? - рассмеялась она. Но смех вышел не слишком искренним - оба они знали, что Кетим прав. Интента и не думала оспаривать тот факт, что действует вслепую, не понимая смысла задания Просветленного. И ее это беспокоило, с каждым днем все больше. Ее вера иссякала.

- Давай вернемся в замок, милая, – предложил Кетим ровным голосом и повернул обратно. Они шли по объездной дороге, которая была ярко освещена набирающей силу луной.

- Скоро опять полнолуние, – отметила Интента.

- Вы правы. Пожалуй, уже пора сажать вас на цепь, чтобы не кормили вампиров по всей округе, – отозвался Кетим.

- Ульрис, я вас ненавижу.

- А голос такой, как будто любите.

- И люблю тоже, – призналась она, почти без смущения. – Но не в том смысле, который... Я хочу сказать...

- Я знаю, милая. Вы хотите сказать, что не обо мне думаете, когда трете разные местечки перед сном.

- Я ничего себе не тру!

- Вот как? Это объясняет вашу сварливость. Попробуйте потереть сегодня – на завтра как заново родитесь, моя дорогая.

- Лорд Кетим, я хотела с вами поговорить ещё об одном, – поспешно перебила Интента, страшно не желая доставлять ему удовольствие своим смехом, – о ваших подарках.

- Оставьте, миледи. Вы же моя невеста, – вздохнул темный маг.

- Мы оба знаем, что это неуместно.

- Мы оба знаем, – передразнил Кетим, – что на вашей старой мантии дырка. Новая вам не помешает. Как и браслет с защитными чарами.

- И новые туфли?

- И новые туфли. И новые платья. Считайте, что я забочусь о своей репутации – что обо мне скажут люди, если моя невеста будет одета хуже, чем какая-нибудь ведьма-третьекурсница?

Интента замолчала, раздумывая над его аргументом.

- Ну, хорошо, – негромко отозвалась она. – Но зачем тогда вы прислали мне книги?

- Книги?

Удивление на лице Кетима было слишком быстрым, чтобы его можно было посчитать за подделку – и Интента в ту же секунду все поняла. К сожалению, в это же самое мгновение все понял и Кетим, и его губы тронула усмешка, а глаза сузились:

- Маркал.

Оказавшись в своей комнате, Интента первым делом бросилась к своей личной книжной полке, и со смесью радости, досады и удивления уставилась на семь томов, которые получала в подарок всю первую неделю после возвращения из больницы – и ни разу не подумала, что это мог быть Маркал. Потому что рядом всегда лежали подарки от Кетима с запиской – горничные приносили в ее комнату и то, и другое одновременно, пока Интента бывала на уроках или на прогулке.

Теперь, глядя на эти книги, она даже не понимала, как могла решить, что их прислал Кетим – ведь все эти романы они так или иначе обсуждали с Маркалом, когда вместе выбирали книги в магазине. Именно тогда она сообщила ему, что любит вампирскую и иномирную литературу – и пять томов из семи относились именно к таким произведениям. Но все это время, погруженная в интенсивные занятия и подготовку к ним, в том числе к урокам с Маркалом, она даже не открыла ни один из томов. Какой же пришел первым?

Интента наугад взяла один фолиант, открыла и пролистала – внутри не было ничего, кроме восхитительно пахнущей свежей бумаги высшего качества и отпечатанного изящным шрифтом текста. Поставив книгу на полку, она взяла следующую, потом другую – и в четвертой обнаружила то, что искала. Записка в небольшом тонком конверте между обложкой и первым листом.

Ее сердце заколотилось так, что пришлось сесть. Рука с конвертом дважды приподнималась и опускалась – это просто записка вежливости или нечто важное? Нечто, на что он ждал ответа от нее и не дождался, и потому его взгляд с каждым днем становится все более и более отстраненным?

Слегка успокоив дыхание, Интента решилась и резким движением разорвала конверт. Ее подрагивающие пальцы извлекли на свет лист тончайшей бумаги для писем, исписанный полностью с одной стороны размашистым и в то же время, как ей показалось, каким-то округлым, изящным почерком.

«Моя дорогая леди Интента. Я пишу вам лишь для того, чтобы сказать, каким бесконечно виноватым чувствую себя перед вами. Ничего на свете я не желал бы сейчас больше, чем сказать вам об этом лично, но поскольку вы так ясно дали понять, что не желаете видеть меня в больнице, теперь не смею навязываться. Добавлю к этому лишь то, что несмотря на мою репутацию опытного соблазнителя, я не считаю себя великим знатоком женских душ, а потому хотел бы убедиться, что правильно понял вас...»

Часто задышав, словно внезапно в комнате перестало хватать воздуха, она даже прекратила чтение и какое-то время посидела с прикрытыми глазами, а затем снова развернула бумагу и вернулась к чтению:

«... хотел бы убедиться, то правильно понял вас в том, что вы не желаете принимать моих извинений и говорить о том, что случилось. Если это так, вам будет нетрудно оставить это письмо без ответа. Если же я и в этом ошибся, прошу вас, учтите, что я в любой момент готов просить у вас прощения. Просто скажите, что мне сделать, чтобы получить его. Маркал.»

Подумав не больше минуты, Интента села за стол, повертела в руках катушку и, не решившись бросить нитку, послала ему короткое сообщение. А затем, вздрогнув и опомнившись, рванулась к зеркалу. Ответ пришел почти мгновенно и, чертыхнувшись, Интента заметалась по комнате. Инстинктивно она отказалась от мысли надеть одно из платьев, подаренных Кетимом, и выбрала тот наряд, в котором впервые ездила в Нуаресс с Маркалом.

Вишневое платье требовало какой-никакой прически, и она схватилась за гребешок. Но, в отчаянии сообразила, что заставит его слишком долго ждать, а это совсем нелепо сейчас, после того, как она и так затянула ответ на месяц. Плюнув, Интента просто расчесала свои волосы и придвинула к себе губную помаду и тушь для ресниц. Снова посмотревшись в зеркало, она уронила на руку каплю духов и, потеряв одно запястье об другое, вдруг замерла, почти не узнавая своего отражения.

Эта женщина, с раскрасневшимися щеками, блестящими глазами, выцветшими почти до белого на южном солнце волосами – неужели это она? Такие женщины прежде вызывали у нее тайное восхищение и затаенное чувство сожаления – Интента знала, что ей такой не быть. Как же так вышло, что она именно такой стала? Яркой, свежей, загорелой – с загадочным блеском в глубине глаз – когда это так вышло?

Она вышла из комнаты, уже без суеты и спешки, и спокойно дошла до лестницы. Маркал стоял внизу, возле перил, очевидно, решив не ждать ее в гостиной, а встретить на полпути. Как обычно, весь в черном, он все же выбрал кремовый шейный платок и серебряные запонки. В последнее время в его одежде все чаще появлялись такие контрастные детали, словно он уже принял решение снять «траур», но все до конца не решался сделать это.

Встретив его взгляд – совсем не такой, каким он ранил ее весь последний месяц, Интента невольно приоткрыла рот. В его глазах теперь ясно была видна затаенная боль и опаска – он был почти беззащитен перед ней сейчас, после такого открытого письма и, безусловно, опасался какого-нибудь удара.

Но Интента не имела намерения его наносить и вернула такой же честный взгляд, в котором почти не стремилась скрывать своих чувств:

- Лорд Маркал, я лишь сегодня получила вашу записку, - сказала она негромко, остановившись на одну ступеньку выше него.

- Как? – поразился он, и все его лицо отразило сложную гамму чувств, начиная с недоверия и удивления, и заканчивая радостью.

- Так вышло, - пожала плечами Интента, не улыбаясь, но открыто глядя ему в лицо. - Все это время я никак не могла понять, почему вы не сказали мне ни слова.

Маркал сглотнул, прикрыл глаза и покачал головой:

- Вероятно, потому, что я – идиот.

- Вовсе нет, - тихо ответила она и обернулась, когда ей почудился какой-то шорох. Маркал обернулся тоже и вновь посмотрел на нее:

- Перейдем в другое место?

- Да, пожалуйста. Может, покажете мне оранжерею, наконец? – спросила Интента, но это предложение внезапно повергло Маркала в замешательство и заставило отвести глаза. С любопытством глядя на него, Интента ждала ответа и одновременно пыталась разгадать его выражение. С тех пор, как он подшутил над ней на лестнице, она так и не смогла отыскать это место самостоятельно, сколько не бродила там без него, сколько не гуляла вокруг замка.

- В замке пока нет оранжереи, миледи, - выдавил Маркал с таким пристыженным выражением лица, что она обомлела и широко раскрыла глаза. Какое-то время она молча взирала на него с таким выражением, а затем тряхнула головой и рассмеялась:

- Ну, разумеется. Как это я до сих пор не догадалась.

- Простите меня. Простите меня за все, - внезапно выпалил он, словно уже не мог терпеть. Как будто эти слова жгли ему рот.

- Вы давно прощены, лорд Маркал, - мягко ответила Интента и наклонила голову, внимательно изучая его лицо.

- Спасибо вам, - еле слышно ответил он. - Я могу пригласить вас выпить чашку чая в моем кабинете?

- Да, конечно, - улыбнулась она снова и с готовностью взялась за его локоть, который он незамедлительно предложил ей.

Они вместе поднялись на второй этаж, и здесь впервые за все время пребывания в замке Интента ступила следом за Маркалом на лестницу, которая вела выше, к его личной территории. По дороге она невольно задумалась, сколько женщин здесь перебивало, но тут же тряхнула головой, чтобы выбросить эти неуместные, нежелательные мысли из головы. Вот только они, как нарочно, не желали уходить. И Интента вдруг поняла, что не может удержаться этого в себе.

- В тот день, когда мы встретились с вами утром - там, внизу - по этой лестнице спускалась студентка, - быстро сказала она, - я подумала, что она идет от вас.

Во взгляде Маркала в ответ на ее слова не отразилось почти никаких эмоций. Он молча смотрел на нее, затем качнул головой:

- Нет. В ту ночь я был на фабрике.

- Я знаю, я просто так подумала.

- Я понял. Думаю, это от Афона, - негромко и, как ей показалось, даже слегка рассеяно ответил Маркал, когда они уже ступили с лестницы в коридор третьего этажа, устеленный пушистым ковром. - Его спальня здесь, совсем рядом с моей.

- Ах, да. Ваш камердинер, - сообразила Интента, прикрыв глаза с облегчением, которого просто не сумела бы скрыть. И тут же покраснела, благодаря небеса за темноту в коридоре, по которому они шли.

Распахнув перед ней тяжелую дверь, Маркал отступил в сторону, но они все равно оказались совсем рядом, когда Интента входила внутрь - всего на мгновение, и все же этого было достаточно, чтобы опалить жаром. Это жар охватил теперь почти все ее тело, а когда дверь закрылась, и они остались одни, стал почти нестерпимым. Она вдруг остро почувствовала, что они наедине в столь тесном помещении, да ещё в столь поздний час.

В отчаянии ее глаза стали судорожно разглядывать все вокруг, стремясь поскорее за что-то зацепиться, чтобы начать светскую беседу, но Маркал внезапно положил ладонь на ее плечо:

- Интента, - прошептал он, и в следующую секунду она рванулась к нему, поскольку больше не могла сдержаться - и он совершил такое же движение навстречу, обхватывая одной рукой за талию, а другой ладонью касаясь щеки и волос. Их губы мгновенно нашли друг друга, встретившись в нежном, и в то же время полным жажды поцелуе.

Но почти мгновенно Маркал отпрянул назад, тяжело дыша, и Интента, покраснев, тоже рванулась в сторону.

- Нет, нет, я не ради этого пригласил вас сюда, - пробормотал он, не глядя на нее, качая головой так яростно, словно защищался, - Вы помолвлены с моим другом.

Интента приложила ладони к горящим щекам. Он был прав - она помолвлена с Кетимом. Целоваться с одним, будучи невестой другого - это слишком даже для той незнакомки из зеркала.

Ради духа, что с ней?

- Теперь я должна извиниться, лорд Маркал? - глухо уточнила Интента, умирая от смущения.

- Даже не думайте, - хмыкнул он, все еще не глядя на нее, и отошел к окну, сосредоточив взгляд на луне. - Просто скажите, ради богини, что вы хотите разорвать эту смехотворную помолвку.

- Смехотворную? - переспросила она после небольшой паузы.

- Интента, прошу вас. Я же был в больнице и все слышал.

- Вы там были, это верно.

- Я слышу в вашем голосе обвинение.

- Вам это кажется.

Прерывисто вздохнув, Интента попыталась взять себя в руки, но выходило слабо. У нее всегда это плохо получалось в присутствии Маркала.

- Вы очень хороший человек, леди Интента, но ужасная актриса. Если бы я не был таким слепым все это время, я не поверил бы ни единому вашему слову в ресторане.

- Я сказала то, что думала, - выпалила она, отворачиваясь, и скрестила руки на груди.

- Думаете, что я мошенник? - с беззаботной улыбкой уточнил Маркал, высоко подняв брови.

- Этого я не говорила. Я сказала, что вы - талантливый человек, который мошенничает, возможно, сам того не понимая.

- Ах, так вы полагаете, что я - идиот?

Брови его поднялись еще выше, а улыбка, к ее досаде, стала еще шире и превратилась в откровенно насмешливую. Интента тяжело задышала, широко раскрыв глаза, не понимая, почему на этот раз Маркал ни капли не сердится, и как умудряется так легко поворачивать все сказанное ею в свою пользу?

- Нет, - с досадой возразила она. - Я считаю вас очень умным человеком.

- Приятно слышать. Значит, умный, талантливый и ревнивец?

Резко втянув воздух ноздрями, Интента сжалась, словно пойманный за уши кролик.

- Это было самонадеянно с моей стороны, - признала она, с усилием выдавливая слова. - У меня не было оснований считать, что вы испытываете какие-то чувства...

- Но я их испытываю.

Маркал не сделал ни единого шага в ее сторону, но слегка пошевелился, меняя позу, и Интента вскинула на него ошарашенный взгляд:

- Что... что вы хотите сказать?

- Я ревновал вас, вы были правы. Я и сейчас ревную, - сказал Маркал, глядя прямо в глаза.

- Но...

Интента замолчала, глядя в его лицо, теперь немного угрюмое - словно он потерял надежду. Но он ведь не мог так явно выдавать своих чувств. Он никогда их не выдавал прежде, а значит... опять игра? Ведь даже соблазнитель может ревновать, оставаясь бездушным - просто обидно, что не ему достанется призм.

- Подождите, - тихо сказала она, пытаясь разобраться, а затем тихо всхлипнула, чувствуя, как глаза наполняются непрошеными слезами, - вы снова издеваетесь надо мной, верно? Вы все время издеваетесь...

- Да нет же, - с досадой перебил Маркал, быстрым шагом пересекая кабинет. - Интента, послушайте. Я не могу... просто не могу вам больше ничего сказать, пока вы не разорвете эту дурацкую помолвку.

В его словах звучало столько злости и досады, что она снова сжалась и слегка отшатнулась, от чего его руки, было обнявшие за плечи, безвольно опустились.

- Вы не можете мне ничего сказать? - изумленно переспросила она, быстрым резким движением вытирая слезы и выпрямляясь.

- Нет, пока вы невеста Кетима.

- Я поняла, - процедила она с окаменевшим лицом.

- Интента, послушайте.

Маркал тяжело вздохнул, сделал длинную паузу, затем обернулся и тяжело присел на край стола, оценивающе глядя на девушку, все еще стоявшую у самой двери:

- Я знаю, что виноват перед вами. Эта история с вампирами...

- Мне нет дела до истории с вампирами, - перебила она так яростно, что он поморщился и мотнул головой:

- И все же я должен вам ещё раз сказать, что мне очень жаль.

- Хватит, Маркал. Мы оба знаем, что вы вернулись и подняли на уши весь город, чтобы найти меня.

Маркал медленно кивнул, вглядываясь в ее лицо, ища признаки скрытых эмоций, но Интента нисколько не кривила душой: она оставила ту историю в прошлом, и больше не имела желания себя жалеть. Как и обвинять кого-либо в том, что произошло.

- Пожалуйста, разорвите помолвку с Кетимом, - глухо произнес он. - Хотя бы скажите мне, что вы намерены это сделать.

- Зачем? - тусклым голосом осведомилась она, когда поняла, что Маркал на самом деле больше не скажет ничего.

- Затем, что вы его не любите.

- Я вступила в эту помолвку по наказу Просветленного, а не по любви! - раздраженно огрызнулась Интента, - это мой путь к свету, мое развитие.

- Да Просветленному нет дела до вашего развития, Интента, очнитесь! Ему нужен только Кетим, - так же запальчиво прорычал в ответ Маркал, и наступила тишина.

Интента открыла рот и снова закрыла, крепко обхватила себя руками, отвела глаза и опустила голову.

- Допустим, что так, - тихо сказала она, наконец. - Пусть Просветленному нужен Кетим, а Кетиму нужно разорвать помолвку. А что нужно вам, лорд Маркал?

Ответом ей была полная тишина, и, подождав совсем немного, Интента со смешком кивнула:

- Разумеется, молчите. Просто вы такой же манипулятор, как и Кетим. Вы оба не можете добиться от меня того, что хотите, и потому так дружно накинулись на Просветленного. Ульрис уже доигрался с этой помолвкой, и вы теперь хотите утвердить победу, верно? Вы хотите доказать Кетиму, что способны влюбить в себя его невесту, и заодно избавить друга от постылой помолвки? Красиво, одним выстрелом поразить две мишени. В этом ваша цель, Маркал?

Плотно сжав губы, он вздохнул и покачал головой:

- Интента, вы все неверно интерпретируете сейчас. Я понимаю, что вел себя не лучшим образом, и сам сформировал это недоверие, но сейчас я вовсе не преследую никаких тайных целей. Я искренен с вами.

- Искренен в чем? Почему не говорите прямо то, что хотите сказать? - с мучительным напряжением в голосе воскликнула она.

Его ноздри раздулись, челюсти крепко стиснулись, и Маркал вновь отвернул голову, глядя в сторону. Он снова молчал, и ее кулаки крепко стиснулись о ярости:

- Знаете, я уже даже слышать ничего не хочу, - выпалила Интента, потеряв терпение. - Если это очередная манипуляция, то вы - отвратительный человек, милорд. А если нет - то вы... вы... знаете, вы просто трус.

Резко повернувшись, Интента едва не врезалась лбом в дверь, но в последний момент отпрянула, резко дернула за ручку и вылетела наружу, напоследок хлопнув за спиной так, что даже пол под

ковром содрогулся.

ГЛАВА 25.

Венсан слушал её долго и терпеливо, ни разу не перебив, лишь изредка задавал уточняющие вопросы. Для этой беседы Интента выбрала ближайший выходной день и увела вампира так далеко от замка, как только могла. В результате они расположились в перелеске, на некотором удалении от главной дороги на Нуаресс, усевшись на каких-то корягах. Венсан, как обычно, выбрал место в тени, закутавшись в мантию, а Интента села там, где её лицо доставали косые лучи солнца, падавшие сквозь листву, и почти не смотрела на вампира, изливая душу.

В её поле зрения неизменно оставались лишь его сухие руки, которые большую часть времени находились в полном покое, сложенные на коленях. И лишь под конец её рассказа Венсан стал собирать с земли тоненькие веточки и ломать их, собирая обломки в небольшой мешочек – очевидно, для какой-нибудь демонстрации на уроке.

Заручившись его согласием выслушать, Интента рассказала почти все, в том числе про истинные причины помолвки с Кетимом и свои чувства к Маркалу. Она опустила лишь некоторые моменты, которыми ни с кем не хотела делиться – даже если Маркал в конце концов окажется отъявленным подлецом и мошенником, даже в самом плохом варианте она хотела бы сохранить для себя главное.

Ту легкость в животе от поцелуя под фонарем, обжигающий вкус страсти от сцены в карете и, наверное, отзвук их дружного заговорщического смеха на подъемнике в больнице. И дело тут даже не в мужчине, в которого она влюбилась, а просто в ней. Главное – в том, как она открыла для себя эти чувства и вместе с ними какую-то важную часть своей личности – ту женщину из зеркала, до сих пор прозябавшую в тени.

- Я ужасно запуталась, Венсан, - призналась Интента, когда рассказала все самое важное. - У меня ощущение, будто я все ещё чего-то не понимаю, и упускаю что-то важное. Просветленный опять не отвечает мне.

- А вас в первую очередь беспокоит Просветленный? – тихим, успокаивающим голосом осведомился Венсан, и она тут же вздохнула, помотав головой:

- Нет. Конечно, нет, тут вы правы. Я хотела бы беспокоиться об этом в первую очередь, но на самом деле целыми днями думаю только о Маркале.

- Это понятно, - нежно улыбнулся Венсан, явно вспомнив о чем-то своем. Он поглядел в сторону, и Интента невольно заинтересовалась, на какую женщину мысленно смотрит сейчас вампир. Она подумала, как странно, что до сих пор не считала магистра Вермара способным на настоящую влюбленность.

- Сколько вам лет, Венсан? - быстро спросила Интента, и вампир снова улыбнулся, словно понимая, чем вызван вопрос.

- Тридцать один.

- Правда? – изумилась она. - Вы кажетесь старше.

- Это потому, что вы видели меня этаким мумией в полнолуние, - хмыкнул он.

- Нет-нет, - горячо возразила она. - Просто мне всегда казалось, что вы мудрее.

- Не больше, чем вы, миледи. Но всем нам иногда нужен взгляд со стороны.

- Вы влюблены в кого-то?

Интентой с каждой секундой все больше овладевало любопытство.

- Есть одна женщина. Но давайте сначала разберемся с вами, - мягко предложил вампир, снова улыбаясь. Он поменял позу, устремляя дружеский сочувственный взгляд на Интенту, она смущенно кивнула, тут же сплетая пальцы на коленях нервным, судорожным движением.

- Я даже не знаю, откуда начинать разбираться. Понимаю, что хочу целую кучу противоположных вещей сразу, и все.

- Например?

- Я не знаю, как это сказать, - на глазах Интенты блеснули слезы против её воли, и пришлось ещё ниже опустить голову. - Иногда я думаю, что лорд Маркал просто играет со мной, а в другие моменты мне кажется, что он серьезен. Просто по каким-то причинам ему тяжело признаться.

- По каким-то причинам? - хмыкнул вампир. - Да его невеста у алтаря бросила. И до этого еще,

говорят, была какая-то история. У нашего Черного лорда определенно был повод возненавидеть женский род.

- Да, наверное, был, – согласилась Интента. - Но ведь это не означает, что он непременно влюблен в меня.

- Нет, не означает, – пожал плечами Венсан. - Но вы не узнаете наверняка, пока не разберетесь с вашей помолвкой – насколько я понял ваш пересказ, он вам ясно дал это понять, верно?

- Я не хочу нарушать волю Просветленного, – отрезала она, едва не перебивая вампира, и сопровождая свое высказывание резким покачиванием головы из стороны в сторону, – Это перечеркнет всю мою жизнь, все мои достижения, все...

Остановившись из-за того, что в горле перехватило, она потеряла ладонью шею.

- Вы чего-то сильно боитесь, миледи? – снова понизив голос, спросил Венсан.

- Да, боюсь, – прошептала она, поднимая взгляд на друга. - Я боюсь, что Маркал и Кетим правы, что Просветленный просто использует меня. Я еще до отъезда в академию думала – кто я такая? Слишком молода, слишком неопытна для решающего испытания. Так что, возможно, это не оно. Возможно, это вообще не испытание для меня, а просто работа, которую надо сделать.

- Получается, Просветленный обманул вас? – уточнил Венсан.

- Не совсем, – растерянно заметила Интента, сясь вспомнить, что именно сказал ей Просветленный тогда, ещё в школе. - Кажется, он и не говорил о решающем испытании, это я сама так решила. Все, что он сказал – что моя жизнь будет на кону.

- Ну, это, похоже, правда. Вы уже подверглись смертельной опасности в Нуарессе, а вступление в брак – серьезный поворот в жизни каждого, – рассудительно заметил магистр Вермар, вновь меняя позу, но не спуская глаз с собеседницы. – Но что это меняет для вас, будь это испытание или нет?

- Не знаю.

Плечи Интенты опустились. Она набрала воздуха, чтобы что-то сказать, но потом задумалась и, наконец, покачала головой:

- Я все равно должна выполнить то, что сказал достигший света.

- В вашем голосе столько энтузиазма. Еще немного – и я сам побегу за заданием к вашему Просветленному.

Интента с изумлением уставилась на вампира, и лишь мгновением спустя осознав, что это была ирония, прыснула – и расхохоталась. Этот смех, словно взрыв, принес неожиданное облегчение, и чем больше она смеялась, тем более легким ощущала свое тело, и всю свою сущность. Вермар тоже смеялся, глядя на нее, хоть и гораздо спокойнее. А Интента долго не могла утихомириться, пока не начала тихо постанывать, вытирая слезы:

- Помогите мне дух просветления... Венсан... спасибо вам. Я чувствую себя такой глупой.

- Что-то решили? – мягко спросил вампир, снова принимаясь складывать палочки в мешочек. Он поднялся, вглядываясь в растения, и стал обходить близлежащие кусты, чтобы добраться до одного из них, растущего в центре.

- Почти, – отозвалась Интента, следя за ним глазами, – Скорее, почувствовала облегчение. Вы были правы, я совсем не хочу больше выполнять это задание. О, как же приятно просто признать это: оно ужасно давит на меня, и наверное..., – она сглотнула, замирая перед тем, как произнести то, что уже было в сердце, – наверное, это неправильно. Я не хочу так идти к свету.

- Слава темному духу, – тем же насмешливым умиротворенным тоном отозвался Вермар. – Интента, вы не можете мне отодвинуть эти ветки? Я хотел бы собрать немного листьев этого тенелюба.

- Конечно, – оживилась Интента, вскочив с места, чтобы помочь другу.

- Он, кажется, быстро заживляет ожоги? – спросила она, наблюдая за ловкими пальцами магистра, которые аккуратно ощупывали листья, чтобы выбрать – и только затем срывали некоторые из них, складывая в мешок.

- Верно. Но не только. Из него ваша подруга Амалия могла бы сварить несколько чудесных зелий, а я использую тенелюб для настоек и...

- Ваша невеста Амалия, вы хотели сказать, - с улыбкой поправила Интента, бросив косой взгляд на неуловимо изменившееся лицо вампира. И тут с изумлением заметила, как на его скуле проявилось легкое розовое пятно.

- Можно и так сказать, - изо всех сил стараясь поддерживать ровный тон, ответил Венсан, но это отняло у него слишком много усилий - и Интента снова заметила. Она слегка отстранилась, чтобы заглянуть в лицо другу удивленным взглядом:

- Венсан! Вы, кажется, смущены?

- Миледи, я прошу вас. Амалия возвращается завтра, и я не хотел бы...

- Завтра?

Интента удивилась так, что невольно отпустила ветку, которая с силой хлестнула вампира по лицу. Получив неожиданный удар, Венсан издал сдавленный крик и гневно уставился на нее.

- Ах, твоего ж косолапого, - спохватилась Интента, с опозданием перехватывая ветку, - Простите. Простите меня, Венсан. Я просто...

- Я понял, - ворчливо прервал ее Вермар, потирая лицо, - Вы не знали. Осторожнее.

Он подал ей руку, помогая выбраться из гущи кустов, и Интента какое-то время прятала глаза, делая вид, что ужасно занята очисткой одежды от листиков и веточек.

- Амалия не написала мне ни строчки за весь месяц, хотя я пыталась писать ей много раз, - призналась она со вздохом после долгой паузы.

- Оно и понятно. Амалия влюблена в Кетима, а вы теперь - его невеста, - кивнул магистр, и Интента кивнула:

- Знаю. Она ужасно расстроена. Но я понятия не имела, что вы...

- Амалия была рада стать моей невестой, потому что мечтала показать Кетиму свою независимость. А я был рад, потому что... просто рад, - со вздохом сказал Вермар, вновь озвучивая ее мысли, и Интента опустила глаза:

- Я не хотела быть бестактной.

- Вы не были. Все в порядке, мы же друзья. Просто не выдавайте меня, ладно?

- Хорошо. Венсан, а почему вы с Кетимом так недолюбливаете друг друга? - спросила Интента, когда они медленно стали выбираться из леса.

- Это не связано с Амалией. Давнишняя история, честно говоря. Расскажу как-нибудь в другой раз, хорошо? - сказал Вермар, и она кивнула.

Вампир открыл рот, чтобы добавить что-то, но потом ничего не сказал, качнув головой, затем, несколько минут спустя, сделал так снова. Интента терпеливо ждала, пока они шли рядом в тишине, но затем, когда до центральной лестницы замка осталось рукой подать, и он в третий раз открыл рот, резко поторопила:

- Ну же, Венсан, говорите. Что бы это ни было!

Тяжело вздохнув, вампир поправил рукой волосы и с досадой цокнул языком:

- Вы наверняка сочтете меня предвзятым. Но ради духа созерцания и всего, что вам ещё дорого, Интента, послушайте меня, ведь я ваш друг.

- Хорошо, - кивнула она, когда Венсан снова сделал паузу.

- Будьте осторожны с лордом Кетимом. Возможно, он продолжает игру с вами, и... понимаете, иногда все не то, чем кажется, - сбивчиво продолжил вампир, но Интента, сузив глаза, схватила его за руку:

- Что вы хотите сказать, Венсан?

- Ничего особенного. Я могу оказаться неправ.

Они остановились, пристально глядя друг на друга, и ей показалось, что Венсан вот-вот скажет нечто важное, как вдруг совсем рядом послышался громкий уверенный голос Кетима:

- Что я вижу, моя милая невестушка. Неужели вы предпочли мне другую компанию на вечерней

прогулке?

Интента невольно улыбнулась, поворачивая голову в сторону голоса и теплым взглядом посмотрела на Ульриса, который спускался по центральной лестнице им навстречу. Темный лорд как всегда кутался в переливающийся от заклинаний плащ, на этот раз серебристого цвета.

- Это была дневная прогулка, милорд. Но боюсь, сегодня у меня немало работы, так что придется обойтись без вечерней, - с небольшим книксеном отозвалась Интента, мгновенно вспоминая, что они на публике, и потому меня выражение лица на непроницаемое. Ульрис остановился в нескольких шагах, с таким же каменным лицом бросив неопределенный взгляд на магистра Вермара. Мужчины поприветствовали друг друга крайне сдержанными кивками, после чего взгляд Кетима вновь обратился к невесте:

- В таком случае рассчитываю на совместный ужин завтра, моя дорогая.

- С удовольствием, - холодно отозвалась Интента, сделала ещё один книксен и повернулась к вампиру, - Благодарю за прогулку, магистр. Буду рада видеть вас в понедельник на внеклассном чтении.

- С удовольствием, миледи, - с поклоном отозвался Вермар, и они распрощались.

Не глядя более ни на кого из мужчин, Интента быстро поднялась по лестнице. В ее голове мелькнуло, что за всеми своими тревогами и любовными драмами она совсем запустила подготовку к лекциям. А студенты между тем настояли на возобновлении внеклассного чтения, до которого оставалось всего два дня. И лорд Маркал, к тому же, упрямо проставил ей свои индивидуальные занятия на следующую неделю, даже после их откровенной ссоры.

***

Весь следующий день Интента провела в книгах, готовясь к лекциям, а между этими делами напряженно размышляла, что написать Просветленному. За всю жизнь ни в одном страшном сне ей присниться не могло, что она будет писать такое достигнутому свету, да ещё находясь в столь спокойном, умиротворенном состоянии. Но реальность переворачивала все ее представления из прошлого - ей действительно хватило четырех месяцев в вотчине темных, чтобы полностью переосмыслить всю жизнь.

Набравшись готовности к вечеру, Интента разложила на столе пергамент и быстро настрочила два абзаца, где очень коротко и сжато умудрилась сообщить все главное, а затем надолго задумалась. Не потому, что не знала, как продолжить - просто поняла, что в этом нет особой необходимости. Прежняя Интента и не смогла бы написать письмо длиной меньше одного листа, а теперь она даже не видела пользы в том, чтобы исписать даже половину: Просветленный, безусловно, все понимал. И она теперь - тоже.

Глубоко задумавшись, Интента погрузилась в детские воспоминания. Тогда родители еще могли ругаться между собой. В обоих хватало язвительности и остроумия, чтобы пикироваться, не повышая голоса, и при том серьезно ранить друг друга. Плохо понимая тогда смысл их слов, она чувствовала боль каждого почти физически и испытывала постоянную растерянность и чувство вины. Девочкой она думала, что все ссоры родителей - из-за нее.

Ее мама вышла замуж за светлого мага по любви, но Просветленный не дал благословения на переезд из вотчины, и отец пошел навстречу невесте, отказавшись от всего - от своего титула, от сопутствующих ему статуса и привилегий. Он понятия не имел, на что шел под влиянием порыва - и вся последующая жизнь в браке превратилась в борьбу.

Иногда Интенте даже казалось, что папа вот-вот бросит все и уедет, но после таких вечеров со ссорами в их доме появлялся Просветленный, который приходил к завтраку и вел длинные беседы с ее отцом, затем короткие - с матерью. И пару слов обязательно находил для нее, всегда ободряя и не забывая напоминать, что путь к свету непрост, а любые трудности следует воспринимать как благо - ведь только в их постоянном преодолении можно продвигаться в развитии.

К тому времени, как она выросла, Интента привыкла каждый день что-то преодолевать. Она отдавала все свое внимание и энергию ученикам в школе, во всем слушалась Просветленного и с улыбкой успокаивала родителей, если видела, что они сердятся - теперь они чаще обращали негативные эмоции в сторону: на продавца в магазине или сослуживцев, избегая даже самых незначительных споров между собой. Но все время, сама того не замечая, Интента тайно мечтала, что однажды вся ее жизнь изменится. Тогда, в школе созерцания, она связывала это с достижением света или хотя бы с счастливым браком - с кем-нибудь из местных, разумеется, чтобы это не было как у родителей. Тогда Интента и подумать не могла, что Просветленный выбрал для нее темного.

Лилайт не отвечал на ее вопросы уже месяц, сколько она ни спрашивала, чем должна закончиться ее помолвка. Что это значит - было предельно ясно. Достигший света часто не отвечал

на вопрос, если ответ на него был столь же очевиден, сколь и нежелателен для спрашивающего. Так, в семь лет Интента не могла добиться от него ответа, не помешает ли ее пути к свету переписка с одной ведьмой-сверстницей, с которой она познакомилась во время поездки в королевскую вотчину. В конце концов она так и не решилась ответить ни одно из писем той девочки, хотя ей очень хотелось это сделать. А в ее шестнадцать Просветленный наложил такой же негласный запрет на путешествия – и она никуда не поехала после некоторых размышлений.

Теперь, как она поняла, расторжение помолвки так же не обсуждалось. Ее миссия была в том, чтобы выйти замуж за Кетима и оттянуть его от тьмы к созерцанию любимыми средствами. Маркал был прав – Просветленный пользовался ею как инструментом. Ведь не всем, в конце концов, суждено достигнуть света сразу – некоторые лишь помогали другим, облегчая себе путь в следующих жизнях.

Но Интента никогда не планировала так далеко откладывать свою главную цель. При мысли о том, чтобы прожить тусклую, унылую жизнь замужем за нелюбимым человеком, пусть даже таким интересным, как Кетим, посвятить всю себя служению – ей становилось не по себе. Ясно же, что Ульрис возненавидит ее через год, если не раньше. И будет то же, что у ее родителей – или даже хуже. Ведь он не светлый, как ее отец, и не будет щадить никого – ни ее, ни их будущих детей, случись им появиться. Нет, она вовсе не собиралась на этот раз безмолвно идти на поводу у Просветленного, обрекая себя вместе с упрямым темным на постылый брак. Ее родители, если уж сравнивать с ними, хотя бы любили друг друга в самом начале.

С улыбкой подписавшись и запечатав письмо Просветленному, Интента отправила его по сети, а потом сняла с пальца кольцо Кетима и положила его в бархатный мешочек. Осталось только вернуть его за ужином – а потом будь, что будет. Если Маркал и впрямь ввел ее в заблуждение относительно своей заинтересованности – что ж, она перенесет этот удар и будет жить дальше. Если Просветленный отлучит ее от родной вотчины – так тому и быть. Родители и не заметят ее отсутствия, а в королевстве немало мест, куда она может уехать жить и преподавать. И даже если созерцание уйдет из ее жизни – в ней останутся любимые книги, уроки литературы и друзья.

На ее сердце потеплело, стоило лишь представить лица Вермара и Амалии. Амалия, конечно, перестанет сердиться сразу, как узнает, что Интента больше не помолвлена с Ульрисом. Другое дело, что это не избавит ее от страданий из-за неразделенной любви. Но, возможно, в этом ей поможет Венсан, подумала вдруг Интента и снова улыбнулась.

Она даже не понимала, что прежде у нее не было настоящих друзей – с подругами по школе они только и говорили, что о стремлении к свету и об испытаниях. Никто не делился своими настоящими чувствами, вдруг поняла она. Никто не упоминал о сомнениях и обо всем том, что не укладывалось в благостную картинку всеобщего душевного равновесия – например, Интента не рассказывала никому о ссорах родителей, и только здесь, в темной вотчине, почувствовала, что может об этом упомянуть в разговоре с Амалией, а потом и с Маркалом.

Вся ее прежняя жизнь растворилась, словно была химерой, вся переписка с домашними и прежними друзьями почти иссякла за два-три месяца, и теперь это были лишь дежурные сообщения без какого-либо тепла и откровенности. Едва подумав о Вермаре, Интента почувствовала, что снова хочет поговорить с ним, но тут же вспомнила: полнолуние. Уже канун – а значит, он не доступен. Зато можно поговорить с Амалией после беседы с Кетимом, с улыбкой подумала она. Наверняка, магиня уже приехала, и она без труда найдет ее поздно вечером за разбором вещей.

Все еще пребывая в приятной неге, вызванной чувством облегчения после отправки письма Просветленному, Интента лениво взглянула на часы и принялась одеваться к ужину с Кетимом. Одевшись в самое яркое платье из всех, что он ей подарил, Интента с улыбкой принялась за прическу, а покончив с этим, не пожалела и украшений, чувствуя себя так, будто направляется на праздник. Ей было приятно доставить радость и себе, и Кетиму, и на несколько мгновений она даже позволила представить себе его довольное выражение лица после того, как темный маг узнает, что, наконец, свободен.

Внимательный взгляд Ульриса, встретившего ее у лестницы, сразу заметил все эти детали, и он наклонил голову:

- Какой-то приятный повод, миледи?
- Вам понравится, милорд, - просияла она ответной улыбкой, и Ульрис спокойно кивнул:
- Что ж, прошу.

Обычно они ели в его огромных апартаментах, расположенных на четвертом этаже замка прямо над апартаментами Маркала и состоявшими из кабинета, столовой и спальни, и сейчас поднимались по широкой лестнице именно туда.

Привыкнув к темной атмосфере, Интента даже потихоньку сроднилась с ней, и теперь

чувствовала себя вполне свободно и уютно в этом месте – правда, старалась не заходить в его спальню, всю увешанную и уставленную какими-то амулетами и слишком темную, на ее вкус – когда она созерцала это помещение, оно будто переливалось тьмой, сочилось ею, как свежий срез темного смоляника – самого магического растения из темной вотчины – истекает черной смолой от самого легкого нажатия на мягкий ствол.

Словно чувствуя это, Кетим обычно прикрывал дверь в спальню, но на этот раз, когда они вошли, она была открыта – и Интента инстинктивно выбрала такое место за накрытым столом, чтобы сидеть спиной к этой двери.

- У нас новая партия земляничного пива, – возвестил Ульрис, наполняя ее стакан пенистым душистым напитком. – Я позволил себе заказать мясо птицы и острые закуски.

- Это замечательная идея. Только, боюсь, ты уже внушил мне чересчур большую любовь к пиву, Ульрис, – сдержанно улыбнулась Интента, но все же быстро наклонилась над своим стаканом и с наслаждением вдохнула восхитительный аромат.

- Думаю, полнота еще долгое время не будет грозить тебе, моя крошка, – улыбнулся Ульрис и поднял стакан:

- За что пьем?

- За окончание помолвки, – сияя неудержимой улыбкой, сообщила Интента, наблюдая за лицом темного мага.

- Неужели? – улыбнулся он, чуть более сдержанно, чем она ожидала, и приподнял брови.

- Да. Я написала Просветленному, и... я больше не могу, честно говоря, – снова улыбнулась она.

- Что ж. Это замечательная новость, моя радость.

Они выпили, и Интента, спохватившись, с досадой цокнула языком:

- Кажется, я забыла твое кольцо в комнате.

- Успеешь его вернуть, – успокаивающе откликнулся Кетим, – Поешь, Интента. Уверяю, эта деревенская куропатка просто восхитительна.

- Ульрис, я хотела спросить вас... тебя...

- Да, дорогая?

- Это по поводу Маркала. Вы давно знакомы?

- Лет двадцать. Он еще был подростком, когда я появился при дворе.

- Его действительно бросили две женщины?

- Милая, он мой близкий друг. Я не буду обсуждать его личную жизнь ни с тобой, ни с кем-либо еще.

- Прости.

Интента прерывисто вздохнула, испытывая стыд. О чем она только думала, задавая этот бестактный вопрос? Протянув руку к стакану с пивом, она не глядя поднесла его ко рту и сделала два больших глотка.

- Нечего прощать, моя прелесть. Я примерно понимаю, к чему ты клонишь, и вот, что я тебе скажу, – Кетим привстал, чтобы дотянуться до корзинки с хлебом и снова откинулся на сиденье, изучая ее взглядом, – Тебе лучше забыть про Маркала, и чем быстрее, тем лучше. Он с некоторых пор стал большим ценителем свободы и разнообразия, это понятно?

- Да, – отрывисто сказала Интента, глядя в сторону. Она хлебнула слишком много пива на голодный желудок, а еда не лезла в горло, так что теперь в голове неприятно шумело.

- Ну, будет. Будет, моя прелесть. Ты же приличная умная женщина, а именно приличная женщина всегда найдет, об кого потерять свои местечки. Это только падшие туповатые создания вечно гоняются за кем-то одним и непременно убиваются при этом.

- Лорд Кетим... мне, кажется, нехорошо, даже в ушах звенит, – пробормотала Интента, когда ей послышалось что-то свистящее в его успокаивающем негромком голосе.

- Съешь что-нибудь, - ещё тише сказал он, едва ли не шепотом.

- Не могу... тошнит.

Интента бросила взгляд на темного мага, удивленно глядящего прямо на нее, и поняла, что вот-вот упадет в обморок – его лицо, во всяком случае, слегка расплывалось перед глазами.

- Пойдемте-ка со мной, - проворно вскочив на ноги, предложил Кетим. – У меня в спальне есть нюхательные соли и одно отличное отрезвляющее зелье.

Изо всех сил борясь с тошнотой, Интента позволила ему обнять себя за плечи, и очень быстро очутилась там, где меньше всего хотела бы быть – сидящей на его постели и жадно нюхающей коробочку с резким ароматом перца, мяты и... чего-то еще, неуловимого. А затем Кетим поднес к ее губам и почти силой заставил сделать пару глотков жидкости с похожим вкусом.

- Пустынник? – еле ворочающимся языком пробормотала Интента, опознав, наконец, и запах, и вкус, и словно откуда-то издалека услышала голос Кетима:

- Пустынник, верно... вы талантливый юный травовед, моя прелесть.

На следующее утро Интента просыпалась так медленно, словно накануне выпила целую бочку пива. Сначала издалека доносились знакомые голоса, которые все никак не удавалось опознать. Потом появился свет, и его постепенно становилось все больше, но веки чувствовались такими тяжелыми, что даже мысли не приходило поднять их. И только целую вечность спустя начали шевелиться в голове первые связанные размышления. О том, чьи это были голоса, например. Один из них точно принадлежал Кетиму, а второй все ещё не вспоминался. А потом появился третий голос. И вскоре из небытия выплыло имя: «Афрон». За ним медленно пришел образ, соединился с голосом, и, наконец, получился целый человек – камердинер. Камердинер лорда Мерсье. Почему она спит при Кетиме и Афроне? Где она?

С огромным усилием воли открывая глаза, Интента тихо застонала и подняла руку, загораживая лицо от света из окна:

- Кетим... где я?

- А вот и моя красавица проснулась. Афрон, мы рассчитываем на твою деликатность, - послышался такой заговорщический голос темного мага, что у Интенты мурашки поползли по спине. Что произошло?

Приподнявшись на локтях, она в последний момент поймала сползающее одеяло и по уши залилась краской, обнаружив себя полуголой в постели Кетима. Утро в его спальне. И первый голос – горничная. Горничная, которая зашла прибраться в апартаментах и разбудить Ульриса. А за ней явился Афрон – видимо, с каким-то сообщением от Маркала.

Едва встретившись взглядами с Кетимом, выглядевшим удовлетворенным, как никогда, Интента похолодела – и все поняла. Прежде, чем она успела вымолвить хоть слово, Афрон уже вылетел наружу, и Кетим улыбнулся, проводив его взглядом.

- Вы... вы не хотели расторгать помолвку, - прохрипела она, с трудом откидывая одеяло и поднимаясь.

- Тише, тише, – сказал Кетим с искренней заботой в голосе, мгновенно оказываясь рядом, – Пустынник – тяжелая штука. Выпейте это, быстрее придете в себя.

Одарив его взглядом, полным ярости, Интента оттолкнула от себя чашу с острым лимонным запахом:

- Я больше ничего не хочу пить из ваших рук.

- Мудро, но поздно, моя милая. Сейчас это всего лишь лимонная трава. Я поставлю здесь, на столик. Если хотите прийти в себя перед лекциями – это ваш единственный шанс.

- Так теперь мы снова на вы?

- Как скажете, любовь моя, – с довольной улыбкой отозвался Кетим. Полностью одетый, он стоял у окна и, сложив руки, изучал глазами ее всю – от оголенных коленей до красного лица. Закипев от наглого взгляда ещё больше, остро осознавая свою незащищенность в тоненькой нижней рубашке и чулках, Интента вскочила, тяжело дыша:

- Где мое платье?

- Там, - невозмутимо ответил Кетим, указывая на изящный шкаф. Платье висело прямо на дверце.

Надев его порывистыми движениями, Интента посмотрела в зеркало, и едва не взвыла от досады: Кетим отлично поработал над тем, чтобы ее внешность соответствовала тому, как выглядели девицы после ночи любви. Спутал волосы, потер губы каким-то заклинанием, чтобы припухли и покраснели... или...

Обернувшись, Интента смерила его диким взглядом и невольно опустила глаза вниз, на собственное тело:

- Вы... вы меня не...

Вытаращив искренне удивленные глаза, Кетим прыснул и залился смехом, закинув голову назад. Замахав на нее руками, он пытался что-то сказать, но какое-то время мог лишь смеяться и делать отрицательные руками.

- Нет, нет, моя прелесть, - наконец, выдавил он, отдуваясь, между приступами смеха, - вы соблазнительны, конечно, но не настолько, чтобы я стал насиловать вас спящей. Когда мне захочется скрепить наш брак по-настоящему, обещаю, вы будете в полном сознании.

- Этого не будет никогда, - бросила она побелевшими губами.

- Может так, а может, и по-другому, - беззаботно пожал плечами Кетим. - Так или иначе весь замок к вечеру будет знать, что вы провели со мной ночь. Горничные нынче так болтливы...

- Мне все равно. Пусть думают обо мне, что хотят, - замотала головой Интента. - Я расторгаю помолвку.

- Дело не в том, кто что думает и говорит, моя милая, - вкрадчиво перебил ее Ульрис, - Дело в том, что тогда мы тогда вас уволим, и вряд ли после такого вы сможете устроиться хоть куда-нибудь. В приличные заведения, знаете, не берут молодых учительниц, которые спят со своим начальством. Другое дело - любовь помолвленной парочки, на это редкий ханжа не посмотрит сквозь пальцы. Не дождалась свадьбы, с кем не бывает.

Только гигантским усилием воли Интенте удалось сдержаться, не ответив ему ни слова. Крепко сжав кулаки, она тихо стояла несколько секунд на месте, пережидая взрыв собственной ярости, а затем молча задрала подбородок и прошла мимо Кетима к выходу, все ещё пошатываясь от опьянения пустынным. Но гнев словно отрезвил ее, и ей достало сил молча дойти до двери.

Там она обернулась, смерив Кетима непонимающим взглядом:

- Что вы пытаетесь сделать, милорд? Зачем? Вы мстите Просветленному или идете у него на поводу?

Но на лице Ульриса не дрогнул ни один мускул в ответ на ее эмоциональные вопросы.

- Все, что вам нужно знать, миледи - мы поженимся. И я буду прекрасным мужем для вас, обещаю.

Его взгляд на последних словах стал ласковым, но Интенту это лишь разъярило еще больше прежнего:

- Я скорее умру, чем выйду за вас, лорд Кетим, - прошипела она, резко повернулась и вылетела из его апартаментов.

- Нет, не умрете, - почти бесстрастно сказал ей вслед Ульрис, когда Интента уже не могла его слышать. А затем повернулся к зеркалу и принялся неспешно причесываться, но почти не смотрел на свое отражение, о чем-то напряженно размышляя.

ГЛАВА 26.

Последствия происшедшего Интента начала ощущать почти сразу, как только появилась в академии перед самой первой лекцией. Было похоже, что Кетим даже недооценил болтливость горничной и Афона, когда напророчил распространение новости лишь к вечеру. Студенты переглядывались, преподаватели бросали косые взгляды – правда, кое-кто одарял ее понимающими улыбками – и некоторые даже более теплыми, чем обычно. Но больше всего резанул по сердцу холодный взгляд Венсана издали – вампир, против обыкновения, даже не поприветствовал ее вслух и почти сразу отвернулся, когда увидел.

На обеде никто не проявлял явного недружелюбия, но и садиться рядом преподаватели не спешили, словно сами не знали, как теперь правильно к ней относиться. Амалия, холодная как глыба льда, прошла мимо так, словно не знала ее – и присоединилась к Вермару, насупленному и сидящему в углу со стаканом воды. Ему явно было нехорошо перед самым полнолунием, но он благосклонно воспринял компанию белой магии, и теперь Интента удивлялась, как могла раньше не замечать грустную нежность в его взгляде на ее подругу – явный знак безнадежной влюбленности.

- Вы позволите, деточка? – раздался прямо над ухом скрипучий насмешливый голос, и Интента с огромным облегчением улыбнулась леди Лизергейн, подошедшей со своим подносом.

- Конечно, миледи. Я буду счастлива разделить с вами обед, – просияла она, чувствуя, как даже аппетит возвращается при единственном ободряющем взгляде от этой глубоко уважаемой ею женщины – как всегда, безупречно причесанной, одетой и полной спокойного достоинства.

- Простите мне мою откровенность, сударыня, но выглядите вы не лучшим образом и замечу, что в таком состоянии истинная леди не станет часто мелькать на виду у всех, – негромко сказала Мелиция, опустившись на стул.

- Но я не леди, так что мне это позволительно, – криво усмехнулась Интента, заставляя себя проглотить ложку супа, а затем другую и третью. Лизергейн склонила голову на бок и какое-то время молча изучала ее взглядом. Затем глубоко вздохнула и понизила голос:

- Итак, насколько я знаю Ульриса и как могу судить по результату, он опять учинил какую-то подлость.

- Вы правы, леди Лизергейн. Но я заранее прошу меня простить, сегодня не имею желания откровенничать о вашем любимом мальчике.

- Любимый мальчик, миледи, у меня только один, если уж на то пошло – это мой сын, который сидит за моей спиной. А Кетима я просто с детства знаю, и восхищаюсь его талантом, что вовсе не означает автоматического одобрения всех мерзостей, которые он творит, – весьма резко и эмоционально ответила леди Лизергейн – впрочем, почти не повышая голос.

Длинная фраза не сразу улеглась в сознании Интенты, и какое-то время она просто молча смотрела в глаза Мелиции, лишь затем догадавшись глянуть за ее спину. Но там, в поле ее зрения, находились только женщины-преподаватели и... магистр Вермар.

- Не может быть, – оторопело пробормотала она, переводя вопросительный взгляд на свою собеседницу.

- Не может быть что? Что мой сын – вампир? Что я его люблю? Что ж в этом такого невозможного? – насмешливо уточнила Мелиция.

- Что вы... что вы... я никогда не слышала никаких слухов, – медленно проговорила Интента, в последний момент подменив слово «сплетен». – Вы ведь никогда не были замужем, леди Лизергейн, и вы... вас все так уважают.

- А это очень интересная тема, леди Интента, – заметила ее собеседница, переменяя позу, которая теперь демонстрировала явное оживление. – Слухи и сплетни обычно преследуют тех, кто их боится. Если же вам нет дела до сплетников, то и они очень скоро почему-то находят себе новый объект для пересудов.

Положив ложку, Интента посмотрела в сторону, на секунду представив, что будет, если она прямо сегодня, в учительской, швырнет в Кетима его кольцом. Какими словами все те, кто сейчас оценивающе смотрит на нее, словно примеряясь, станут обсуждать ее после такого? Какие выражения использует Маркал, когда объявит о ее увольнении на ближайшем собрании? Что она увидит на лицах студентов напоследок?

Тяжело задышав, она стала бороться со слезами, и тут прохладная ладонь леди Лизергейн

внезапно накрыла ее руку:

- Интента, соберитесь. Я хочу вам помочь, голубушка. Жду вас в моем кабинете через пятнадцать минут, выпьем чаю.

Быстро поднявшись, Мелиция оставила поднос с почти нетронутой едой на столе и изящной походкой вышла из столовой. По ее лицу никто бы не понял, что именно она обсуждала только что с расстроенной молодой преподавательницей, оказавшейся в центре скандала. Может, выговор делала, а может, и утешала, размышляли преподаватели, с интересом проводившие декана глазами, а затем не сдержавшиеся от перегибков и перешептываний между собой.

В кабинете леди Лизергейн ничего не изменилось с тех пор, как Интента впервые пересекла его порог. Все смотрелось довольно строго и функционально, но все же было заметно, что здесь обитала женщина, хоть и темная: тут фигурная подставка для бумаги, там цветок лучезарника на окне, изящная напольная ваза в углу и кресла едва ли не вдвое меньшего размера, чем в ректорате.

В одном из них, когда Интента вошла, сидела хозяйка кабинета, разливая чай из белого фарфорового чайника. Аромат изысканного напитка, смешанный с запахом свежей мяты на блюде, достиг ее ноздрей, и она сразу немного расслабилась. Такие чаепития с приятной собеседницей всегда успокаивали ее – и теперь она даже готова была немного приоткрыть леди Лизергейн душу.

Сейчас, когда секрет расположения темной магии приоткрылся, Интенте стало легче доверять ей. Внезапные откровения про Кетима от вечно сдержанной Мелиции всерьез насторожили месяц назад – казалось, она слишком внезапно и слишком сильно потеплела к ней без всяких оснований. Из-за этой странности весь последний месяц ей даже не хотелось приближаться к декану.

Теперь же все прояснилось – Лизергейн полюбила Интенту за дружбу с Вермаром и, возможно, за данную ему кровь – если, конечно, Мелиция знала об этом. Наверняка знала, подумала Интента, еще раз заглянув в темные умные глаза.

- Присаживайтесь, милая, выпейте чаю, – пригласила Мелиция, подвигая в ее сторону тоненькую чашечку на блюдечке, из которой поднимался ароматный пар.

- Благодарю.

Интента со вздохом опустилась в кресло, предоставляя начать беседу леди Лизергейн – раз уж та сама ее пригласила.

- Вы, должно быть, недоумеваете, с чего эта странная старуха снова лезет не в свое дело, – спокойно начала Мелиция, наблюдая за ее лицом. И, заметив на нем недоумение при словах «старуха» и «лезет», махнула рукой, – Неважно. Я всего лишь хотела рассказать вам кое-что, скорее даже напомнить нечто, что вы, безусловно знаете, но по какому-то нелепому стечению обстоятельств запамятовали.

- Я вас слушаю, леди Лизергейн, – отозвалась Интента, все еще не понимая, к чему клонит собеседница.

- Первое, о чем мне хотелось бы вам напомнить, – строго и серьезно произнесла Мелиция, слегка отодвигаясь от стола. – Вы – замечательный преподаватель, редкий специалист, приобретение которого станет безусловной удачей для любого учебного заведения королевства.

- Спасибо, – прерывисто вздохнув, кивнула Интента, – мне невероятно приятно слышать такое из ваших уст.

- Второе, – едва ли не перебив ее, продолжила Лизергейн, – вы на редкость интересная личность, леди Интента, с удивительно развитым, по нынешним временам, умом и, что, пожалуй, даже важнее, с чутким сердцем. И, если уж на то пошло, вы красивая интересная женщина, не оценить которую может лишь мужчина с чурбаном вместо головы. Таких, правда, нынче много.

Едва сдержав улыбку от того, каким характерно скрипучим стал голос Мелиции на последних словах, Интента кивнула и поставила перед собой чашку, чувствуя, как наполняется силами от комплиментов в свой адрес из уст такой женщины.

- И именно поэтому, милая моя, я замечу, что вы будете полной дурой, если не возьмете свою судьбу в собственные руки.

Мелиция резко мотнула головой, когда Интента открыла рот, чтобы что-то сказать, и слегка повысила голос:

- Да, в собственные руки. Что бы там ни творил этот мерзавец Ульрис, с которым я еще непременно поговорю... нет, не смейте прерывать меня, я знаю, что делаю, и долго копила вопросы

к его темноте по целому ряду, скажем так, происшествий. Так вот, что бы он ни творил, как бы плохо не распоряжался вашим доверием – не смейте ломаться. Можете гнуться, можете запереться в вашей комнате и заливать слезами хоть сутки напролет или прямо сейчас взять билет до Нуаресса и прогулять всю неделю подряд. Можете устраивать любые выходки – но не смейте ломаться, Интента. Даже не думайте уходить с опущенной головой. И тем более пусть вам не приходит в голову идея выходить замуж по принуждению – если, конечно, не влюблены в этого проходимца. Вынужденный брак не для вас, это вас убьет.

- Я не влюблена.

- Тогда почему до сих пор носите кольцо?

Интента перевела взгляд на кольцо Кетима, которое утром надела машинально, все ещё находясь под воздействием пустынного – а потом оставила, словно смирилась с этим. Но она ведь не смирилась?

Быстрым движением сорвав кольцо с пальца, она положила его в карман юбки:

- Больше не надену. Спасибо вам, леди Лизергейн.

- Пожалуйста, деточка. Вы весь месяц сами на себя не похожи. Какое-то время я ещё списывала это на то ужасное происшествие в Нуарессе, но теперь вижу, что Кетим вас высосал похуже тех вампиров.

Интента отвела взгляд, как только на глаза начали наворачиваться слезы. Горло перехватило.

- Я сама не знаю, почему доверилась ему, - прошептала она.

- Потому что он дьявольски хороший манипулятор, деточка. Не корите себя. Я сама бы припала к его груди со старческой слезой на глазах, не зная я этого мошенника с младенчества, – хмыкнула Мелиция.

- Прекратите называть себя старухой, это смешно, – хмыкнула Интента. – Вы красивы и полны энергии, миледи, и не заметить это может только человек с чурбаном вместо головы.

- Ну-ну, полно. Я не люблю лести, деточка.

- Это не...

- Все равно не люблю, – отрезала Мелиция, но Интента все же заметила тень довольной улыбки на ее лице прежде, чем оно вновь стало непроницаемым.

В кабинете на какое-то время воцарилась полная тишина. Обе женщины, пребывая в легкой задумчивости, сделали по глотку чая.

- Так что же мне делать? – спросила Интента, нахмурившись. – Кетим сказал, что лорд Мерсье меня уволит, если я расторгну помолвку. И я думаю, что он прав.

- Ну, уволит, так что ж? Увольте сами, – пожала плечами Мелиция. – Никто не может уволить того, кто уже ушел. И вот что, дорогая. Я дам вам рекомендации для любого учебного заведения, куда вы пожелаете поехать. Пусть только попробуют вас не взять – я и к королеве могу съездить, мне не сложно. Ее величество очень не любит ханжества.

- Надеюсь, мне не придется тревожить вас и ее величество такими мелкими вопросами, как мое трудоустройство, – пробормотала Интента, но на сердце ее мгновенно потеплело. Она была спасена. И теперь у нее действительно есть выбор. Трудный, неоднозначный, но добровольный.

- Ладно. У нас всего пять минут до урока, пора идти. Не вешайте нос, моя дорогая. И вечером я намерена посетить ваше внеклассное чтение, так что будьте любезны припасти что-нибудь особенное.

Интента высоко подняла брови, а затем на ее лице появилась загадочная улыбка.

- Знаете, леди Лизергейн. У меня, пожалуй, есть в запасе нечто совершенно особенное для этой лекции, – просияла она, поднимаясь.

- Очень хорошо, – деловито сказала Мелиция, отряхивая юбку. – Я желаю вам удачи.

Последнюю в тот день лекцию по литературе Интента провела, почти не думая, и впоследствии не могла вспомнить ни единого слова, ни единого вопроса студентов с этого урока – настолько отсутствующим было ее настроение. Все ещё не сделав выбор, она сама не знала, к чему готовится: расторгнет ли помолвку или нет, уволится или останется, дожидаясь решения Маркала, пойдет на

Кетима войной или начнет новую игру, в том числе в качестве его невесты.

Во время разговора с леди Мелицией она почти решила расторгнуть помолвку – но Лизергейн не знала про то, что происходило между ней и Маркалом, а это было самое важное. Ведь если лорд Мерсье тоже играл с ней, то только помолвка с Кетимом могла спасти ее. Иначе она просто превратится в руину, и не сможет ни жить дальше, ни работать. Не так уж она сильна, как хотелось бы.

Мозг Интенты закипал. Кетим, конечно, поступил с ней отвратительно, но, если подумать, он хотя бы себе не изменял, просто снова оказался хитрее, чем она ожидала. Подумать только, какой спектакль закатил в больнице – ей даже в голову не пришло заподозрить, что его рычание было обманным ходом. Она смеялась над тем, как Кетим боялся ее согласия, а он тем временем делал все, чтобы получить его – и преуспел. Каким-то образом понял, что его противодействие подстегнет ее, спровоцирует на согласие. Когда же он успел так глубоко разобраться в ней?

Но даже досадуя, что попалась на эту уловку, она не могла не почувствовать, как где-то в глубине души огромной ложкой бальзама на ее израненном самолюбии растекалось новое озарение: он хотел жениться на ней, при чем с самого начала. Он на самом деле хотел на ней жениться. И это намерение испугало многое в ее глазах.

Умный, талантливый, исключительный мужчина счел ее достойной для себя парой, закрутил целую интригу, чтобы заманить ее в ловушку – это ли не самый лучший комплимент от эдакого проходимца? Кроме того, в прежней жизни Интенте никто еще не предлагал руку и сердце. Когда Кетим в больнице заявил, что предложил это в шутку, это причинило боль – легкую, тупую, но все же боль. Ее словно отвергали – опять. Как в юности, когда она влюблялась во флиртующих с ней мальчиков, но ей давали понять, что это дальше флирта и пары приятных ночей не пойдет.

Снова и снова возвращаясь мыслями к Кетиму, Интента старалась быть максимально честной с самой собой и нашла, что ещё полгода назад без малейших трудностей простила бы ему все – и согласилась выйти за него замуж – если, конечно, он бы перешел к созерцанию от тьмы. Для принятия окончательного решения оставалось бы только прояснить его истинные намерения. Но теперь ей мешало одно большое черное «но». Маркал. Маркал... Стоило только произнести про себя его имя, как прямо на сердце открывалась зияющая рана, и начинала кровоточить. Она была влюблена, как девчонка, и сама не знала, во что.

Ум, чувство юмора, интеллект – всего этого хватало в избытке и у Кетима. Люби – не хочу, сходи с ума, как Амалия – нет же. Влюбилась во внешность? Смешно, ей же не четырнадцать лет. Тогда что? Что? Эхо из детства? Осколок наивной мечты застрял в одиноком сердце? Да, ей тоже хотелось когда-то своего черного лорда, но темный же ничем не хуже – и гораздо натуральнее. Именно темного она тогда и представляла.

Рациональная причина не находилась. Ее тело откликалось бурей эмоций на его запах, на его шкодливое, немного мальчишеское выражение лица, когда шутил, на воспоминания о нежном поцелуе под фонарем – и о его искренней злости позже, когда он упрекал ее за нелюбовь к украшениям. Равно, как и на смех над ее неуклюжестью после разбитой вазы. Лорд Кетим никогда так с ней не смеялся. То есть, смеялся, конечно – но все как-то не так.

Ужасно страшно... когда Интента поняла, что ее трясет от страха, и она вот-вот расплачется, то вскочила с кровати, на которой почти час лежала после уроков, размышляя. Ей надо срочно принять какое-то решение. Хотя бы половину решения. И, раз Просветленный до сих пор не ответил, получалось, что до этого решения не хватало лишь одного разговора.

Слегка пригладив волосы перед зеркалом, прихватив с собой мешочек с кольцом, но не надевая его, Интента вышла из комнаты и поспешила вверх по лестнице. Она решила – если Ульриса не окажется в его апартаментах, так тому и быть. Пусть это будет подсказкой судьбы для расторжения помолвки.

Но Кетим открыл дверь почти мгновенно, и выражение его лица на этот раз не отражало ни глумления, ни самодовольства, как утром. Оно понравилось Интенте, как и его вид – домашний, без лишнего лоска. Простые темные брюки, белая шелковая рубашка, жилет. Очень мало, по сравнению с обычным его облачением, магических амулетов – один на шее, замаскированный под деревянный кулон, второй в перстне на среднем пальце правой руки, третий нанесен небольшим черным вензелем на шее, под левым ухом.

- Я ждал вас, - сказал он спокойным, даже немного усталым голосом, впуская гостью внутрь.

- Я почему-то так и думала, - кивнула она, глядя на него без какой-либо воинственности.

На столе, действительно, ждали два стакана, кувшин с пивом и закуски – все, готовое к вечернему перекусу на двоих, уместному через несколько часов после обеда, когда до ужина все ещё оставалась пара часов.

- Объясните мне, чего вы добиваетесь, лорд Кетим, иначе я вам верну кольцо прямо сейчас, - сказала она без обиняков, положив мешочек с кольцом между ними.

- Справедливо, - кивнул он, наливая им в оба стакана пива из кувшина.

Интента посмотрела на стакан, не спеша делать первый глоток, и подвинула к себе напиток лишь тогда, когда Кетим сам начал пить. Сделав большой глоток, он отодвинул стакан в сторону и откинулся в кресле, начиная говорить.

- Я хочу сказать вам, что сильно недоволен собой. Такое редко со мной случалось в последние годы, но в этот раз вижу, что действительно совершил ошибку, и не одну.

По его глубокому вздоху после этой фразы, опущенным векам, позе, Интента все больше убеждалась, что темный маг говорит правду - недовольство сквозило во всем, и направлено это чувство было именно в его собственную сторону.

- В чем именно вы собой недовольны? - холодно уточнила она, не желая показывать ему сейчас ни грамма своих истинных чувств.

- Во многом. Я ошибся с самого начала, когда стал грубо действовать на вас в первый же день знакомства. Был слишком самоуверен, признаюсь - не разглядел вас сразу. А потом, когда отпугнул, стало сложно. Пришлось делать большой перерыв, и за это время Маркал успел влюбиться в вас в себя. Вы ведь влюблены в него, серьезно и с самых первых дней, верно? Не отвечайте, это риторический вопрос. Он действительно достойный мой ученик.

- Думаете, можете так просто управлять чувствами? Не загипнотизировали бы меня в карете - и я влюбилась бы в вас? - с долей изумления, смешанного с искренним интересом к его ответу, переспросила Интента.

- Возможно, - пожал плечами Кетим, отводя глаза. - Теперь мы этого уже не узнаем.

Они оба выпили по глотку пива, и Интента кивнула, делая знак, что слушает. Она невольно послала ему теплый взгляд, но тут же спохватилась, выпрямив спину и нахмурившись.

- Вы очень милая, моя прелесть, - не сдержал улыбки лорд Кетим, разоблачая ее на месте. - Должен сказать, сегодня ночью я с трудом сдержался. Но спать с вами рядом было очень сладко.

- У вас просто долго не было женщины, лорд Кетим, - процедила она, превращаясь в ледяную глыбу, ощущая, как каждый волосок на теле встал дыбом от его откровенных намеков. Теперь он откровенно пытался соблазнить ее, и это было приятно и неприятно одновременно.

- Это верно. Но, поверьте, меня может заинтересовать далеко не каждая.

- В это трудно поверить, - отрезала Интента, складывая руки на груди.

- Ну, хорошо, - вновь вздохнул лорд Кетим, устало смежив веки. - Я все же продолжу. Сожалею о том, что произошло прошлым вечером и сегодня утром. Действительно сожалею, леди Интента - не люблю играть так грубо, и вы этого не заслужили. С моей стороны это был жест отчаяния - я не ожидал, что вы так внезапно примете решение разорвать помолвку. Не был готов к этому, а проигрывать не люблю.

- В это я верю, - кивнула она.

- Спасибо. Тогда поверьте мне, пожалуйста, ещё в одном. Если вы выйдете за меня замуж, я позабочусь о том, чтобы вам было комфортно. Вы получите отличного мужа, учителя - я знаю, что для вас это важно, и любовника, если захотите. Вы даже получите разрешение иметь других любовников, если вам это будет угодно, милая. Да, я готов разрешить даже это, - кивнул он в ответ на изумленный взгляд.

- В обмен на что? - сузила глаза Интента. - Будете высасывать из меня силу?

- Нет, больше никогда, - резко вскинулся Кетим. - Поверьте, вы нужны мне не для этого. Можете надеть амулет вашего драгоценного друга-вампира, если не верите.

- А чего же вы тогда хотите? - удивилась Интента, теперь так искренне заинтересованная, что даже подалась навстречу, облокотившись на стол.

- Поверите, если скажу, что я вас люблю? - спросил Ульрис, пронзив ее быстрым взглядом прямо в глаза, которого Интента не выдержала, опустив ресницы.

- Нет, не поверю, ваша темнота, - снова отрезала она, чувствуя, как сопротивляется напору его

обаяния изо всех сил. Перенести Кетима, откровенничающего с ней, оказалось еще сложнее, чем дать достойный отпор Кетиму, гонящемуся за ней с лейкой.

- Вот видите, Интента – вы умная. В вас есть достоинство, красота, талант, обаяние, сила воли, честность и в то же время доброта – больше, чем у сотен других женщин там, в академии, – сказал Кетим, махнув рукой в сторону восточного крыла, – даже если они старше и опытнее вас. Вы особенная, а мне нужна особенная жена. Женщина, которой я мог бы доверять, с которой я мог бы дружить – это гораздо важнее любви, хоть для вас сейчас это и не очевидно.

- Я понимаю тебя, Ульрис. Но мы ведь можем дружить и не вступая в брак, – с мягкой улыбкой заметила она.

- Нет, моя милая, – вздохнул он. – Не так близко, как мне хотелось бы. И только до тех пор, пока вы не выйдете замуж за кого-нибудь еще, кто поглотит ваше внимание полностью. А я жадный. Я хочу много твоего внимания. У меня есть определенные планы на будущее, и я хочу разделить их с тобой.

- Твое предложение очень лестно, Кетим.

- Я знаю. Только на это и надеюсь, – улыбнулся он, невзначай подвигая мешочек с кольцом в ее сторону.

Интента улыбнулась и хмыкнула:

- Я всегда буду любить тебя как друга, Ульрис. Ты предлагаешь мне брак как темный?

- Да. Я никогда больше не вернусь к Просветленному. Слепое подчинение больше не для меня.

По тому, как резко Кетим замотал головой, Интента поняла, что он искренен, и кивнула:

- Думаю, что хорошо тебя понимаю... теперь. У меня остался ещё один вопрос – то, что вчера ты говорил про Маркала...

- Я сказал так, как думаю, – пожал плечами Кетим, поднимая взгляд. – Но я буду абсолютно честным с тобой сейчас: он тоже заинтересован. Но вот хочет ли он жениться, как ты думаешь?

- Я не знаю, – тихо сказала Интента.

- Вот и я не знаю. Так что спроси у него сама.

- Ты так легко это говоришь, потому что уверен, что он мне ничего не предложит? – еще тише добавила Интента, с тоской поглядев в сторону.

- Именно так, моя прелесть.

Интента замолчала и стала пить земляничное пиво, почти ни о чем не думая – мысли в голове, уставшей закипать от вопросов весь день, теперь еле ворочались, но стоило ей переключиться на секунду в созерцание, как откуда-то изнутри пришел важный вопрос.

- Ты совсем не веришь в любовь, Кетим? Что, если я выйду за тебя, и лет через пять-десять мы станем так близки, что полюбим друг друга?

Ульрис покачал головой, сделав круговое движение глазами:

- Я точно пожалею об этом, но раз уж обещал быть весь вечер честным – нет, не верю, что это случится. Для этого и предоставляю тебе свободу выбирать себе любовников и никоим образом не навязываюсь в этом качестве.

- Спасибо тебе за честность, Кетим, – сказала она, поднимаясь из-за стола, и Ульрис криво усмехнулся, кивая на кольцо, оставшееся на столе:

- Благодарю за урок. Рад лишний раз убедиться, что честность – удел проигравших.

- Нет. Нет, ты выиграешь благодаря этому. Только не сегодня, но обязательно выиграешь, – горячо выпалила Интента и, под влиянием порыва подошла к разочарованному темному и наклонилась, обнимая и целуя в щеку:

- Ты достоин настоящей любви, хоть и сам этого не понимаешь.

- Кажется, ты снова перебрала пива на голодный желудок, моя прелесть, – холодно ответил на это Кетим, отстраняясь – правда, отодвинулся он с легким опозданием.

Легко рассмеявшись, Интента выпрямилась и пошла к выходу:

- Мне можно, я увольня-а-а-аюсь, - пропела она напоследок.

ГЛАВА 27.

Времени после разговора с Кетимом у нее хватило лишь на то, чтобы быстро сменить платье и привести в порядок прическу. Схватив свои конспекты, подготовленные в выходные, Интента едва ли не бегом понеслась в лекционный зал, отведенный под ее второй урок внеклассного чтения. На пороге, таким образом, она оказалась слегка запыхавшейся – всего за пару минут до назначенного времени.

Пройдя сквозь широкие двери, она на секунду остановилась, широко раскрыв глаза. Первая ее лекция около месяца назад, насколько помнилось Интенте, пользовалась чрезвычайным успехом, но даже то количество слушателей не шло ни в какое сравнение с числом собравшихся теперь. Студенты не только заняли все места в зале, но также сидели на подоконниках, стояли в проходах, а некоторые предприимчивые учащиеся факультетов магии расхаживали между рядами, на месте наколдovывая желающим небольшие стульчики или подушки за сходную плату.

Один из студентов, отлавливающий «клиентов» у входа, сходу предложил свои услуги и ей, и только после долгой паузы догадался поднять голову, после чего ойкнул, извинился и отодвинулся, освобождая проход.

С трудом протиснувшись вперед, к своей импровизированной трибунке, Интента изумилась еще больше: передние ряды занимали преподаватели, среди которых с какой-то странной улыбкой сидел и лорд Кетим. А рядом с ним в первом ряду она увидела и Маркала, от чего дыхание сразу замерло, сердцебиение ускориилось втрое, а из разом потерявших гибкость пальцев на пол обрушилась куча бумаг.

Впрочем, это происшествие на этот раз было настоящим благословением – занявшись их сбором, Интента получила несколько секунд на то, чтобы прийти в себя от шока. Ей быстро помогли те, кто сидели рядом, и сама не помня как, она сразу оказалась на своем лекторском месте, лицом к лицу с огромной аудиторией и сотнями лиц в ней. Сердце все еще билось как бешеное, щеки покраснелись, и в ушах звенело.

Но тут среди общего гомона зала Интента ясно расслышала громкое характерное покашливание, и в следующую секунду ее глаза нашли Мелицию. Леди Лизергейн расположилась во втором ряду с противоположной стороны от Кетима и Маркала, одетая в бордовое платье чуть менее строгого вида, чем те, в которых появлялась на работе. Одного теплого ободряющего взгляда от декана Интенте хватило, чтобы прийти в себя. А затем Мелиция обернулась, окидывая взглядом студентов позади – и этого ребятам почему-то также оказалось достаточно, чтобы мгновенно прекратить шум и разговоры.

Бросив взгляд на свои слегка помятые, перепутанные после падения на пол записи, Интента отодвинула их в сторону и подняла подбородок, улыбаясь:

- Я благодарю вас всех за то, что пришли, и прошу прощения за столь долгий перерыв. Но так или иначе, в прошлый раз я обещала вам, что мы поговорим, как появилась серия книг про Черного лорда, а также о ее многочисленных авторах. И, конечно, о создательнице этого образа, впервые написавшей книгу под псевдонимом Алиока Пестрая. Сегодня я не буду долго говорить одна, и очень хочу сначала услышать от вас какие-то идеи. Как вы полагаете, кто эта женщина? Сколько ей могло быть лет, когда она писала эту книгу? В какой вотчине она жила? Да, пожалуйста, – ласково кивнула Интента девушке-ведьме, поднявшей руку первой.

- Я думаю, ей было лет двадцать. Она неплохо пишет, раз стала такой популярной, верно? – звонким голосом осведомилась та.

- Вы мне скажите, – ещё шире улыбнулась Интента, глядя на смелую бойкую студентку, которую увидела впервые.

- Я думаю, да, – уверенным и даже слегка дерзким тоном ответила юная ведьма. – Я считаю, ей было двадцать и очевидно, она из ведьминской вотчины, раз ее издали у нас. Возможно, какой-нибудь редактор в том же издательстве.

- Спасибо. #285274128 / 30-Nov-2017 Да, милорд, – сказала Интента, кивая студенту-белому магу явно аристократичного происхождения, лет двадцати пяти.

- Не имел радости ознакомиться с этой чушью до вашей лекции, – сказал он, улыбаясь слегка кривой улыбкой, – но прочитал несколько страниц перед сегодняшним вечером. Полагаю, это фантазии старой девы лет сорока. Ведьмы в двадцать лет не придумывают историй, они ищут настоящих приключений.

- Спасибо, – кивнула Интента и передала слово следующей студенте.

Собрав ещё несколько разных версий, она повернулась к преподавателям. Ее улыбка слегка потускнела, поскольку Амалии среди них на этот раз не нашлось, как и магистра Вермара.

- Версия профессоров?

- Раз вы спрашиваете, возможно, она не из ведьминской вотчины, – с улыбкой ответила эльфийка - преподаватель экономики с ректорского факультета немагических дисциплин. – И, думаю, это все же было юное создание. Уж очень наивный этот роман.

Интента сделала небольшую паузу, окинув взглядом аудиторию. Многие смотрели на Маркала, сегодня одетого в синее – и, возможно, замечали, как за последний месяц он фактически перестал быть «черным лордом». Его все ещё так называли, и студентки краснели, бросая флиртующие взгляды в сторону ректора, но уже почти не было слышно никаких шепотков и историй, и сам он почти ни на кого не смотрел.

Тем не менее, на этой лекции он был особенным гостем и, несомненно, многие помнили сплетни о его близком знакомстве с Алиокой Пестрой, как и о том, что ее роман, собственно, о нем.

- Леди Интента, так вы скажете нам, кто автор? – не выдержал один из студентов в последнем ряду.

- Конечно, скажу. Чуть позже, – улыбнулась Интента. – Для начала замечу, что этот роман написан буквально за несколько ночей в королевской вотчине рукой пятнадцатилетней особы не магических кровей.

По залу пронесся возбужденный шепоток. Ясно слышно было многократно повторенное слово «принц», и теперь почти вся аудитория смотрела на Маркала, немного изменившего позу. Лицо ректора замерло непроницаемой маской, но одна бровь сделала едва уловимое движение, когда он уставил пристальный взгляд на Интенту. Та ответила обворожительной улыбкой – и ему, и другим слушателям, а затем намеренно сменила тему, начав говорить и обсуждать с аудиторией то, как можно отличить авторский почерк и обнаружить различия в текстах разных книг, свидетельствующие в том числе о том, что писали их разные люди.

Намеренно дразня слушателей, Интента обсуждала с ними любопытные вещи, которые захватывали и ее саму – но не так, как самое интересное, оставленное на потом. Признаки нетерпения проявлялись на лицах все больше с каждой минутой. Только лица преподавателей оставались более-менее спокойными – хотя было заметно, что и им любопытно, что будет в конце.

Сама же Интента, хоть и поглощенная наполовину интересной игрой с залом, не могла не коситься на Маркала. В каком виде преподнес ему Афрон увиденное утром в спальне Кетима? И что кроется за его пристальным холодным взглядом? Презрение? Ревность? Разочарование? Подойдет ли он к ней после лекции, чтобы объявить об увольнении? Успел ли Кетим переговорить с ним об этом?

В том, что Ульрис после ее отказа будет настаивать на увольнении, Интента почти не сомневалась. Великодушие, очевидно, не являлось его коньком, а мстительности в нем вполне хватало – достаточно было вспомнить, что он рассказал ей в карете про то, как всегда отвечал ударом несоизмеримой силы на любой удар в свою сторону. Похоже, все, кто не подчинялись ему безусловно, давая все желаемое, становились врагами. Оставалось только удивляться, как Маркалу удалось построить с ним взаимовыгодную многолетнюю дружбу.

И все же она почему-то больше не могла осуждать Кетима или даже сердиться на него. Тепло улыбнувшись темному магу, Интента постепенно закончила тему о многочисленных авторах серии и вернулась к началу.

- Итак, как обещала, расскажу о первом авторе. Это, как я уже заметила, была очень юная девушка – примерно того же возраста, в котором находились большинство ее поклонниц тогда и впоследствии. Она приехала в королевскую вотчину из провинциального городка, и воображение ее больше всего поразили темные маги. То, как они говорили, вели себя, сам образ их мышления завораживал эту девушку. Первого романа у нее тогда не случилось – она была слишком юна, визит в столицу выдался довольно кратким.

Обводя взглядом притихший зал, Интента намеренно снова встретилась с ободряющим взглядом леди Лизергейн, чтобы преодолеть минутную неловкость и, прерывисто вздохнув, продолжила:

- Но ее первая влюбленность – абсолютно невинная и платоническая, издали, и породила образ Черного лорда – столь загадочный именно потому, что реального человека автору узнать не удалось. Она ухватила лишь общий характер и свои впечатления, интерпретацию этого образа, на который, конечно, наложили впечатление и другие книги, которые эта девочка читала, и обрывки историй, которые слышала – зачастую никак не связанные с реальностью и с тем самым человеком.

- Почему книга такая популярная? – задала Интента вопрос, заметив, что многие уже ерзают на местах и вот-вот начнут поднимать руки. - Думаю, об этом вам не расскажет даже сам автор. Возможно, в своей наивности и желании избавиться от противоречия в собственных чувствах эта девочка просто попала в то самое, что и другие подростки чувствуют, фантазируют – но не решаются претворить в слова и тем более изложить на бумаге. Это все.

Оценив число взметнувшихся рук – десятка четыре сразу, Интента сделала глоток воды и кивнула одной из своих студенток, сидящих ближе всего к ней:

- Да, Аника?

- Откуда вы это знаете, леди Интента? - слегка дрожащим голосом спросила девушка и покраснела. - Вы знакомы с автором книги?

- Да, я с ней знакома, – кивнула Интента.

- Она созерцающая? - громко выкрикнул кто-то сзади, не поднимая руки.

Проигнорировав вопрос, Интента повернулась к поднявшему руку студенту-эльфу:

- Слушаю вас.

- Эта девушка... она из вашей вотчины? - спросил эльф, нервно обернувшись в ту сторону, откуда прилетел предыдущий вопрос.

- Этого я вам не открою, – покачала головой Интента, - не из магических вотчин, как я уже сказала. Может, из моей, или любой другой.

- Леди Интента, а в кого все-таки она была влюблена? Вы обещали, что скажете, - напористым тоном спросила следующая студентка-эльфийка, сидевшая рядом с тем, кто задал предыдущий вопрос.

- Да, обещала. Но имя называть было бы неделикатно, тем более, что этот человек даже не подозревает о том, что из него был создан литературный персонаж... точнее, из впечатлений о нем, как я уже сказала. Это был темный маг, естественно, аристократ, - немного подумав, добавила Интента.

Весь зал после этих слов начал переглядываться, вновь бросая косые взгляды на Маркала, но уже постепенно теряя к нему интерес. Интента ответила ещё на несколько вопросов, после чего одна из самых юных слушательниц внезапно озвучила мысли многих:

- Леди Интента, так получается, что Алиока не в принца Маркала была влюблена, верно?

- Нет, не в него. Они даже не были знакомы, - подтвердила Интента, стараясь не смотреть на лицо Маркала. Но тот внезапно резко поменял позу и улыбнулся, полностью расслабившись – и она невольно глянула на него и встретилась глазами. Его взгляд казался таким теплым, будто они никогда не ссорились, будто он не знал о том, что она провела ночь в спальне Кетима или ему было все равно.

Отовсюду еще какое-то время доносились шепотки, а потом еще одна студентка робко подняла руку.

- Так получается, Черный лорд – выдуманный персонаж, леди Интента? Вообще не настоящий? - спросила девушка таким разочарованным голосом, что преподаватели даже заулыбались.

- Получается, что так, моя дорогая, как мне ни жаль вас разочаровывать, – пожала плечами Интента с сочувственной улыбкой, и по залу пронесся общий вздох – впрочем, вздыхали в основном девушки, а парни-студенты сидели очень довольные, как и некоторые преподаватели, покачивающие головами и возводящие глаза к потолку так, словно мысленно возносили хвалу своим богам и духам. Было заметно, что выдуманный Черный лорд снискал немалое число врагов вдобавок к поклонникам – в отличие от лорда Маркала, которого любили и уважали почти все. И она тоже.

Опустив глаза к своим записям, Интента дождалась еще нескольких вопросов, добавила несколько важных деталей к тому, о чем говорила раньше – в основном, для своих учеников, интересующихся стилистикой и лингвистическими особенностями текста. Через десять-пятнадцать минут лекция завершилась.

На этот раз она намеренно не стала убежать раньше всех – ей было проще своими глазами увидеть, что Маркал и Кетим ушли, чем проходить мимо них и ждать, окликнут ее или нет. Или пусть уже подходит сразу. Интента никогда прежде не чувствовала в себе такой внутренней силы, такого

спокойствия и готовности к самому худшему. Она честно осознавала, что любит Маркала и понимала, что ей предстоит залечивать сердце долгие месяцы, возможно, даже годы, но она также ясно ощущала внутреннюю готовность к тому, что ее уволят. Что именно он уволит ее и тем самым прогонит от себя, отвергнет окончательно.

Ей даже не казалось больше, что это превратит ее в руину, словно разговор с Кетимом как-то помог, как-то освободил ее. Именно во время этой беседы она поняла, что не может не верить в любовь, какой бы она ни была жестокой, как бы не отличалась в реальной жизни от той, что описана в романах Алиоки. Брак по расчету – не для нее, Мелиция была права. Ей все равно очень хотелось любить и быть любимой, чего бы то ни стоило. И больше не хотелось ничего доказывать – ни себе, ни Маркалу. Также не тянуло ни в чем оправдываться, ни за что извиняться, и она даже не чувствовала себя больше неуклюжей и недостойной. Она хотела просто перевернуть страницу и пойти дальше, что бы ее ни ждало.

Зал постепенно опустевал. Интента медлила, и к ней подошли несколько студентов, чтобы задать дополнительные вопросы, а пока она отвечала на них, все преподаватели разошлись. Сама она в обществе двух самых заинтересованных студенток вышла из зала последней, через полчаса после окончания лекции. В замке постепенно застывала неестественная тишина – наступало полнолуние. Они шагнули в коридор, и тут Интента спохватилась – время было слишком поздним, чтобы отпускать девочек одних.

- Так, дорогие мои, давайте-ка я провожу вас до ваших комнат, – строго сказала она, – ведь уже объявлен комендантский час.

- Я сопровожу их, миледи, – негромко произнес кто-то сзади. Все трое девушек вздрогнули, но тут же успокоились, заметив появившегося из-за колонны Афрона.

- Его светлость ждет вас, – буркнул он в сторону Интенты, не поднимая головы.

Камердинер ухитрился указать ей глазами куда-то в конец коридора, так и не взглянув на саму Интенту. Его щеки слегка покраснели, выдавая заметную неловкость болтуна за те сплетни, что он усердно распространял весь день. Переведя взгляд туда, куда указывал Афрон, она сглотнула. Сердце пропустило удар. Маркал стоял, подпирая плечом стену, и спокойно смотрел на нее, терпеливо дожидаясь. Когда Афрон забрал двух припозднившихся студенток и ушел с ними в другую сторону, лорд Мерсье отделился от стены и не спеша пошел к ней. Интента сделала несколько шагов навстречу, глядя в сторону:

- Ваша светлость? – спросила она, вытягиваясь в струну. Но Маркал, как всегда, спросил не то и не так, как она ожидала.

- Миледи, не составите ли мне компанию для прогулки по оранжерее? – предложил он самым светским тоном. И Интента какое-то время просто стояла в замешательстве, а затем нервно усмехнулась:

- Вы шутите?

- Вовсе нет.

Он предложил ей локоть, и она обреченно взялась за него, позволяя повести себя вперед по коридору.

- Мне понравилась ваша лекция, – негромко заметил он, глядя на нее, но Интента никак не могла решиться поднять глаз, и все еще смотрела в сторону.

- Правда?

- Да, только вы на этот раз не поинтересовались моим мнением.

- Насчет чего?

- Насчет автора романа, разумеется.

- Но вы не поднимали руки, лорд Маркал.

- В прошлый раз вас это не остановило.

Расслышав по голосу, что он улыбается, Интента наконец решила посмотреть на него и встретила теплый взгляд. Робко улыбнувшись, она вновь опустила глаза, и в полном молчании они дошли до галереи, разделявшей два крыла. А там Маркал все также молча увлек ее на ту самую лестницу, на которой щелкнул по носу в начале лета. Теперь она понимала, что даже поцелуем он не обеспечил бы себе столько внимания с ее стороны, сколько этим возмутительным жестом.

Интересно, со сколькими ещё женщинами лорд Мерсье проворачивал этот фокус, мелькнуло в ее голове. И что он задумал теперь?

- Так что вы хотели сказать об авторе романа, лорд Маркал? - осведомилась она, лишь для того, чтобы избавиться от этих навязчивых мыслей, пока они спускались по злополучной лестнице.

- Дайте подумать, - кивнул он, снова улыбаясь. Они очень быстро оказались в самом низу, где Интента невольно остановилась на том самом месте возле балюстрады. Улыбка Маркала стала шире, он посмотрел ей в глаза и, словно заметив в них что-то, шагнул ближе, прижимая ее спиной к перилам так же, как в прошлый раз. Только в этот раз его руки беззастенчиво обняли ее: одна - за талию, другая обхватила шею.

- Я думаю, что автор этого романа была очень юной созерцающей с пытливым впечатлительным умом и богатым воображением, по имени Интента Валиар, - еле слышно произнес он в ее губы. Интента широко раскрыла глаза и приоткрыла рот от удивления, но Маркал тут же закрыл его поцелуем - очень нежным и дразнящим, как и прикосновения его пальцев к ее затылку. Сладким... долгожданным.

- Как вы догадались? - спросила она, задыхаясь, когда пришла в себя после поцелуя в его крепких объятиях, уткнувшись носом в твердое, вкусно пахнущее плечо, обтянутое шелковой рубашкой.

- Это было легко, - хмыкнул он, продолжая ласкать ее обеими руками - спину, шею, затылок.

- Маркал, - прошептала она, закрывая глаза и отдаваясь этой неге. Невозможно было сопротивляться ему - даже если ей суждено быть снова обманутой, Интента хотела насладиться каждым мгновением.

- Я не заметил кольца на твоем пальце сегодня вечером, - прошептал он, поглаживая ее шею и едва-едва касаясь губами лба. Интента подняла лицо с закрытыми глазами, и он снова коснулся ее губ легким поцелуем.

- Я вернула его Кетиму, - прошептала она, наконец решаясь обвить руками его шею, хоть и ожидая каждую секунду, что он оттолкнет. Но Маркал лишь глубоко вздохнул, крепче прижимая ее к себе:

- Значит, ты решила поссориться со своим Просветленным?

- Я не выйду замуж за нелюбимого даже ради Просветленного, - кивнула она, снова вдыхая его запах - и едва удерживаясь от того, чтобы не умолять Маркала снова поцеловать ее.

- А за любимого?

- За любимого - да, - прошептала Интента, опуская ресницы.

- Я люблю тебя, - так же тихо сказал Маркал, обхватывая ладонями ее лицо, и требовательно посмотрел в глаза.

- И я люблю тебя, - прошептала она, ошеломленная тем, как просто он это сказал. Маркал удовлетворенно кивнул, приподняв уголки губ.

- Пойдем, я покажу тебе оранжерею, - внезапно сказал он чуть громче, отодвигаясь.

- Эммм. Хорошо, - удивленно согласилась Интента, вкладывая ладонь в его протянутую руку. - Но вы ведь говорили, что в замке нет...

- Ее достроили вчера.

В полной тишине, нарушаемой лишь слабым стрекотом сверчков и тихим ветром в листве, они довольно долго шли по мокрой траве, пройдя под галерей, свернув направо, а потом из груди Интенты вырвалось громкое восклицание при виде огромного здания с полукруглым куполом.

- Как это я до сих пор не заметила? - удивленно спросила она, приблизившись ко входу.

- Сюда выходят только окна моих апартаментов, - пояснил Маркал, - ну, и Кетима еще. Оттуда ты могла заметить.

Слегка порозовев, Интента искоса посмотрела на него:

- Я не была близка с Кетимом, ты ведь знаешь?

- Знаю, любовь моя.

Вздыхнув с облегчением, Интента кивнула и посмотрела вверх, смахнув неожиданные слезы:

- Но ведь Афрон рассказал тебе, что...?

- Да, рассказал. Но я хорошо знаю Кетима. Он не способен на насилие над женщиной, не такого рода точно.

- А почему ты подумал о насилии? Вся академия полагает, что мы были вместе добровольно.

- Потому что я знаю, как ты к нему относишься. И знаю, как ты относишься ко мне, – тихо добавил Маркал, снова обнимая ее. Интента вновь почувствовала, как на глазах выступают слезы, но он вытер их большими пальцами, снова поцеловал, и на этот раз они целовались так долго, что у нее едва не помутился разум. Очень хотелось, чтобы это не прекращалось – даже если все закончится на траве самым непристойным образом.

- Тише... я же не железный, – хмыкнул он ей в ухо, и Интента почувствовала, как мурашки бегут по спине – фраза напомнила о ночи в его доме в Нуарессе.

- Почему ты не отвел меня в свою спальню в ту ночь в Нуарессе? – быстро спросила она, слегка отстраняясь.

Маркал вздохнул, серьезно глядя ей в глаза:

- Потому что я тебя любил уже тогда, мой милый толстошмяк. А толстошмяки такого не прощают, верно?

- Ты... ты... - Интента задохнулась от слегка наигранного возмущения, а Маркал засмеялся, повернувшись к двери, ведущей в оранжерею, и открыл ее перед ней:

- Добро пожаловать. Ты – первый гость.

- Правда? – спросила она, мгновенно меняясь в лице, и Маркал снова хмыкнул:

- Правда.

Интента шагнула внутрь, в теплую темноту, но вошедший следом Маркал внезапно прошептал что-то свистяще-шипящее, и огромное помещение озарилось светом – не ослепительно ярким, но достаточным, чтобы озарить каждый уголок. Глаза Интенты округлились, и она, невольно отшатнувшись, с изумлением уставилась на него:

- Я понятия не имела, что ты можешь колдовать темными заклинаниями.

- Я же Черный лорд, малышка, – низким голосом сказал Маркал и сверкнул глазами так, что она запрокинула голову и захохотала.

Какое-то время он просто улыбался, наслаждаясь ее смехом, а потом повернулся, чтобы закрыть за ними дверь, и Интента решила осмотреться. Помещение выглядело ещё пустоватым: земля была подготовлена для цветов, но не везде использована под посадки. А сразу при входе ее внимание привлекли ярко-алые огромные цветы – целая поляна ярко-алых ароматных прелестников.

Интента застыла. На этот раз она даже не стала бороться со слезами, выступившими на глазах:

- Маркал. Это то, что я думаю? Не совпадение? – тихо спросила она, едва дыша.

- Да, любовь моя. Это для тебя. Вся оранжерея – для тебя. Я не планировал ее строить раньше следующего года, но в августе понял, что хочу пригласить тебя сюда. По правде, я планировал скрыть, что оранжереи не было тогда, в июне. Но на прошлой неделе ещё не успели с цветами и... вообще.

Порывисто повернувшись, Интента уткнулась носом в его грудь, а потом подняла лицо:

- Я люблю тебя. Не могу поверить, что ты читал этот ужасный роман.

Маркал засмеялся:

- А вот это было не для тебя. Мне Кетим придумал этот образ и заставил прочитать книгу.

Интента сглотнула. В ее романе Черный лорд дарил героине прелестники едва ли в каждой главе – любимые цветы ее детства. Внезапно она хихикнула:

- Подумать только, мне удалось впервые разозлить тебя еще до нашего знакомства.

- Почему ты думаешь, что разозлила меня?

- Насколько я тебя знаю, чтение этой книги должно было довести тебя до приступа бешенства, - с улыбкой сказала Интента, наблюдая за его лицом, и Маркал не сдержал улыбки:

- Я держался до самого финала. Но то, что было в конце, действительно вызывает раздражение.

- Меня обманули ведьмы в издательстве, - грустно пожаловалась она, - в моем финале Черный лорд растворялся в тумане, и читатель должен был понять, что героиня его выдумала. И продолжений я не планировала. Я чувствовала себя душой почти каждую минуту, что писала эту книгу, но почему-то не могла не писать.

- Мой бедный наивный толстошмяк, - с тихим умилением произнес Маркал, наслаждаясь созерцанием ее лица, - Хочешь, я разорю это издательство?

- Ну, это уж слишком, - хмыкнула Интента, испуганно округлив глаза.

Лицо Маркала снова отразило умиление, и он улыбнулся, опять обнимая ее и касаясь губами макушки.

- Как вы думаете, миледи, - деланно задумчивым тоном начал он, погладив ее по спине, - если двое, допустим, любят друг друга, логично было бы пожениться, верно?

Интента засмеялась:

- Возможно. Я сама не знаю, конечно, но поговаривают, что в таких случаях мужчина обычно делает предложение.

- Но что, если леди вдруг ответит отказом? Куда ему, бедному, деваться с его большим больным самолюбием? - тихо спросил он и накрутил на палец ее локон.

- Дайте подумать. А оно очень большое? - заговорщическим голосом уточнила Интента, неудержимо краснея.

- Довольно-таки, - еле слышно пробормотал Маркал и легонько прикусил ей ухо, от чего она вздрогнула всем телом.

- А если леди, предположим, пообещает не отказываться?

- Это был бы неплохой выход.

- Я обещаю, - серьезно сказала Интента, глядя прямо в глаза.

- Выходи за меня, Интента.

- Я согласна.

Маркал шумно выдохнул, и только тогда она поняла, насколько он был напряжен. Вновь протянув руки, она позволила ему снова обнять себя - на этот раз так крепко, что едва не затрещали кости. Но сразу затем он не стал снова целовать ее, как она ожидала, а запустил ладонь в ее волосы, безжалостно разрушая прическу, и слегка отвел ее голову назад:

- А теперь может объяснишь, что ты делала утром в спальне Кетима полуголая? - спросил Маркал. Интента фыркнула, изумленно поднимая брови:

- Ты ждал моего согласия, чтобы потребовать объяснений?

- И для этого тоже, - отрезал он. - Я верю тебе, и верю Кетиму, но я действительно не железный. Объясни мне.

- Ради духа. Да ты настоящий тиран, - с широкой улыбкой засмеялась Интента.

- Еще какой, - выдохнул Маркал, глядя на ее губы. - И я слышал, что нынче модно не дожидаться окончания помолвки, так что помышляю обесчестить тебя прямо в этих прелестниках.

- Обесчестить? Но я вовсе не так невинна.

- Тем более. Так ты решила испытывать мое терпение до конца?

Расслышав в его голосе нотки раздражения, Интента вздохнула и поторопилась с объяснениями:

- Ульрис опоил меня пустынным, когда я вчера вечером сказала, что разрываю помолвку, а утром шантажировал после прихода горничной и Афрона. Говорил, что вы меня уволите, и я никуда не устроюсь, если не останусь его невестой.

- Опоил пустынным? Он отравил тебя?

Лицо Маркала изменилось так, что Интенте стало не по себе.

- Мы все обсудили. Я не держу на него зла.

Ноздри Маркала раздулись. Он отпустил ее волосы и напрягся всем телом, глядя в сторону. На его челюстях обозначились желваки.

- Скажи мне, что он тебя не трогал. Что не пытался...

- Он меня не трогал, - быстро сказала изрядно напуганная Интента.

- Он не предавал меня. Никогда прежде, - сказал Маркал, и его лицо потемнело.

- Маркал.

- Подожди, Интента. Подожди.

Глядя на разом погрузневшего Маркала, Интента стиснула кулаки от досады:

- Он не предавал тебя. Он просто не знал, что ты чувствуешь ко мне.

- Он знал.

- Ты говорил ему?

- Нет.

Маркал прерывисто вздохнул. На его лице какое-то время отражался лихорадочный процесс размышлений, сменившийся небольшим просветлением:

- Что ж... может, он и не знал наверняка. Но почему ты защищаешь его?

Она снова требовательно посмотрела на Интенту, и она невольно улыбнулась:

- Ты ревнивец. Я защищаю его потому, что люблю тебя. Вы дружите много лет, зачем вам сейчас ссориться? Кетим не любит меня, так что даже повода нет что-то делить.

- Он отравил тебя.

- Не насмерть же. Когда он с кем-то хорошо поступал вообще? Это же не мешало тебе дружить с ним, - резонно заметила Интента.

- Со мной он никогда плохо не поступал.

- Он и сейчас не поступал плохо с тобой. Он поступил плохо со мной, и это лишний раз подчеркивает, что я для него ничем не отличаюсь от других женщин, - примиряюще заметила она. Маркал вздохнул и помотал головой:

- Ладно. Я поговорю с ним. Но я никому не позволю причинять тебе вред, даже ему. Ты под моей защитой, слышишь, Интента? С этой минуты и навсегда.

- Слышу, - с очень довольной улыбкой ответила она. - Я тебя очень люблю.

- И я тебя. Нам надо пожениться как можно скорее, - задумчиво сказал он, выходя из оранжереи.

- Ты хочешь скорее показать мне большое самолюбие? - уточнила Интента, направляясь следом.

- Оно прекрасно дополнит твое глубокое мировоззрение, любовь моя. Хочу рассмотреть его под разными углами, возможно, даже неожиданными. Я даже не исключаю, что захочу попробовать его на вкус. Но чем быстрее мы вместе будем двигаться по пути познания...

- Достаточно, - выпалила Интента с пылающими щеками и, приподняв юбки, поспешила назад, к лестнице.

- Помедленнее, родная. Полнолуние же. Я больше не отпущу тебя ни на шаг в такие ночи, - сказал Маркал, тут же нагоняя ее.

- А я больше никуда не уйду, - эхом отозвалась Интента, с готовностью прижимаясь к нему, как только он обнял ее.

ЭПИЛОГ

Скромнее свадьбы, чем у Маркала и Интенты, в королевстве, возможно, не играли за всю историю, особенно если принц выступал в роли жениха. Афрон, посвященный в их секрет, поскольку должен был помочь с подготовкой праздника, не уставал охать и сокрушенно качать головой до самого последнего момента, причитая так, словно был не молодым крепким мужчиной-камердинером, а какой-нибудь заполошной кухаркой преклонных лет.

«Миледи, этого просто не может случиться. Это позор, позор», - еле слышно бормотал он вслед Интенте при каждой встрече, картинно заламывая руки. «Милорд, вы же не допустите, - бросался он к Маркалу в другие минуты, - милорд, заклинаю вас... ради вашей матушки... ради ее величества... Что скажут люди?»

Но жених и невеста оставались непреклонны, однажды приняв решение пожениться втайне и лишь потом объявить всем об этом. Для Маркала подготовка к пышной церемонии означала переполох в замке и как минимум месячный перерыв в его работе, что было просто недопустимо для академии, не говоря уже о других проектах. Для Интенты объявление о свадьбе с лордом Мерсье означало громкое осуждение из родной вотчины и связанные с этим сплетни на каждом углу. Опытная доверенная созерцающая сознательно идет против воли Просветленного - такое не каждый день случалось.

На охающего камердинера почти не обращали внимания - тем более, что охал он лишь с ними наедине, после того, как Маркал серьезно пригрозил ему ссылкой на пивное производство, если только начнутся какие-нибудь новые сплетни. С тех самых пор Афрон на людях вел себя тише воды, ниже травы и с опаской поглядывал на Интенту. Но она не планировала строить козней против камердинера, чувствуя себя перед свадьбой абсолютно счастливой и любящей весь мир, включая всех болтливых слуг до единого.

Для бракосочетания было избрано главное место силы замка Мерсье - ничем не примечательная полянка в лесу, о которой знал только Кетим. А сам Ульрис, после долгого тяжелого разговора с Маркалом несколько недель назад вызвался лично провести церемонию - вероятно, чтобы загладить вину и продемонстрировать, что по-прежнему остается ему другом. Список гостей был единогласно утвержден в составе четырех человек: магистр Вермар, магистр Делиор, леди Лизергейн и ещё один, кроме Ульриса, друг Маркала, приехавший по такому случаю из королевской вотчины.

В лес все семеро отправились тайком, под заклятием невидимости, наложенным Кетимом. Его срок действия был умело рассчитан так, что оно начало рассеиваться, пока Ульрис вел их витиеватыми тропами. Интента видела такое впервые и с любопытством наблюдала, как очертания человеческих фигур, движущихся рядом, сначала становятся еле видимыми, затем проявляются полупрозрачные тела. Она то и дело опускала взгляд на собственные руки и подол гранатового платья, выбранного для церемонии.

- Мы как привидения, - шепнула Амалия, словно читая ее мысли, и девушки тихо засмеялись.

Интента теперь смеялась не переставая - она почти не понимала, как могла быть такой серьезной всю жизнь. Как вообще кто-то может быть серьезным в этом прекрасном, удивительном мире, полном счастья, любви и шуток? Каждая острота Кетима, вернувшего дружеский тон в общении с ней, казалась теперь невероятно смешной, как и ответные замечания Маркала, всегда теперь маячившего где-то поблизости.

А больше всего она любила, когда они собирались втроем в секретной деревенской таверне, играя в магические кости. Она обожала слушать, как мужчины перебрасываются остротами и обмениваться нежными взглядами с Маркалом, от которых Кетим неизменно закатывал глаза так, словно хотел их повернуть вовнутрь, лишь бы не видеть любящую парочку.

Если же к ним ненадолго присоединялась Мелиция, то шутки начинали сыпаться с такой скоростью, что Интента не успевала даже осознать, над чем снова смеется. Кетим в паре с леди Лизергейн умудрялся смешить их с Маркалом даже без слов - достаточно им было обменяться какими-нибудь особенно выразительными минами на лице, как раздавался дружный хохот.

«Не понимаю, деточка, над чем вы опять смеетесь», - обязательно говорила тогда Мелиция, приподнимая брови, но ее глаза бывали так хитры в такие моменты, что Интента прыскала снова.

Кетим же находил особое удовольствие в том, чтобы подпаивать Лизергейн различными сортами пива, а затем сетовать на ее невоздержанность, от чего Мелиция могла раскраснеться, слегка поджимая губы. Но уже в следующую минуту обязательно отпускала какое-нибудь колкое замечание на предмет Кетимовых манер или организационных решений в академии, после чего поджимал губы уже Ульрис. К концу вечера они обычно всегда примирялись и вместе первыми возвращались в замок, чтобы оставить влюбленных наедине.

Днем Интента много работала и проводила время с Амалией и Венсаном. У них тоже теперь образовалась своеобразная тройка, удобная для совместных обедов, посиделок с чаем и пирожными после окончания занятий, утренних прогулок в деревню в выходные. Помирились они почти сразу, как стало известно о разрыве ее помолвки с Кетимом – точнее, Интента сделала вид, что размолвки не было, щадя чувства Амалии. Лишь Венсан в один из дней после полнолуния улучил момент, когда они остались наедине, и принес извинения за то, что ошибся в ней.

Интента простила его с легким сердцем и даже обняла:

«Давайте снова будем друзьями, Венсан, – предложила она с улыбкой, – И если следующий раз кто-то из нас опять решит обидеться, то пусть обещает, что поговорит с другим прежде, чем делать выводы». «Согласен», – кивнул в ответ вампир.

Отношение Амалии к магистру Вермару тоже сильно изменилось после ее возвращения в академию. Казалось, она больше не ждала от него никакого подвоха и полностью доверяла. А когда однажды, прогуливаясь с Маркалом в поздневечернее время, Интента увидела их вдвоем, сидящими в саду и оживленно беседующими так, словно было самое время для пикника, она тихо засмеялась в рукав жениху и поспешила свернуть в другую сторону.

- Ты что? – спросил тогда Маркал, завертев головой и, тут же заметив парочку, высоко поднял брови:

- Так они на самом деле помолвлены? Я думал...

- Тссс, - зашикала на него Интента, зная чуткий слух вампира, но было поздно. Вермар поднял глаза и встретился с ней взглядом. Правда, лицо его не отразило почти никаких эмоций при виде ее в обществе ректора – он лишь улыбнулся еле заметно. Об их помолвке с Маркалом вампир также догадывался – или, может, знал от матери, но деликатно не задавал ни единого вопроса. Лишь за несколько дней до свадьбы Интента открыла им с Амалией секрет, пригласив на церемонию.

Сказать, что друзья были шокированы известием о бракосочетании, означало преуменьшить их эмоциональную реакцию. Несколько мгновений на лице магистра Вермара даже сохранялось такое выражение, будто он сомневался в здравом рассудке Интенты. «Позволь мне уточнить, - сотрясаясь от внезапного приступа нервного смеха, начала Амалия. – Значит, твоя помолвка с лордом Кетимом заканчивается свадьбой с лордом Мерсье? Можешь не отвечать, но скажи мне, ради верховной ведьмы, как ты это делаешь, Интента Валиар?»

Весело рассмеявшись, Интента обняла подругу за плечи. «Сама не знаю, честно. Я до сих пор поверить не могу. Но, видишь, каких только чудес не бывает на свете», - сказала она, метнув многозначительный взгляд на Венсана, но тот сделал вид, что не заметил, и сразу же отвел глаза, машинально мотнув головой, словно отрицая этим, что какие бы то ни было на свете чудеса могут иметь к нему отношение.

Но все же, направляясь на ее свадебную церемонию, вампир и белый маг шли рядом, и их руки касались друг друга – это заметил даже Кетим, когда действие зелья невидимости кончилось. Криво ухмыльнувшись, он поднял одну бровь, смерив Венсана прохладным взглядом сверху донизу, но ничего не сказал. Интента улыбнулась: при леди Лизергейн, конечно, он не мог позволить себе пикировки.

Переведя взгляд с Мелиции на Кетима, заметив, как он на нее смотрит, она ещё раз убедилась в том, о чем думала несколько раз за последнее время: леди Лизергейн и есть главная причина ненависти между темным магом и вампиром. Кетим любил ее как мать, возможно, даже больше – и бешено ревновал к Венсану. А Венсан тоже инстинктивно защищал свою территорию, тем более что родственную связь с ним Лизергейн не афишировала и проводила с темным магом немало времени. Сама же Мелиция будто ничего не замечала, сохраняя ровные отношения с обоими. И в этот раз, заметив их переглядку, демонстративно отстранилась и повернулась к столичному гостю, заводя с ним светскую беседу.

Кетим вышел примерно на середину поляны и какое-то время просто стоял, закрыв глаза и опустив руки – но не безвольные, а наоборот, напряженные до крайности, с растопыренными пальцами и ладонями, повернутыми к земле. Затем он сделал такое движение, будто поднял что-то невидимое и энергично растер между ладонями. Интента поразилась, насколько серьезным было его лицо, когда темный маг снова открыл глаза и повернулся к Маркалу:

- Темный дух этой земли спрашивает о том, насколько крепко твое намерение жениться на этой женщине.

- Мое намерение непоколебимо, - ответил Маркал, не раздумывая не секунды, и Кетим повернулся к Интенте:

- Темный дух этой земли хочет знать, полностью ли ты готова вступить в брак с этим мужчиной?

- Я готова полностью, – кивнула Интента и повернула голову, робко улыбнувшись Маркалу. Она не ожидала, что церемония начнется столь внезапно, но Маркал успокаивающе пожал ей руку чуть выше локтя:

- Спокойно. Это только подготовка.

- Я забыла почтить об этой церемонии, – виновато прошептала Интента, розовея. Она всю жизнь думала, что будет выходить замуж по церемонии созерцателей, которую знала наизусть – а о темном обряде только читала пару раз в книгах, и то – без подробного описания.

- Я бы сказал тебе, если бы в этом была необходимость, – тут же заметил Маркал, улыбаясь. Невыразимая нежность в его взгляде заставила что-то внутри дрогнуть и расплавиться. Интента ответила таким же любящим взглядом, но периферическим зрением заметила, как Кетим на мгновение закатил глаза – прежде, чем закрыть их и замереть на месте снова в такой позе, будто что-то вытягивал из земли своими ладонями.

Маркал шагнул к невесте и обнял ее, и даже коснулся губами лба, невзирая на приличия, а Интента с наслаждением закрыла глаза, вдыхая его запах.

- Темный дух говорит, что не выйдет из-под земли, пока эти двое не прекратят телячьи нежности, – не открывая глаз, внезапно глухо произнес Кетим. Интента вздрогнула, машинально отстраняясь от жениха, но Маркал тут же притянул ее обратно, пронзив темного мага тяжелым взглядом:

- Кетим! – угрожающе прорычал он, одновременно с леди Лизергейц. Их интонации полностью совпали, и все гости на поляне засмеялись, а темный маг со вздохом открыл глаза:

- Ладно, зануды, давайте начинать.

***

В то самое время, как леди Интента, лорд Маркал и их гости на тайной свадьбе наслаждались теплым осенним вечером в лесу, на родине созерцающей никто и помыслить не мог о том, чтобы без особой нужды высунуть нос из дома. На севере королевства уже пару недель стояла ранняя зима – все вокруг, докуда хватало глаза, покрывал глубокий снег, колючий ветер хлестал редких прохожих по лицу и завывал в пустых подворотнях. Неожиданно низкая для последнего месяца осени температура поспособствовала тому, что даже те, кто никак не мог назвать себя домоседами, предпочли посиделки у камина пребыванию на свежем воздухе.

Так вышло тем вечером, что высокий красивый мужчина с непокрытой головой шел по улице совершенно один, и некому было оценить то удивительное зрелище, что он представлял собой во время этой прогулки. А посмотреть было на что: к примеру, несмотря на обильный снегопад, его золотых волос и плеч белые хлопья не касались, словно их прикрывал невидимый зонт. А ещё вся его фигура немного сияла – таким белым светом, который никак не могла объяснить тускло-желтая подсветка фонарей. И даже больше могло бы поразить отсутствие следов позади этого прохожего на свежем рыхлом снегу. Могло бы показаться, что этот человек беззвучно летит по воздуху прямо над дорогой, лишь делая вид, что шагает.

Путь он проделал не близкий: прошел до конца всю центральную улицу города, свернул на другую и снова сменил направление, а затем еще раз – пока не оказался на самой окраине, возле очень скромного, неказистого домика, выделяющегося простотой даже на фоне общей непритязательности облика провинциального городка. Все окна этого домишки, кроме одного, были темны, что свидетельствовало о вынужденной рачительности его жильцов.

Дорожка перед дверью была расчищена столь слабо, что любому другому гостю пришлось бы пробираться ко входу по колено в снегу, но золотоволосый мужчина снова будто прошел по воздуху, и даже нижний край его темного плаща остался сухим и чистым, не говоря уж об остальной одежде.

Дверь перед пришедшим открылась сразу же, как он шагнул на крыльцо – ни стука, ни звонка не потребовалось.

- Доброго вечера вам, Просветленный, – просияла хозяйка дома, распахнувшая перед ним дверь – хрупкая черноволосая девушка, которой с первого взгляда можно было бы дать лет восемнадцать. Если бы не голос – довольно глубокий и грудной, очень женственный и зрелый.

- Доброго вечера вашему дому, милая, – ласково отозвался Лилайт, проходя внутрь и окидывая взглядом небольшую переднюю комнату, – как вы обустроились?

- Все просто прекрасно, Лилайт. Я так благодарна вам, даже не могу выразить, как, – немедленно отозвалась эта девушка, чуть не плача при взгляде на просветленного. Она поспешно закрыла дверь, но теперь замерла, привалившись к ней плечом, словно лишилась всех сил от радости

принимать такого гостя.

- Вам не нужно меня благодарить, Марисса. Вас ведет дух, который ведет и меня, - спокойно сказал просветленный, снимая плащ. - А где Шемиз?

- Он у камина, рисует, - улыбнулась Марисса, указав рукой в сторону гостиной. И, наконец, нашла в себе силы двинуться с места следом за гостем, который тут же пошел в указанном направлении.

Наклонившись, чтобы пройти под низкой притолокой, Лилайт вошел в теплую уютную гостиную, и сразу сосредоточил все внимание на мальчике лет восьми. Ребенок сидел у камина, рисуя углями на большом пергаменте, растянутом на полу. Концы самодельного полотна юный художник прижал ножками стульев. Детская рука уверенными движениями летала над картиной, уже почти завершённой, на лице мальчика отражалась лишь сосредоточенность - он был полностью захвачен собственным творчеством.

В комнате пахло краской, свежесваренным чаем и домашним теплом - не тем, которое шло от камина, а тем, какое появляется в домах, где живут люди, любящие друг друга. Тихо приблизившись, чтобы не мешать, Лилайт взгляделся в лицо ребенка еще внимательнее и не нашел ни единого признака раздумий - мальчик словно находился во сне, в таком чистом творческом состоянии, которое не может идти от ума - только от сердца. Переместив взгляд на полотно, просветленный слегка поднял уголки губ. Он узнавал и место, и людей, изображенных на картине.

Фоном ее служил лесной пейзаж: густая чаща, листва - и в центре поляна, на которой находились семь человек. Впрочем, лица и фигуры шести из них выглядели немного размытыми, словно это тоже был фон, некое обрамление для главного действующего лица, детально выписанного чуть левее центра куда более жирными и черными угольными штрихами, чем другие.

Этой главной фигурой был темный маг во время темного ритуала - сосредоточенный, такой же вдохновленный и не-думающий, как тот, кто написал с него картину. Напряженные руки, собирающие энергию от земли, одухотворенное лицо, приоткрытые губы, с которых вот-вот сорвутся мощные заклятия - все это вместе создавало образ кого-то большего, чем просто человек из плоти и крови. Но в то же время такого реального и крепко стоящего на земле, каким только мог быть живой человек.

Художник ухватил лишь главные черты, но их было довольно, чтобы понять, кто этот человек и даже узнать его - тому, кто был с ним знаком. А Лилайт был знаком с этим человеком достаточно хорошо.

Ведьма, тихонько подошедшая к просветленному и ставшая рядом, какое-то время смотрела на него, а затем перевела глаза на сына:

- Он созерцает, верно?

- Верно, Марисса. Ты хорошо изучила своего сына.

- Я обычно не трогаю его, когда он такой.

- Это хорошо. Не вмешивайся, - негромко ответил Лилайт, - Шемиз только начинает раскрывать свои таланты, но они поистине огромны. Намного больше, чем твои собственные, а ты, видишь дух, способна на многое, Марисса.

- Я никогда не умела этим пользоваться.

- Это неважно. Теперь ты, наконец, пришла в дом своего духа, и многому научишься за очень краткое время. Ты ведь уже учишься, не так ли?

- Так. Я хотела показать вам кое-что, - прошептала ведьма. Просветленный, кивнув, позволил ей отвлечь свое внимание другими рисунками, разложенными на столе. Рука художника узнавалась с ходу - и Лилайт сразу мог понять, какие из них рисовал Шемиз, а какие - Марисса, которая, как и сын, любила изливать свои чувства на полотно.

- Мы постоянно видим этих людей. Темный маг, созерцающая... вампир, - шепотом пояснила ведьма, указывая на рисунки, - Темный - чаще всего. А созерцающая - это ведь Интента Валиар, верно?

- Верно, Марисса. Вы скоро встретитесь, как я и предсказывал тебе.

- Она вышла замуж, но не за того, на кого вы указали ей. Не за темного, - немного растерянным тоном сказала ведьма, перелистывая рисунки, один за другим, а затем перевела удивленный взгляд на просветленного.

- Она не как ты. С ней я не мог говорить прямо, поэтому пришлось пойти на уловку. Темный не был предназначен ей, а она - ему. Но по многим линиям судьбы они сходились вместе, и ни в одной из них не были счастливы.

- Но почему?

- Так уж устроены их сущности. Иногда любила она, а он - нет. Иногда любил он, и тогда Интента оставалась холодной. Но ни одного шанса на взаимное чувство у этих двоих не было, и каждый раз они вместе падали во тьму, - тихо сказал Лилайт, краем глаза наблюдая, как ведьму начинало знобить при одном упоминании о тьме.

- Упасть во тьму так легко, - пробормотала Марисса, еле заметно качнув головой вперед, в знак согласия.

- Как и сгореть на солнце, - добавил Лилайт, хоть и знал, что ведьма не поймет его.

- А если бы они вообще не встретились?

- О, они бы нашли друг друга в любом случае, - улыбнулся Лилайт, усаживаясь за стол, и протянул руку к рисунку, где были изображены двое: созерцающая и темный маг, под дождем, - Они могли бы встретиться уже давно, если бы дух не предупреждал меня всякий раз, что необходимо отвести эту встречу. И в конце концов я свел их сам, сказав сущую правду: им суждено быть вместе. Но главное, что в тот момент оба готовы были землю перевернуть, чтобы я оказался неправ. Они ее фактически и перевернули, - усмехнулся просветленный.

- Им было очень тяжело, - заметила Марисса, слабо улыбаясь. Лилайт кивнул:

- Они заплатили немалую цену за мои неуклюжие действия, но, видит дух, альтернатива была бы еще неприятнее для обоих.

- Но он теперь темнее, чем когда-либо, - грустно сказала ведьма, глядя на нарисованного мага, - Он иногда снится мне. Очень, очень темный.

Лилайт улыбнулся и внимательно посмотрел на девушку, обхватившую себя руками, словно от испуга:

- Его просто нужно вернуть к созерцанию.

Марисса все еще смотрела на рисунок, качая головой:

- Не представляю, кто способен на такое.

- Действительно не представляешь?

На этот раз Лилайт широко улыбнулся, но лицо ведьмы, поднявшей на него взгляд, наоборот, вытянулось от этой улыбки и отразило настоящую панику:

- О нет. Вы не хотите же сказать, что...

- Ты ведь все и так уже знаешь, Марисса. Не думаешь же ты, что дух просто так показывает тебе этого человека, снова и снова?

Лилайт улыбался все шире, а ведьма пугалась все больше, сжимая руки в кулаки:

- Но мы еле спаслись. Я отвечаю за безопасность моего сына.

- Он не причинит зла ни тебе, ни твоему сыну, - качнул головой Лилайт. - Просто вы спасете друг друга.

- Лилайт, я считаю вас своим спасителем. Не заставляйте меня думать, что я бежала из кошмара лишь для того, чтобы попасть в руки опасного сумасшедшего, - выпалила Марисса, внезапно начиная сердиться.

- Ты считаешь меня сумасшедшим? - уточнил просветленный так, словно в их беседе внезапно всплыл чрезвычайно важный вопрос.

- Когда вы такое говорите - да... почти, - процедила ведьма, складывая руки на груди. Теперь взгляд ее черных глаз выглядел по-настоящему ведьминским - агрессивным, независимым и слегка опасным.

- Что ж, поздравляю, Марисса. Ты близка к просветлению, как никогда. Дух позаботится об остальном, если ты будешь безупречна

Конец.

Послесловие:

Дорогие читатели, надеюсь, все вы уже получили и прочитали бонус к вашей подписке – рассказ про молодого лорда Кетима, который был залит в блоге на Призрачных мирах. Если ещё нет – ничего страшного, на днях он будет опубликован полностью бесплатно на всех ресурсах, где я обычно публикуюсь. За новостями, бонусами, акциями и скидками, как всегда, приходите в группу Вконтакте и на Фейсбук. Очень жду вас и всегда рада.

<https://vk.com/leena.luche>

<https://www.facebook.com/leena.luche>

Про любовь между землянками и инопланетянами на телепатической планете «Горре» читайте в серии «Горианские истории», которая доступна для покупки на «Призрачных».

Также счастлива сообщить, что в качестве подарка к 1 сентября для всех желающих на Продамане открыт условно бесплатный доступ к первому роману серии «Семь миров» - о фэнтезийной вселенной осознанных сновидений, где находят друг друга влюбленные сердца людей, умеющих мечтать.

Эротические сочинения приглашаю читать к моей очень близкой подруге Энканте – это для тех, кто любит погорячее) Строго 18+!

Искренне ваша,

Лина.